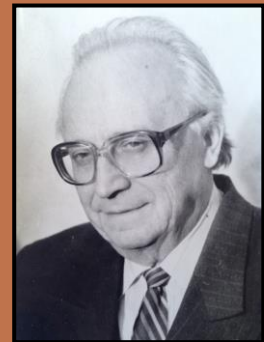

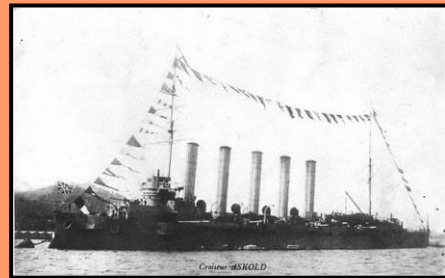
ДИНАСТИЯ

Вып.3

ЧЕКУРИНЫ

Рязань, 2014

*Государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Рязанский государственный медицинский
университет им. акад. И.П. Павлова»
Министерства здравоохранения
Российской Федерации*

Научная библиотека

Справочно-библиографический отдел

*Посвящается 100-летию начала
Первой Мировой войны*

ДИНАСТИЯ

Вып. 3

ЧЕКУРИНЫ

Рязань, 2014

УДК 61(092)+616.21
ББК 5г+56.8
Д 466

Д 466 ДИНАСТИЯ. Вып. 3: Чекурины (К 120–летию со дня рождения проф. В.П. Чекурина и 100-летию начала Первой Мировой войны): сборник документов, воспоминаний и фотографий / авторы текста: Л.В. Чекурин, Н.В. Кердиваренко; редактор и составитель: Н.А. Козеевская; гл. ред.: д.м.н., проф. Р.Е. Калинин, д.м.н., проф. В.А. Кирюшин; РязГМУ им. акад. И.П. Павлова; науч. б-ка. – Рязань: РИО РязГМУ, 2014.– 136 с.

Издание предназначено научным работникам высшей медицинской школы, преподавателям и студентам.

Издание подготовлено на основе материала, любезно предоставленного проф. Л.В. Чекуриным

Печатается по решению научно-планового Совета и Совета по воспитательной работе ГБОУ ВПО РязГМУ Минздрава России

©ГБОУ ВПО РязГМУ Минздрава России, 2014

ПРЕДИСЛОВИЕ

Василий Петрович Чекурин – доктор медицинских наук, профессор, первый заведующий кафедрой оториноларингологии Рязанского медицинского института им. акад. И.П. Павлова. Делу развития медицинского образования и оказания ЛОР–помощи населению В.П. Чекурин посвятил всю жизнь. Свою педагогическую деятельность он начал, будучи учеником реального училища и зарабатывая на жизнь репетиторством. Его врачебная деятельность началась в 1923 г. в клинике профессора Л.Е. Комендантова в Перми. Степень кандидата медицинских наук была присвоена В.П. Чекурину по сумме оригинальных работ, связанных с лечением тугоухости у детей и подростков. В 1939 г. им была защищена докторская диссертация в Первом Ленинградском медицинском институте, где он работал с 1931 по 1939 гг. В 1940-1950-е гг. профессор В.П. Чекурин организует кафедры, клиники, ЛОР–отделения, руководит подготовкой специалистов своего профиля в республиках Советского Союза – Узбекистане и Молдавии. В этих республиках он был главным ЛОР–специалистом, Председателем общества оториноларингологов.

В 1951–1956 гг. профессор В.П. Чекурин заведовал кафедрой оториноларингологии в Рязанском медицинском институте им. акад. И.П. Павлова.

Данный указатель является первой биобиблиографией ученого, педагога, организатора здравоохранения. Цель указателя – отразить его научные труды, а также вклад в развитие медицинского образования и организацию медицинской помощи населению. Указатель содержит биографический очерк, основанный на документах и воспоминаниях сына, в котором представлены основные даты жизни, научной и общественной деятельности В.П. Чекурина, хронологический указатель его трудов, неопубликованные работы, издания с биографическими сведениями.

Основу библиографической части издания составляют списки публикаций, подготовленные В.П. Чекуриным при жизни. Большинство изданий было просмотрено de visu. Часть работ сохранилась в виде оттисков в личном фонде семьи Чекуриных.

Использованы фонды библиотек гг. Кишинева и Рязани. Библиографические записи расположены в хронологическом порядке.

Издание снабжено указателем имен, представляющим собой перечень фамилий его сотрудников, соавторов и лиц, встречающихся в биографии.

Составители выражают благодарность всем, кто оказал помощь в подготовке данного издания: сотрудникам Кишиневского медицинского университета и фармации им. Тестемицану, его ректору - академику АН Молдавии И.И. Абабий (заведует кафедрой ЛОР–болезней), особая благодарность сотрудникам Рязанского медицинского университета им. акад. И.П. Павлова.

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ ОТЦЕ

Чекурин Л.В.

БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Память – это единственная река, которая движется наперекор течению Леты.

С. Довлатов

История предков всегда любопытна для того, кто достоин иметь Отечество.

Н.М. Карамзин

Прошедший XX век был настолько динамичен сам по себе, что это его свойство не могло не отразиться на биографиях тех, кто жил в этом быстронесущемся, грозном, часто голодном, иногда пресыщенном и постоянно изменяющемся веке. Семьдесят два года жизни моего отца включили абсолютную монархию (он родился еще при царе Александре III), пережил все правление Николая II, десятилетие жил при конституционной монархии. Первую Мировую войну отец прошел всю от ее начала до самодемобилизации полка в 1918 г., в котором он воевал на Румынском фронте. В первых боях под Варшавой он был ранен и контужен. Солдат Чекурин отмечен Георгиевским крестом и первым офицерским званием, заслуженным в боях на германском фронте. Отец пережил все российские революции начала XX века и почти всех Генеральных секретарей, смену технологической базы производства и науки. Он первый в своей семье получил университетское образование, диплом доктора медицинских наук и аттестат профессора. В.П. Чекурин занимал серьезные административные должности, но сердцем прикипел к медицинскому вузу, к кафедре отоларингологии, к студентам, и своим, иногда глуховатым и кашляющим, задыхающимся больным. Много всяких предметов ему удавалось вытаскивать из детских горлышек. У него даже был музей этих предметов, которые заглатывал ребенок, оставленный без присмотра. Почти 30 лет он заведовал созданными им в трех республиках – Узбекистане, Молдавии и Российской Федерации – кафедрами болезней уха, горла и носа. Административные должности, куда его выдвигали (на уровне первого зам. Наркома здравоохранения республики или зам. зав. отделом по школам и вузам ЦК КП Узбекистана), он сумел занимать, не прекращая работы в клинике. Свои довольно крупные административные должности он, как правило, в свои анкеты не включал. Может быть, считал их в своей жизни не столь важными или воспринимал их как общественные поручения? Главным делом он считал свою специальность. Он участвовал в создании ЛОР-клиник в Ростове-на-Дону и Ленинграде. Сотрудничество с крупным ученым и

организатором здравоохранения в России Л.Е. Комендантовым сильно повлияло на его дальнейшую работу. В 1939–1956 гг. В.П. Чекурин трижды начинал почти с нуля организацию кафедр ЛОР–болезней в Ташкенте, Кишиневе и Рязани. При этом он всегда умело использовал те местные силы, которые были в медицинских учреждениях названных городов. По некоторым данным до революции в России было всего 5 кафедр ЛОР–болезней. В.П. Чекурин участвовал в создании и руководил тремя кафедрами – в Ташкенте, Кишиневе и Рязани.

В последние годы жизни В.П. Чекурин стал свидетелем полетов в космос. В связи с этим была упомянута в библиографических сносках (а, может, и еще где-то) его сугубо научная книга о вестибулярном аппарате и восстановлении органов равновесия человека. Причин для этого было, мне кажется, две.

После полетов космонавты имели проблемы с собственным равновесием на земле. Отец занимался теорией равновесия в школе Л.Е. Комендантова, а в годы войны и после помогал восстановлению равновесия после ранений и контузий.

Авиационную, а затем Космическую медицину возглавил сын учителя отца Л.Е. Комендантова – Георгий Леонидович Комендантов. Книги учеников Л.Е. Комендантова были известны академику и лауреату многих премий Г.Л. Комендантову.

В.П. Чекурин – один из продолжателей трудов основоположников русской оториноларингологии Петербургской–Ленинградской школы Б.В. Верховского и Л.Е. Комендантова. Именно первые ученики Комендантова после защиты докторских диссертаций в Первом Ленинградском мединституте были направлены в разные республики и области Российской Федерации и организовали там не только оториноларингологическую помощь населению, но и подготовку специалистов по ЛОР–болезням и национальных кадров врачей этой специальности. Они заложили основы научной деятельности по данной специальности в Узбекистане, Молдавии, Армении, были организаторами клиник и кафедр по своей специальности в нескольких областях России. Это было правилом школы Л.Е. Комендантова. Естественно, в этом процессе участвовали представители и других оториноларингологических школ. Пути их нередко пересекались.

Первые два выпуска врачей, в подготовке которых участвовал В.П. Чекурин, дали, например, здравоохранению Молдавской ССР более 20 специалистов, среди которых есть доктора наук, профессора. Были подготовлены кадры коренной национальности. Были у него ученики и в Узбекистане, защитившие кандидатские и докторские диссертации, получившие высшие ученые звания.

Самой характерной и главной чертой, объединяющей все прочие особенности личности поколения наших отцов, их образа жизни является подвижничество, понимаемое, как служение людям. Это служение непосредственное и деятельное. Их отличала готовность быть рядом с

человеком, который нуждается в помощи. Она, эта готовность, ничем не заменима. Врачи этого поколения приносили на службу другим не деньги, не имущество, а именно себя. Они становились рядом с человеком ради облегчения его страдания. Они не догадывались, а профессионально знали, что боль при воспалении среднего уха терпеть невозможно. Удушье при дифтерии, случайный глоток кислоты или каустической соды, проглоченная кость ставит человека на грань жизни и смерти. Готовность быть рядом со страдающим человеком и быть полезным ему реализуется в профессиональном труде врача – оториноларинголога.

Замкнутость человека, его эгоизм сужает диапазон жизненного выбора специалиста. Обращенность к другим, деятельное сострадание к людям делает жизненный простор практически бесконечным. Этот коллективный портрет послереволюционных врачей не исключает ни человеческих слабостей, ни конкретных, порой нетерпимых для окружающих, недостатков. Но это не лишает их образ главной черты – подвижничества в своем деле.

Василий Петрович Чекурин родился 20(7) апреля 1891 г. в г. Петровске Саратовской губернии. После русских сел и деревень самой многочисленной административной единицей был уездный город. При наличии общих черт, каждый из них имел свое лицо, свои особенности. Город был основан по указу Петра I. На гербе города рука, держащая два ключа и исходящая из облака в красном поле. Из памятников старины в городе сохранилась пушка Петра Великого и Евангелие в медном окладе, подаренное им для построенного деревянного Петропавловского собора. Город расположен на двух берегах реки Медведицы. Обе части его соединены деревянным и железным мостами. Недалеко от берега – посаженная жителями сосновая роща. В год его поступления в реальное училище в городе было более 13 тысяч жителей, а когда уходил на военную службу в 1913 г. жителей было уже около 20 тысяч.

В этом городе родился легендарный генерал-майор, Герой Советского Союза И.В. Панфилов. Как отец, и многие из их поколения, он воевал в Первую Мировую войну.

Петровск гордится тем, что в нем родился знаменитый музыкант – виолончелист, народный артист РСФСР С.М. Козолупов, один из создателей русской виолончельной школы. Он солировал в ансамбле с С.И. Танеевым, К.И. Игумновым, А.Б. Гольденвейзером. Среди его учеников – С.Н. Кнушевицкий и М.Л. Растропович. В детстве отец водил меня на концерт С.М. Козолупова в Кишиневскую филармонию. Ему аккомпанировала его жена, ученица Гольденвейзера пианистка Надежда Николаевна. Отец хорошо знал своего именитого земляка.

До губернских реформ Екатерины и Петра Великого церкви г. Петровска подчинялись Рязанской епархии. С семьей Чекуриных связан еще один город – Спасск, откуда ведет свое начало крестьянско-мещанский род Чекуриных. Это уже третий, известный мне, Спасск. Есть Спасск – Рязанский, есть Спасск – Казанский. А есть еще один Спасск на речке Студенец. Когда страна делилась на уезды, рядом с Переяславским

(Рязанским) уездом был Шацкий. Этот Спасск из Шацкого уезда перешел по губернскому делению первоначально в Воронежскую, затем в Тамбовскую, а потом - в Пензенскую губернию, где менял свое название. В советское время город был переименован в Беднодемьяновск, хотя поэт Демьян Бедный никогда в нем не был, но, говорили, собирался его посетить. Сегодня город по решению Государственной Думы вновь носит свое первоначальное имя - Спасск. Было время, когда город моих предков – Спасск на Студенце числился и в Кадомском уезде.

В Тамбовском гербе города Спасска, о котором идет речь, в лазоревом поле улей и над ним три золотые пчелы – символ трудолюбия. В нижней части герба – черный крест в золотом поле, соответствующий ознаменованию города. Как бы два символа соединились в нашей семье: трудолюбие, рука Всевышнего и христианский крест. Так получается по геральдическим знакам городов, где жили предки нашей семьи.

О предках Василия Петровича Чекурина известно очень немного. Дед Алексей, мой прадед, из возможно, монастырских, затем экономических, а в конечном счете, государственных крестьян, расстался с земельным наделом, полученным по реформе 1861 г., уже в годы Столыпинской реформы. Чекурины вышли из крестьянской общины и стали жителями Пригородной слободы г. Спасска Тамбовской губернии. Из этого города дети уехали на заработки в Саратов на табачные фабрики.

Следующее поколение Чекуриных проживало в ста километрах от Саратова в г. Петровске, построенном по Петровскому указу. Там наша бабушка Мария Антоновна получила в наследство небольшой деревянный дом «стоимостью в пятьдесят ассигнаций». Эта небольшая собственность сделала город Петровок родным домом, для нас очень притягательным, и отец, где бы ни жил, всегда хоть ненадолго возвращался в этот город, пока не покинули его все Чекурины, уйдя в мир иной, или переехав в другие города.

Отец Василия Петровича Петр Алексеевич Чекурин умер в Петровске в 1920 г. от голода и туберкулеза, а его мама Мария Антоновна похоронена на Преображенском кладбище в Москве в 1939 г. Сестры Клавдия и Ольга рано ушли из жизни. Одна из них работала учительницей, вторая – фельдшером. Брат Михаил, видимо, последний настоятель одного из Саратовских монастырей, был репрессирован в 1929 г. Сестра Евдокия жила и похоронена в Ленинграде еще до войны. Ее преждевременная кончина последовала после неудачной операции аппендицита.

Как все крестьяне, мужчины из рода Чекуриных могли делать в хозяйстве все, в том числе и строить. Все домашние постройки крестьяне всегда возводили сами. Строительство, видимо, стало основным занятием моего деда Петра Алексеевича. По воспоминаниям моего отца, его отец, а мой дед, мог и дом построить, и крышу покрыть, и печь сложить. Впоследствии он работал плотником, слесарем, рыбачил в артелях и был бурлаком на Волге. Отец считал себя сыном рабочего, потому что больше половины жизни Петр Чекурин проработал на табачных фабриках г. Саратова, принадлежащих предпринимателям Штафу и Левковичу. На эту

фабрику деда отдали в 7 лет. На этих фабриках более 50 лет проработала моя тетя. Может быть, поэтому мой отец никогда не курил. Хотя у него была своя версия неприятия злого табака. Дома его не заставляли курить, но набивка папирос для своего отца была его постоянной обязанностью, но этому занятию он противился. Как-то ночью он сторожил дом, почти достроенный его отцом. Вместе с товарищем они покурили, легли спать, но очень рано закрыли заслонку в печке и сильно угорели. Отец подполз к двери, откуда тянуло свежим воздухом, отдышался, потом вытащил товарища. Отец считал, что это отравление угарным газом в соединении со вкусом табака навсегда отбило у него охоту к этому злу. В этот вечер подростки попробовали и водку. Реакция отца на нее была такой же отрицательной, как и на табак. По этой ли, или по другим причинам, я никогда не видел отца даже под хмельком. Думаю, медицина и этика врача тех лет не допускала этого. Врачей было мало. В любой момент можно было ждать вызова к больному. Работа подчиняла себе все. Это был образ жизни. Семья разделяла его, этот образ жизни, и относилась к работе отца с должным уважением. Если на завтра у отца была операция, мы дома старались не шуметь, дав ему возможность отдохнуть.

О случае отравления угарным газом отец рассказал еще в моем детстве, чтобы уберечь меня от курения, очень распространенного в послевоенные годы.

Последние годы в Рязани он жил на Советской площади около 4 –й, тогда мужской школы. Он обязательно останавливал школьников, закурывающих при выходе из школы, и читал им мини лекцию о вреде курения. Обычно они дослушивали его до конца. Его знали. В нашу школу он приходил с лекцией об ангине, ее лечении и предупреждении. Это была лекция о здоровом образе жизни, закаливании и обязательном занятии физкультурой. Он сам любил холод, а использование его для закаливания считал очень важным средством. Для нормального человека с целью закаливания он предпочитал рекомендовать холод, а при частых ангинах - мороженое.

Профессионального спорта он не признавал, считая его для обычного человека, не делающим из спорта профессию, вредным. Считал, что естественным для человека является плавание, катание на лыжах и коньках. Все это у нас в семье было, есть и сегодня.

В профессиональной спортивной секции я занимался без ведома родителей, благо, что тренировки совпадали с часами работы отца в клинике и на кафедре. Несколько лет я занимался в секции по баскетболу у очень хорошего профессионального тренера З.К. Байковой. Когда я стал входить в сборную области по баскетболу и плаванию, мои занятия спортом были в семье признаны. Болезненный в раннем детстве, я, благодаря отцовской системе закаливания и спорту, окреп. А закаливание пригодилось и в иные времена. Уже после раннего инфаркта я довел закаливание до купания в проруби.

О его системе воспитания детей я когда-нибудь напишу. Здесь же скажу только, что главными нравственными ценностями человека он считал безупречную честность и трудолюбие. Этому он добивался всеми доступными средствами и всегда прощал проступок своих детей за честное признание и осознание своей вины.

Прожив нелегкую жизнь, он сохранил доверие к людям и веру в Россию. «Всегда опирайся на хорошее в человеке» – часто повторял он. Он внушал омерзение ко лжи и обману, отвращение к притворству и любовь к прямоте, без которой, как без чести, в настоящее время человек в России существовать не может. Это была система нравственных ценностей его времени, сохранившего черты девятнадцатого века.

Важной частью воспитания было приобщение нас к русской классической литературе, основанной на христианских ценностях. В семье была довольно значительная библиотека русской классики. Лет в тринадцать - четырнадцать он дал мне книгу Ф.М. Достоевского «Подросток». Этот писатель в те годы почти не издавался и не рекомендовался для чтения. «Подросток» – книга о поколении отцов и детей, об этой злободневной и сегодня проблеме. Тургеневские «Отцы и дети» не исчерпали этой вечной темы. «Подросток» – самый доброжелательный из романов Достоевского, книга о воспитании и самовоспитании. Эта книга о том, как жить, как понять окружающих тебя людей. Я и сейчас размышляю над этим отцовским подарком. Конечно, не тогда, а много позже я обратил внимание на краткий разговор подростка с Версиловым.

Современные философы (например, В.К. Кантор) тоже выделяют это место в романе (разговор подростка с Версиловым в начале второй части), как ключевое:

«...Я хочу знать, что именно мне делать и как мне жить?»

Что тебе делать, мой милый?

Будь честен, никогда не лги, не пожелай зла дому ближнего своего, одним словом, прочти десять заповедей: там все это навеки написано.

...Вы только смеетесь! И притом, что я один сделаю с вашими десятью заповедями?

А ты их исполни, несмотря на все твои вопросы и сомнения, и будешь человеком великим».

А дальше продолжает размышлять уже сам подросток: «Ничего нет выше, как быть полезным».

Хорошо бы если каждый сын смог однажды получить в подарок от своего отца книгу, над которой можно размышлять всю жизнь.

Наша мама читала нам вслух роман В. Гюго «Отверженные» и иногда вместе со мной плакала над судьбой Гавроша и маленькой девочки Козетты. В памяти остался образ девочки, из последних сил тащившей неподъемное деревянное ведро воды.

Сохранился еще один книжный подарок, сделанный в день моего рождения – толстенная книга М. Горького с надписью некрасовского

стихотворного наставления: «... *правилу следуй упорно, Чтобы словам было тесно, мыслям просторно*».

Сам Василий Чекурин учился и окончил реальное училище в г. Петровске. Если быть точнее, образование в уезде было, как бы сейчас сказали, двухуровневое: три класса – начальное училище и четыре класса – высшее городское училище, которое имело шесть отделений (в нем учились 6 лет). К сожалению, это образование не давало возможности поступить в университет. Мой отец был первым в семье Чекуриных, который еще до революции стал мечтать об университете.

Откуда у него родилась мысль о высшем образовании, можно только догадываться. Один из его братьев, Михаил, был священником и даже монахом. Может быть, именно он заложил мысль о необходимости высшего образования. У него был круг общения, выходящий за пределы социальной страты его родителей. Употребление термина «страта» здесь более, чем уместно. «Страта» по латыни - *настил, слой*. В социологии - *группа людей, выделяемая по общему признаку* – уровню образования, материальному положению. Лучше и короче не скажешь. Но, возможно, это было прямое влияние университета, открытого в Саратове в 1909 г. Отцу в этот год было уже 18 лет.

Учился отец хорошо, особенно по математике. После окончания училища он репетировал детей в помещичьих семьях и даже готовил по математике одну из девушек к экзаменам на звание учительницы. В одном из листков по учету кадров отмечено, что занимался репетиторством с 1905 г. по 1912 г. В биографии он назвал двух помещиков Найденова и Краспенова (в автобиографии эта фамилия написана неразборчиво), которые жили в Петровском и Сердобенском уездах Саратовской губернии. Видимо, он жил в этих помещичьих семьях не один месяц. Оттуда-то он и имел вкус к организации быта семьи и знал, как сервировать стол и как себя вести во время обеда. У нас, например, у каждого прибора на обеденном столе лежала ослепительно белая салфетка в серебряном кольце. Такого ни у кого из моих товарищей не было. К завтраку и обеду отец выходил, когда вся семья уже сидела за столом, причем он был одет в костюм и белую рубашку с галстуком.

Одновременно с репетиторством отец и сам готовился к сдаче экзаменов экстерном за курс гимназии, а на заработанные деньги ездил на краткосрочные курсы для подготовки к экзаменам за курс гимназии в Петербург и в Москву. Без гимназического аттестата путь в университет был закрыт.

Он сделал две попытки сдать экзамены экстерном за курс гимназии в Казанском университете, но оба раза получил отказ. История была проста. В 1908 г. его избрали делегатом от учеников к директору училищ Саратовской губернии. Требования у них были очень серьезные: уволить двух учителей, которые их плохо учили, и чтобы остальные учителя обращались к ученикам на «Вы» (не называли учеников на "ты"). Ничего удивительного в этой просьбе реалистов не было. Россия, вот уже год с небольшим была

конституционной монархией, а они, реалисты, считали себя гражданами и вели себя по-граждански.

В Саратове ему обещали, что он за свою поездку к губернскому начальству и жалобы на порядки в реальном училище наказан не будет. Действительно, ему дали окончить училище, но вывели в аттестате четверку за поведение, тем самым закрыв ему путь к дальнейшему образованию. Более того, ни в какие государственные и другие учреждения, где требовался документ об образовании, с четверкой по поведению на работу, как оказалось, не брали. В рукописной копии автобиографии (1936 г.) упомянут краткосрочный арест (3 месяца) на следующий год после окончания реального училища за написанную прокламацию. По его словам, это оказалось «пагубным» для продолжения образования. В других автобиографиях, а их писалось много в те годы, факт с прокламацией больше не упоминался. Вихри враждебные веяли и в Петровске. Известен большой размах революционного движения в Саратовской губернии, который коснулся и учащейся молодежи. Умиротворял Саратовский край губернатор П.А. Столыпин.

Сдавать экзамен за курс гимназии нужно было в Казанском учебном округе. Вместе с документом об образовании требовалось заплатить 25 рублей. Эти деньги он заработал сам. Но еще требовался документ о политической благонадежности. Его выдавали чиновники Саратовского губернатора, на чье имя писалось заявление. С заявлением к губернатору Василий Чекурин обращался дважды в 1911 и 1912 г., но документа о благонадежности не получил и уже оплаченные экзамены не состоялись.

В Саратовской гимназии В. Чекурин все же сдал один по-граждански жизненно-важный экзамен. В послужном списке отмечено его «самообразовательное» действие: «Выдержал испытание на вольноопределяющегося 2 разряда при 2-й Саратовской гимназии». Сдача экзамена давала возможность сократить военную службу до 6 месяцев и право на производство в унтер-офицеры уже после 4 месяцев службы. Для присвоения офицерского чина следовало служить 3 года. Все это учитывалось при подготовке экзаменов на вольноопределяющегося. Однако, в год призыва отца (1912) в Воинский Устав были внесены изменения. Срок службы для вольноопределяющегося увеличился до двух лет. Судя по документам, вольноопределяющийся сдавал Закон Божий, русский язык, арифметику, геометрию или алгебру, географию и историю. На военной службе солдат, сдавший такой экзамен и получивший звание «вольноопределяющийся», отличался от других чинов своей части погонями, вокруг которых с трех сторон былшит шнур «романовских» (т.е., черно-оранжево-белый) цветов. Так власть поддерживала тех, кто добровольно готовился к службе в армии. В России уже полвека действовал закон об обязательной для всех мужчин военной службе.

РЯДОВОЙ РОССИИ. ВЛАДИВОСТОКСКАЯ КРЕПОСТЬ

В 1912 г. Василий Чекурин в возрасте 21 года был призван на действительную военную службу в городе, где жил его дед – Спасске – Тамбовском. Ныне – это город Спасск, который в советское время был переименован в Беднодемьяновск. Видимо, семья была по военному ведомству приписана к этому городу, несмотря на переезд в Петровск. Призывали не всех, призывников определял жребий. Из автобиографии отца знаю, что он на военную службу был выбран по жребию.

Действительно, рядовой состав царской армии призывался по такой системе. Жеребьевка производилась ежегодно с 1 сентября по 1 ноября. Жеребьевке подвергались все, кроме имеющих право на освобождение от военной обязанности. Со времени введения для всех мужчин России обязательной военной службы были ограничения: не брали кормильца, единственного сына в семье, лиц духовного звания, служителей искусства и науки, а также по состоянию здоровья. Всех, кто вытянул жребий, заносили в «приемный список», информировали о дне явки на сборный пункт и отпускали домой. Остальные зачислялись в запас первого разряда и были обязаны пройти четырехмесячные сборы в течение трех лет. На мой взгляд, разумная и справедливая система. Так или иначе, служили все. Отец вытянул жребий идти в солдаты, но он тогда не знал, что вытянул жребий на свою судьбу. В ней все будет не так просто и прямолинейно. Жизнь сложнее трехходовой шахматной партии. Счастье жить, оставаясь самим собой, человеком, складывается из судьбы, ума, воли и характера

14 декабря 1912 г. В.П. Чекурин был внесен в списки солдат 10-го Сибирского полка 3-й Сибирской стрелковой дивизии, которая дислоцировалась во Владивостоке. На пути к месту службы он первый раз пересек по Транссибу всю страну от Волги до Тихого океана. Владивосток был конечным пунктом Транссибирской железной дороги, единственной военно-морской базой России на Тихом океане и единственным оборудованным портом на Дальнем Востоке. Из тихого, глубоко провинциального городка Петровска

*Владивосток. Светланская улица
(Фото конца XIX - начала XX века)*

В. Чекурин попал в современный центр российской цивилизации на Тихом океане.

Здесь даже был аэродром и элинг для дирижабля. На сухопутном фронте Владивостокской крепости – 1290 орудий и 668 пулеметов.

Орудий такого калибра солдат не увидит и за всю войну: орудия дальнего и ближнего боя, полупудовые мортиры, даже ракетные станки.

Крепость была причислена к 1-му классу, ее штабу присвоили соответствующий штат и снабжение.

Часть укреплений Владивостокской крепости

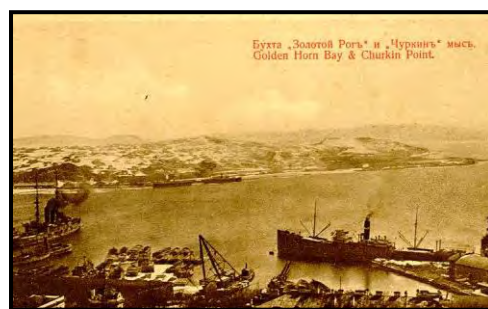
На все было высочайшее повеление Николая II. Была здесь и гарнизонная церковь.

Молодому солдату было чему удивляться и что постигать. По прибытии в часть новобранцы в течение четырех месяцев проходили обучение и принимали присягу.

Прием присяги проходил в торжественной обстановке в присутствии духовенства и высшего военного руководства. Золото одежд и крестов священнослужителей сливалось с золотом эполет, блеском орденов господ офицеров и медью оркестра.

Владивостокский порт

Командовал дивизией генерал-лейтенант Николай Александрович Третьяков. Солдаты знали, что этот боевой генерал в прошлую русско-японскую войну защищал Порт-Артур. В составе гарнизона крепости Порт-Артур он был комендантом Цзиньчжоусской позиции и горы Высокой, фактического ключа к крепости. Как историк, я не мог не проверить записки отца, его память о далекой молодости. Автобиографические записки были составлены в 1950-е годы после шестидесятилетнего отцовского юбилея и тяжелой болезни.

В литературе и сети Интернет я отыскал портрет генерал-лейтенанта, командира Сибирской дивизии Н.А. Третьякова, материал об участии Третьякова в обороне Порт-Артура и Русско-турецкой войне 1877 – 1878 гг.

Генерал-лейтенант Н.А. Третьяков

Упоминается в исторических источниках и 10-й Сибирский полк, где служил В.П. Чекурин. Спустя несколько лет записки отца помогли мне отыскать в Российском военно-историческом архиве четыре дела с формулярами и другими документами, свидетельствующими о почти шестилетней военной службе отца с декабря 1912 г. по март 1918 г.

В фондах РГИА о военной службе В.П. Чекурина в Русской Императорской армии сохранились следующие документы:

1. Анкета старшего унтер-офицера 1 роты 4 взвода 2-й Ораниенбаумской школы прапорщиков.

2. Послужной список прапорщика – выпускника 2-й Ораниенбаумской школы прапорщиков (1916 г.).
3. Два послужных списка прапорщика 134 пехотного запасного батальона (полка) 1916 г.
4. Краткая запись о службе в 30-м стрелковом полку (угасающий текст, видимо, черновик наградного дела).

5. Приказ по войскам 6-й армии от 26.08 1917 г.

Ничего удивительного. В РГИА хранятся личные дела всех офицеров царской армии. Годы солдатской службы, если они предшествовали офицерской, отражены в подробных офицерских формулярах.

Полный Георгиевский кавалер 10-го Сибирского полка

10-й стрелковый полк был особым, с традициями и опытом русско-японской войны. В нем служили ветераны той несчастной для правительства, но героической для солдат и офицеров, войны. В Интернет-ресурсах помещен бесфамильный фотопортрет полного георгиевского кавалера, фельдфебеля 10-го Сибирского полка. В 3-ю Сибирскую стрелковую дивизию входило 4 полка.

Солдаты и офицеры 3-й Сибирской стрелковой дивизии

В первую бригаду - 9 и 10 стрелковый полк, во вторую бригаду - 11 и 12 стрелковые полки. Была в дивизии еще и 3-я Сибирская артиллерийская бригада.

Вот всю эту боевую силу воспитывал герой Порт-Артура, генерал Третьяков. Его имя отец помнил всю жизнь. Через сорок лет, в середине 1950-х годов он в своих записках безошибочно назвал свой полк, дивизию, а также фамилию и воинское звание ее командира. Начальником штаба дивизии был полковник Василий Александрович Кржеминский. Первой бригадой дивизии, в которую входил 10-й полк, командовал князь генерал-майор Дмитрий Алексеевич Кропоткин. Он пал в бою героической смертью в первые месяцы войны в октябре 1914 г.

Штаб бригады находился в крепости Владивосток Приморской области. Владивостокская крепость, принадлежащая к числу самых мощных приморских крепостей мира, создавалась исключительно русскими военными инженерами и строителями и, конечно, солдатами. В ней был жив дух недавней войны с Японией, и были учтены все недостатки и просчеты, повлекшие падение Порт-Артура. Крепость имела около 50 береговых

батарей, 16 фортов, десятки боевых капониров, множество опорных пунктов и отдельных сухопутных батарей. Все основные сооружения снабжались электроэнергией и соединялись между собой дорогами и подземными кабелями связи. Форты соединялись кольцевой (рокадной) магистральной шоссированной дорогой, а с центром крепости еще и радиальными дорогами. Казармы, где жили солдаты, тоже были необычными. Для защиты от артиллерийского огня были сооружены 7 тоннельных и одна казематированная казарма.

Форт царской постройки

В брустверных галереях, где жили защитники крепости, для уюта было сделано все необходимое. В нишах стояли печки-буржуйки, тепло от которых сохранялось целой системой тамбуров и дверей. В аккуратных треугольных ячейках в стенах находились керосиновые лампы аварийного освещения. На склонах сопки были сделаны окопчики-ливневки, которые служили как для сбора воды, так и незаметного передвижения личного состава. Дороги, соединяющие крепостные сооружения, ни разу не ремонтировались, а сохранились в идеальном состоянии.

Солдаты дивизии принимали участие в строительстве, ремонте и обслуживании всех военных и вспомогательных сооружений. Строительство шло в гористой местности. Впервые в практике фортификационных работ широкомасштабно использовались подвесные канатные дороги, применялись компрессоры, бетономешалки, электрические двигатели. В январе 1913 г. в упраздняемой части крепости под названием «Варшава» проводились испытания укреплений на прочность. После полигонных опытов (стреляли по укреплениям из крупных калибров) было принято решение увеличить толщину бетонных конструкций. Уже с готовых сооружений снимали земляную обсыпку, усиливали своды и стены бутовой кладкой из прочного камня и засыпали землей. Металлические швеллеры укрепляли конструкции. Для изоляции употребляли асфальтобетон.

В мае 1913 г. в одном из приказов по крепости было записано:

«1. Все без исключения сооружения кроме прочности и устойчивости должны быть безупречно выполнены с внешней стороны.

2. Отсутствие тщательности работ в этом отношении, грубый и некрасивый вид постройки характеризует недостаточное внимание и любовь строителя к своим произведениям, а на постороннего наблюдателя производит впечатление небрежности. Все, до последних мелочей, должно быть сделано аккуратно, правильно и чисто. Все линии постройки, углы, ребра, линии пересечения сводов, плоскости, поверхности и прочее должны

быть геометрически совершенно правильны, отвесные линии действительно отвесные, а горизонтальные - действительно горизонтальные».

Забота о внешнем виде крепости не было личным капризом. Строитель, военный инженер полковник А.П. Шошин как-то заметил в разговоре с военным министром в 1914 г.: «Основной идеей усиления крепости служит девиз: «Русские здесь остаются навсегда». С начала Первой Мировой войны строительство прекратилось. Но само строительство и его характерные особенности не могли не повлиять на гарнизон крепости и участников строительства.

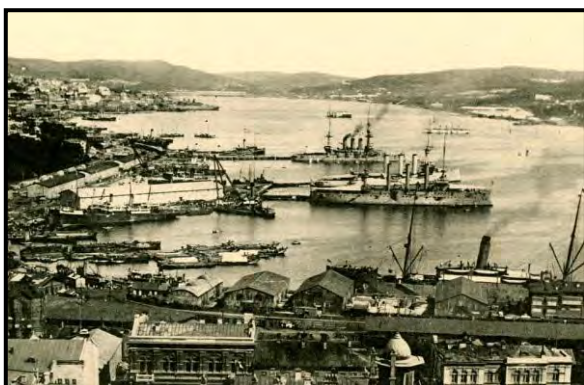
Возведенные форты, опорные пункты, капониры, противоминные галереи и брустверы - уникальные памятники военно-инженерного искусства, которые и сегодня впечатляют посетителей. На строительстве крепости отличилась саперная рота, которой командовал поручик Дмитрий Карбышев, впоследствии генерал инженерных войск, замученный фашистами в концлагере.

Указом Президента РФ Владивостокская крепость вошла в перечень объектов исторического и культурного наследия Федерального значения.

В семье не знали особенностей службы отца и поэтому удивлялись его смелости в том, что представляется кошмаром для современного интеллигента. Это - страх перед обычным ремонтом. Отец смело, осваивая новые помещения для кафедры, замышлял и выполнял самые невероятные строительные проекты. То же самое было и в приспособлении тех квартир или частей особняков, которые в разные годы доставались семье. Он смело возводил перегородки, проводил водопровод, ремонтировал и приводил в порядок сантехнические детали. Он все умел доводить до конца даже при остром недостатке стройматериалов. Много умел делать сам. Он вовремя запасал фанеру, пиломатериал, краску, цемент, трубы. Поражала его осведомленность в технических приспособлениях и механизмах. Он сам вел переговоры с инженерами, строителями. В Рязани, в Доме профессоров на Соборной пл., д. 17^а он консультировался со строителями о дополнительной пристройке балконов в торцевой части здания. Балконов в этих квартирах действительно не хватало. Казалось, что он все это давно и хорошо знает. Тот, кто жил в советское время, хорошо усвоил, что ремонт в больнице или клинике был делом ее руководителя. Кафедры, где работал отец, отличались потрясающей чистотой и вкусом в отделке. Он принимал участие в создании нормальных условий для работы не менее, чем на пяти кафедрах. Семья меняла место жительства каждые 5 – 7 лет не по своей воле. Начиная с 1939 г., отца переводили приказом Министра здравоохранения СССР туда, где могла потребоваться его энергия, знания и опыт. Он не боялся начинать с нуля. На некоторые черты его характера, безусловно, повлияли условия службы во Владивостоке и те испытания, которые пришлось на его долю в следующие годы.

Так или иначе, полтора года службы в строящейся по последнему слову техники и военной науки крепости - срок немалый.

А тут еще и океан, и бухта Золотой Рог, в которой находились самые различные корабли. Там он осознал и военно-морскую мощь России.

Владивосток. Бухта «Золотой рог»

В 1914 г. в состав Сибирской флотилии входили два крейсера - пятитрубный «Аскольд» и трехтрубный «Жемчуг», канонерская лодка «Манджурь».

В порту находили приют эскадренные миноносцы, эсминцы, подводные лодки, построенные на Петербургских заводах и доставленные во Владивосток по железной дороге. Редкие отпуска во Владивосток давали новые впечатления о России. Памятник основателю города Муравьеву-Амурскому солдаты видели в Хабаровске. Исподволь в сознании 24-летнего волжанина, достаточно образованного и начитанного солдата, сложился образ могучей непобедимой России. Придут иные времена, но он так и не научится хулить прошлую Россию. У него навсегда останется искреннее удивление ее пространству и историческому величию. Его восприятие образа Родины сложилось не только из книг и окружавшей его действительности. Из новой риторики, звучавшей из речей вождей, из газет он усвоил только осуждение царизма. Разделял ли он эти словеса, я теперь не уверен, хотя годы фронтовой жизни давали, казалось, для этого серьезные основания. Он и детям не пытался навязать эту риторику. А вот Родину, и уважение к ней, умел внушить не только словами. В один из своих отпусков он проплыл на пароходе со мной (своим сыном Л.В. Чекуриным) по пяти русским рекам: Оке, Волге, Каме, Белой и Чусовой от Москвы до Уфы с остановками во всех городах. Сам он эти реки хорошо знал, как и большинство городов на Волге. Брал меня в дальние и близкие поездки, полагающиеся ему по службе или совершенные по личной инициативе. Были мы с ним в горах, в лесах, в степных балках и на берегах речек и озер. Рад был он и решению сына поработать на целине в Казахстане, и поездкам в рязанские колхозы на строительство животноводческих помещений, и на уборку картофеля во времена Н.А. Ларионова. Ко всякому конкретному труду он относился с уважением. Увлечения общественной работой не понимал. Когда меня избрали секретарем райкома комсомола большого рабочего района, он долго допытывался, чем секретари занимаются целый день. Объяснение, что они занимаются воспитанием молодежи, в том числе и школьников, его не удовлетворяло. Он говорил: «Непонятно, а что директоров школ уже нет? Они должны заниматься обучением и воспитанием». Тогда я был с ним не согласен. Сегодня эти чрезмерно развитые, фактически огосударствленные, общественные организации исчезли. И особого сожаления у общества, как я заметил, это не вызывает. Отец уважал профессиональную работу, ощутимо полезную людям.

Неприступная крепость Владивосток была серьезно укреплена незадолго до Первой Мировой войны. Мощная, занимавшая двести квадратных километров крепость была построена на сопках с использованием ландшафта гористой местности. Эта крепость была последней построенной крепостью такого масштаба. Историки считают, что она сохраняла свое значение в течение **многих десятилетий**. **Владивостокская крепость явилась** одной из причин, по которым японское правительство не решилось вступить в войну на стороне гитлеровской Германии.

Из той эпохи и неприятие отцом алкоголя примерно до пятидесяти лет. Пиво в 1914 г. вместе с введением сухого закона было объявлено алкогольным напитком и подлежало запрещению. Страна воевала – и это было самым главным.

Служил отец хорошо. Получил приз за меткую стрельбу. Не так просто было выделиться меткой стрельбой среди сибиряков, среди них было много охотников. Но отец умел учиться. В семье сохранился серебряный знак – пятиугольная картуша со скрещенными трехлинейными винтовками образца 1891 г. системы Мосина, почему-то с надписью «За фехтование». Возможно, имелась в виду не только стрельба, но и упражнения с винтовкой с примкнутым штыком. Это его первая награда за отличие в военной службе.

Серебряный знак «За фехтование»

Он уже прослужил полтора года и начал подумывать о дальнейшей жизни. В записках отца упоминаются попытки до военной службы поступить в почтовое ведомство с жалованьем 25 рублей в месяц, в казначейство, писарем в земскую или городскую управы. Четверка по поведению в учебном аттестате оказалась волчьим билетом. Рассмотрев документы об образовании, ему везде было отказано. До конца службы в полку оставалось еще полгода.

Однако, дальнейшая его судьба определялась не в казенных учреждениях и не в учебных заведениях, не в полку и даже не в дивизии. В секретнейших сейфах Генерального штаба уже лежал документ, определивший его солдатскую судьбу. Документ «А» – один из вариантов плана войны России против Германии и Австро-Венгрии был разработан накануне Первой Мировой войны. План, составленный начальником Генерального штаба генералом Н.Н. Обручевым, повторял мобилизационное расписание 1890 г. В случае нанесения главного удара Германии по Франции предусматривалось развертывание основных сил русской армии против Австро-Венгрии, а части сил (на пятнадцатый день мобилизации) – против Германии. Этот план, по которому неволью развивалась линия его жизни, был составлен за год до его рождения.

Вариант «А» плана войны, как мы увидим в биографии отца, был претворен в жизнь в военной кампании 1914 г. Германия напала на Францию и объявила войну России. В июле 1914 г. в России объявлена мобилизация. Первыми на фронт отправлялись кадровые дивизии.

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

Северо-Западный фронт, август - декабрь 1914 г.

«...У нас до сих пор нет ни одного достойного общенационального памятника героям Первой Мировой войны...Наши предки называли ее великой войной, но она была незаслуженно забыта, фактически по ряду политических и идеологических соображений вычеркнута из нашей исторической памяти и из истории»

Из послания Президента Владимира Путина Федеральному собранию РФ 12 декабря 2012 г.

«В 1913 году был призван по жребию на действительную военную службу в 10-й Сибирский полк во Владивосток... в 1914 году был отправлен на Германский фронт...был ранен, получил на фронте Георгиевский крест».

Из автобиографии профессора В.П. Чекурина

В начале Первой Мировой войны дивизию, в которой служил отец, перебрасывают из Владивостока на Западный фронт. Сибирские дивизии отправлялись на фронт с конца августа по начало сентября 1914 г.

Вокзал Владивостока. Отправка сибирских дивизий на западный фронт

Ни пышных проводов, ни речей, ни цветов уходящим на смерть у только что построенного вокзала г. Владивосток, как и в других местах, не было. Только вот мелодия марша «Прощание славянки»

передавала настроение России. Репутация сибирских полков, созданная уже на сопках Шахэ и на верках Порт-Артура, будет с кровавым блеском подтверждена в бурях Мировой войны.

Покинув вполне благоустроенные казармы Владивостокской крепости, целый месяц 3-я Сибирская стрелковая дивизия в теплушках продвигалась к западной границе. В конечном итоге дивизия оказалась в районе Варшавы.

Об этой войне обычный читатель почти ничего не знает. В учебниках эта война стала именоваться «империалистической», а память о ней была предана анафеме. Скажем только, что это была война на территории России и за Россию. Германия объявила войну и напала на Россию, нарушила ее границы. Надо было защищать Родину и изгнать зарвавшегося врага. Память об этой войне должна быть в семьях россиян. Историки ею пока, как следует, не занимались. Хотя в ней принимали участие миллионы людей. Жертвы и потери были огромные, миллионные, страдания безмерные. В годы революции и Гражданской войны было не до нее, а потом она, как оказалось, и вовсе потеряла свою актуальность. События последующих десятилетий заслонили эту кровопролитную войну, а об ее участниках и вовсе старались не вспоминать.

Группа офицеров и командование 3-й сибирской стрелковой дивизии перед наблюдательным пунктом дивизии

Из нашей семьи в ней с первых дней войны и до ее завершения участвовал мой отец, а также брат моей матери - выпускник Петербургского университета С.И. Петров. Так было во всех российских семьях.

Сергей Иванович Петров, подпоручик русской армии, сын земского врача

Сергей Иванович Петров служил в Финляндии в чине подпоручика. После годового обучения в Петроградском Политехническом институте на электромеханическом отделении перешел в Петроградский университет, в котором окончил юридический факультет. В 1911 г. был исключен за участие в студенческой забастовке и этапирован на родину в г. Петровск. В университет удалось возвратиться в 1912 г. и окончить его в 1915 г. В этом же году он был призван на военную службу и направлен в военное училище. После учебы на 4-х месячных курсах школы прапорщиков 1 мая 1916 г. был произведен в прапорщики. Его высшая офицерская должность – подпоручик 422-го пехотного Колпинского полка, который дислоцировался в Финляндии: Фридрихсгам, Бырнеборг, Таммерфорс. Демобилизован в марте 1918 г. В годы Гражданской войны был призван в Красную Армию. В семье моих родителей Чекуриных и Петровых все мужчины призывного возраста воевали на разных фронтах. В каждой семье было по пять детей. Следовательно, остальные – девочки. Один из Чекуриных, Михаил Петрович, монах Спасо-Преображенского монастыря в г. Саратове, от службы был освобожден, как и все духовное сословие. Он молился за них. Оттого и остались живы.

Попав на фронт 15 августа 1914 г. В.П. Чекурин был песчинкой в самом крупном сражении войны – Варшавско-Ивангородской операции. С обеих сторон в боях принимали участие около 900 тысяч человек.

Войска Северо-Западного фронта в сентябре-ноябре 1914 г. разгромили немецко-австрийские армии на средней Висле. Русским силам противостояли 290 тысяч пехоты, 20 тысяч кавалерии и 1600 орудий. До 15 октября численность и техническое превосходство было на стороне противника. С 23 сентября с огромным напряжением сил (в ненастную погоду, частично по железной дороге, а в большинстве по грунтовке) русские армии вышли на берег Вислы, к Варшаве, Ивангороду. Судя по

тому, что среди генералов значился генерал Третьяков (5-й Сибирский корпус), в его составе была и 3-я Сибирская стрелковая дивизия. В связи с большой разбросанностью русских войск военные соединения вводились в бой по частям по мере прибытия на линию фронта.

Немцы боялись встреч с сибирскими полками, «крепкими как таежные кедры», «тяжелыми на подъем, но безудержными и упрямыми, если уж поднялись, часто доходили до штыков в атаках». Сибирские полки отличала хорошая физическая закалка, высокая нравственность и патриотизм. Верность долгу сочетались у сибиряков с молчаливостью и безукоризненным владением стрелковым оружием. Стреляли редко (если не хватало патронов), но метко. В боях против сибиряков немцы несли большие потери.

Сибирский полк, где служил солдат В. Чекурин, попал в самое пекло. Это были бои под Варшавой, которые отличались особым упорством и кровопролитием. Русские войска перешли в наступление. Бои длились 21 день. Немецко-австрийские войска после упорных боев потерпели поражение и с большими потерями отступили. Наступление русских войск было приостановлено, отстали тылы. Дальше – окопные бои. Все это исследуют и позже подробно опишут военные историки. В записках отца сообщается кратко: «Всю нашу дивизию отправили под Варшаву. Около месяца ехали под Варшаву в теплушках и из вагонов направили сразу на фронт. В боях с немцами отличился». Отец иногда возвращался к тем дням. Всю жизнь, страдая от бессонницы, с удивлением вспоминал: «Во время канонады и разрывов снарядов хорошо спалось не только в окопе, даже на снегу. А вот тишины терпеть не могли, боялись. Значит, немцы что-то готовят. Никто заснуть не мог».

*3-я Сибирская дивизия
(фото с повреждениями)*

3-я и 6-я Сибирские дивизии упоминаются в военной истории в октябре 1914 г. на левом берегу Вислы. После боев они были заменены 50-й и 79-й пехотными дивизиями. В следующий раз «первоочередная» 3-я Сибирская дивизия упоминается, как дивизия, сменившая 13-ю Сибирскую стрелковую дивизию второй очереди. Она прославилась как храбрая и надежная дивизия, ходившая в атаку на немецкие позиции без единого выстрела (в истории упомянута такая атака у поселения Бибита в декабре 1916 г.). Ее соседка по фронту – 14-я Сибирская дивизия испытала на себе немецкие газы и была полностью уничтожена.

Солдата В.П. Чекурина за участие в боях наградили Георгиевским крестом. Номер солдатского Георгия сохранился в формуляре офицера В.П. Чекурина – № 43402. Его солдатские документы вряд ли будут найдены. В ходе войны офицеры, отмеченные орденом св. Георгия, заносились в особый «вечный» список. Фамилии кавалеров солдатских Георгиевских крестов и медалей, по причине многочисленности награжденных, предполагалось туда поместить под соответствующими номерами по окончании военных действий. Война же для России, как известно, окончилась революцией, и в вечном списке остались только нижние чины, получившие награды до 1913 г. Так что находка формуляра офицера, который получил Георгия, будучи еще солдатом, можно считать если не уникальным, то достаточно редким случаем.

Георгиевский крест

Судя по номеру, серебряный крест этой серии изготовлен до войны, его размер - 33,8 миллиметра, вес - 10,64 гр. На лицевой стороне креста – Святой Георгий Победоносец, на обратной стороне – вензель императора, на горизонтальных лучах – номер ордена, на нижнем луче выбито «4 степ [ень]».

Георгиевский крест давался только за подвиги на поле брани по статуту 1912 г. «За выдающиеся подвиги и самоотвержение в бою против неприятеля». Этот Орден - признак мужества и отваги. Такая награда была у Г.К. Жукова, С.М. Буденного. Рядовой Родион Малиновский и младший офицер Константин Рокоссовский отмечены двумя крестами, у В.И. Чапаева было 3 Георгиевских креста и медаль 4-й степени.

В 2000 г. Президентским указом В.В. Путин восстановил российский орден «**Георгиевский крест**».

12 декабря 1914 г. В.П. Чекурин был ранен и контужен. Наступательные бои уже закончились, значит, он был ранен в период окопного противостояния, под артиллерийским обстрелом. Газовые атаки их полк миновали. Излечение после ранения В.П. Чекурина проходило в госпитале в Варшаве на улице графа Берга. Затем раненых транспортировали в Петроград. Отец был помещен на излечение в госпиталь инженеров путей сообщения на Бородинской улице. Это улица и сегодня называется так – Бородинская. Имя улице присвоено еще в 1887 г в честь 75-летия Бородинского сражения 1812 г. Накануне войны 1914 г. на ней был сооружен Дом инженеров путей сообщения (д. 6, руководитель проекта и

строительства инженер А.А. Барышников). В этом здании и находился госпиталь. Ныне на этой улице – техникум железнодорожного транспорта. В 1936 г. на этой улице была построена школа имени И.П. Павлова. Там же – Дом театральных работников, увешанный мемориальными досками. Здание бывшего госпиталя принадлежит Университету железнодорожного транспорта (в прошлом - Институт железнодорожного транспорта). Это - центральный район северной столицы. Бородинская улица соединяла набережную реки Фонтанки и Загородный проспект. Госпиталь находился в трех кварталах от Невского проспекта. На пути к Дворцовой набережной и Зимнему дворцу надо было преодолеть по мостикам Грибоедовский канал и Мойку. Поблизости находится Английская набережная, Сенатская площадь с «Медным всадником», самые знаменитые мосты Петрограда – Николаевский, Дворцовый, Троицкий. Неподалеку – мрачноватый Михайловский замок, Летний сад, Мраморный дворец, Марсово поле... Выздоровливающие солдаты по этим улицам не просто прошли, ходили, и не раз. **Культурная среда Петербурга воспитывает...**

В. Чекурин впервые столь близко столкнулся с работой медицинского персонала и ролью врача в жизни человека. Совсем недалеко от этого госпиталя (предсказанная судьба?) на Петроградской стороне находятся здания 1-го Медицинского института, где он будет работать и защитит докторскую диссертацию, станет профессором медицины. Это произойдет через 20 лет. Может быть, он выбрал тогда на призывном пункте г. Спасска Тамбовской губернии правильный жребий, только путь к медицине оказался долгим.

Раненые выздоравливали, стали интересоваться жизнью Петрограда. В 1915 г. услышали «Марш сибирских стрелков», он получил популярность в конце первого года войны. Слова марша о сибирских стрелках отец вполне мог отнести и к себе. Он проходил солдатскую подготовку и воевал в 10-м Сибирском полку Сибирской дивизии.

10-й Сибирский полк в Порт-Артуре

От призыва до ранения прошло ровно два года. Слова солдатского марша передавали настроение России.

Эта песня и музыка широко известна. В Советское время этот марш исполнялся с иным текстом, как песня Амурских партизан «По долинам и по взгорьям». Слова П.С. Парфенова были отредактированы в 1929 г. для Красноармейского Ансамбля песни и пляски А.В. Александрова поэтом-песенником Сергеем Алымовым. Затем имя автора надолго исчезло. В 1937 г. П.С. Парфенов был расстрелян. Кому принадлежит музыка – неизвестно.

Гордость за свой ратный труд и готовность к подвигу во имя России были выражением подлинного патриотизма. Солдаты, певшие слова марша под барабанную дробь, под гитару, аккордеон или без всякого музыкального сопровождения гордились Родиной и видели ее единой и непобедимой.

Другие варианты и даже новые куплеты родились в другой обстановке и при других настроениях в армии, уже после 1917 г., в Гражданскую войну. Военная музыка Российской империи и ее дух сохранился в первоначальном тексте марша и музыке. Текст принадлежал писателю с чистым сердцем В.А. Гиляровскому. В 1914–1916 гг. он публикует три поэтических сборника, посвященных Первой Мировой войне. Отец очень любил Владимира Алексеевича Гиляровского. Сколько помню, все издания этого автора, которые выходили в послевоенные годы, были в нашей библиотеке. Возможно, через этот марш отец пришел к творчеству Гиляровского.

Приведу текст марша, исполнявшегося в 1915 г.

Из тайги, тайги дремучей,
От Амура, от реки,
Молчаливо, грозной тучей
Шли на бой сибиряки.

Их сурово воспитала
Молчаливая тайга,
Бури грозные Байкала
И сибирские снега.

Ни усталости, ни страха,
Бьются ночь, и бьются день.
Только серая папаха
Лихо сбита набекрень.

Эх, Сибирь, земля родная,
За тебя мы постоим.
Волнам Рейна и Дуная
Твой поклон передадим!

Из тайги, тайги дремучей,
От Амура, от реки,
Молчаливо, грозной тучей
Шли на бой сибиряки.

Музыка и песня, важные свидетели эпохи, отразили настроение и боевой дух дореволюционной армии, идущей сражаться с напавшими на Россию германцами. Это ведь очень по-русски, очень изящно – передать поклон (в некоторых вариантах – привет) немецкой реке Рейну от сибирских стрелков с Амура. Русские солдаты действительно побывают на Рейне.

Президент России В.В. Путин на открытии памятника русскому солдату-герою Первой Мировой войны в Париже

Это будут солдаты Русского экспедиционного корпуса во Франции, покрывшие себя неувядаемой славой. В Париже совсем недавно воздвигнут памятник русскому солдату Первой Мировой войны.

Президент России В.В. Путин на открытии памятника

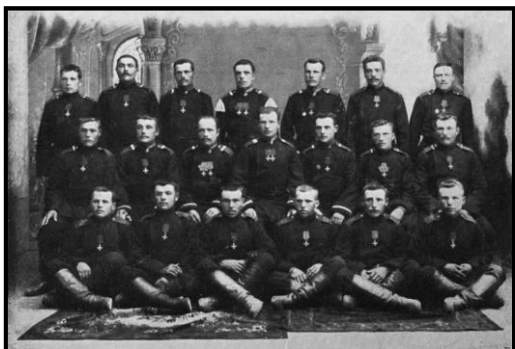
В России на Поклонной горе возвели памятник солдатам Первой Мировой войны к 100-летию ее начала.

Памятник героям Первой Мировой войны в Москве на Поклонной горе

В некоторых вариантах текста марша была строчка: «Молчаливо, грозной тучей шли домой сибиряки». Как будто они исполнили свой долг и возвращаются домой. К сожалению, в жизни было не так. В Сибирских дивизиях за Первую Мировую войну убитыми и ранеными, пропавшими без вести выбыло по два личных состава. Отсюда в названиях русских воинских частей «дивизия второго формирования». Это сохранялось и в Великой Отечественной войне. Означало это только одно: дивизия первого формирования погибла полностью. Немногочисленные остатки дивизии отводились «на отдых и пополнение». Скорее всего, вливались в другие части. А вновь сформированной дивизии присваивался номер дивизии погибшей в том случае, если дивизия, несмотря ни на что, сохранила знамя. Тлен и война всегда рядом.

Несколько знакомых имен попались выздоравливающим солдатам на страницах газет. «Русский инвалид» в октябре 1914 г. сообщал: «В одном из последних боев пал геройской смертью генерал-майор князь Дмитрий Алексеевич Кропоткин – командир бригады, в который входил 10-й Сибирский полк». Он был из рязанских дворян. 10-й Сибирский полк воевал до конца войны.

Георгиевские кавалеры 10-го Сибирского полка

В газете «Армия и флот Свободной России» выздоравливающие солдаты прочли: «Поручик 10-го Сибирского полка Д.М. Кипарисов в бою 8 июля 1916 г. у Екатеринингофа, командуя 14-й ротой полка, под губительным огнем прорвал проволочные заграждения, ударом в штыки овладел второй линией неприятельских окопов, где запечатлел подвиг своей смертью».

ШКОЛА ПРАПОРЩИКОВ

После ранения отцу полагался год для излечения. Он остался в Петрограде и был принят статистиком в правление Юго-Восточной железной дороги. Но вмешался его величество случай. Выздоровливающий солдат был приглашен на вечер Георгиевских кавалеров. Видимо, он чем-то отличался от остальных солдат, умел, например, танцевать, рететиторство в помещичьих семьях даром не прошло. Он был удостоен беседы с неизвестной мне, высокопоставленной дамой. Имя ее в записках отца не названо. Не знаю, были для этого причины, или просто ее имя в памяти отца не удержалось. Но ему было всего 24 года, и он был бравым Георгиевским кавалером, отважным во всякой обстановке. В первом варианте его записок содержались следующие строчки: *«После лечения в госпитале отпущен для поправки здоровья на год. Во время отпуска на одном из вечеров, посвященным солдатам – Георгиевским кавалерам, я познакомился с одной дамой из высокопоставленных людей того времени. Она меня спросила, почему я, будучи образованным, судя по разговору, молодым человеком - всего лишь солдат». «Не знаю, так нужно, по-видимому»* – ответил я. О причине несостоявшихся экзаменах за гимназический курс, без которого университета не видать, рассказывать не стал. *«Дама сказала, что можно стать офицером, она поможет в этом. Я был, конечно, рад, что могу быть офицером, но не верил такому превращению из солдат в офицеры»*. Отец в это чудесное превращение солдата в офицера, действительно, не поверил. У него были основания. Во-первых, он знал кадровых офицеров в 3-й Сибирской стрелковой дивизии. Офицерскому званию нужно соответствовать. Солдаты уважают не каждого офицера.

Это была не проблема классового отбора, важнее было то, что «прислуга» и офицерские погоны считались невозможным сочетанием. Естественно, навыки, привычки и предпочтения «обслуживающего персонала» были нетерпимы в офицерской среде. Из человека, привыкшего прислуживать, было невозможно за несколько месяцев воспитать человека, обязанного приказывать. Офицеру Императорской армии необходимо

чувство собственного достоинства. Еще в большей степени чувство ответственности: его приказ мог в боевой обстановке послать солдата на смерть.

Помнил он и свои хождения по сдаче экзаменов экстерном в Казанском учебном округе. Потребуется свидетельство об образовании и на этом все закончится. Но дама свое слово сдержала. *«Написала коротенькое письмо к какому-то человеку. Тот приказал мне явиться в Петроградский военный округ. Там меня вызвал один генерал, который направил меня в Ораниенбаумскую школу прапорщиков. В школу прапорщиков меня приняли без всяких неприятств, не спросив документа об образовании»* (Из записок В.П. Чекурина).

Решающей причиной столь благоприятного и быстрого решения судьбы рядового солдата была, конечно, не столько симпатия дамы, а высокие потери офицерского состава в начальный период боевых действий. Кадровое офицерство за первый год войны было в значительной степени истреблено. На ускоренные курсы военных училищ и школ брали без ограничений. Перспективой для прапорщиков, выпускаемых краткосрочными школами, являлись бои на передовой. Именно прапорщики давали главную цифру убитых и раненых офицеров. Русская армия была единственной, в которой офицеры во время атаки шли впереди солдат. Однако, письмо сыграло свою роль, и он о нем помнил много лет спустя. Благодаря письму, отец в этом скоро убедился, он попал в одну из лучших офицерских школ.

В Ораниенбауме – целый военный лагерь, крупный гарнизон. Две школы прапорщиков, офицерская стрелковая и оружейная школы, в которых работали видные конструкторы, оружейники Н.М. Филатов, В.А. Дегтярев, Ф.В. Токарев и др. Школы охотно принимали отличившихся солдат и унтер-офицеров. Здесь было здание офицерского собрания. В какой-то из школ был даже каток. Отец в молодости хорошо катался на коньках. В семье долго хранились его необычной формы английские коньки (назывались «английский спорт», чем-то похожие на русские снегурки), видимо еще со времен его уездной юности.

Здание 2-й Ораниенбаумской школы прапорщиков

Главное, школы обладали арсеналом вполне современного артиллерийского, пулеметного и стрелкового оружия. Чего здесь только не было: японские, германские, австрийские винтовки, русские боевые, русские разрезные, модели кольт, германские и австрийские пулеметы. Были ортоскопы, прожектора, перископы, минометы, бомбометы, учебные и боевые ручные гранаты, ракетные ружья, дымовые завесы, преграды с колючей проволокой, различные телефонные аппараты, противогазы, наборы одноверстных,

двухверстных, трехверстных, десятиверстных карт, в том числе германских и австрийских. В обеспеченности оружием школы прапорщиков находились в лучшем положении, нежели военные училища. Особенно тщательно изучалось пулеметное дело.

Школы, располагавшиеся в окрестностях Петрограда, поразили инспектора своим составом. «В 1-й и 2-й Ораниенбаумских школах прапорщиков отмечался хороший состав обучающихся «из хорошего благообразного простонародья», «резко бросаются в глаза внешностью, интеллигентностью и знаниями», были в школе и «представители Гвардии». Ораниенбаумскую школу прапорщиков генерал Б.А. Адамович инспектировал в конце ноября 1915 г. за месяц до поступления в нее отца. Почти одновременно в Саратовской школе прапорщиков тот же инспектор отметил: «Среда обучающихся производит тяжелое впечатление: отсутствие хоть немного культурных людей». Это выдержки из донесений военному министру об осмотре школ подготовки прапорщиков для пехоты (*Школы прапорщиков. Казань, 1917*).

Школа прапорщиков была по военному времени краткосрочной. Но не в этом дело. Василия Чекурина учили в Сибирском полку толково и неторопливо в течение почти двух лет. Участвовал он и в боях. В формуляре не отмечено, когда это произошло, но в школу прапорщиков 15 января 1916 г. его зачислили старшим унтер-офицером. Производство в унтер-офицеры обычно проходило на фронте. Такой чин присваивался за отличие в боях «по удостоению строевого начальства» (*РГИА. Ф.725.Он.51.Д.234.Л.58*). Первый свой чин он получил на западном германском фронте.

Боевые офицеры составляли основу преподавателей в школе прапорщиков. Слишком много знать офицерам, выходящим из школ прапорщиков не нужно, более того, вредно. Инспектора настаивали на обучении азам и приобретению практических навыков. «Пехотный офицер, довольно посидевший в окопе, может читать курс артиллерии, определенный программами ускоренной подготовки, лучше артиллериста». «Школа, готовящая в три месяца офицера, должна учить только тому, что нужно на войне» - считал упоминавшийся инспектор генерал-майор Б.Д. Адамович.

Время в школе распределялось следующим образом: $\frac{1}{4}$ занятий в классе, $\frac{1}{4}$ – на плацу, $\frac{1}{2}$ – в поле. Проходили тактику, топографию, знакомились с артиллерией, тщательно изучали винтовку, револьвер, пулемет и многочисленные уставы: строевой, дисциплинарный, гарнизонной службы, всего – около пятнадцати.

Ежедневно дел было много. Строевые занятия велись на площади перед казармами, стрельба – в тире, полевые занятия – за городом. Во время переходов за город дружно пели. Маршировали несколько километров по команде «смирно». Это было нелегко. Приходилось держать винтовку в левой руке неподвижно.

Во время учений каждый побывал в боевом охранении, в заставе, в авангарде, арьергарде, при наступлении и отступлении. Побывали в роли

взводного, ротного, батальонного и даже полкового командира. На всякий случай, ведь в боях всякое бывает. Наносили оперативную обстановку на карту, писали донесения. Производили топографические съемки, наблюдали, как рвутся гранаты. Сами не рыли, но смотрели готовые окопы и укрепления с колючей проволокой. В большой привал обедали из походной кухни. Кормили хорошо.

Многое отец давно знал. А вот с револьвером и пулеметами занимался охотно и с интересом. Наверное, благодаря этому его интересу к оружию поменялось и место его дальнейшей службы. В мирное время у нас в доме всегда было оружие. То браунинг, то охотничьи ружья и патроны. После смерти отца я утопил в Трубеже чемоданчик с охотничьими патронами. Отцовского интереса к охоте не сохранил, предпочитаю тихую рыбалку, хотя на охоте бывал.

В воскресенье курсантов отпускали в город, иногда они ездили в Петроград. Театр и кино не исключались. Отец – виновник любви нашей семьи к окрестностям Ленинграда, у него самого эта любовь началась с пребывания в 1915–1916 гг. в Петрограде, Петергофе и Ораниенбауме. Здесь он бывал и в послевоенное время.

Пригороды Петербурга, Петрограда, Петергоф, Царское село, Павловск, Гатчин никого не оставляют равнодушными. Данило Меньшиков и Петр Великий построили в Ораниенбауме свои дворцы, окружили их прекрасными парками. Перестраивал дворец архитектор Ринальди, создатель парковой фигурной лестницы. Привлекает внимание Летняя резиденция великого князя Михаила Павловича и его потомков, большой дворец в стиле барокко.

Я так смело об этом пишу, ибо знаю, что отец чувствовал прекрасное, неплохо рисовал, любил и понимал музыку, и это помогало в его будущей профессии. Искусствам нигде не учился, он их постигал самостоятельно. Петербург – Петроград он знал еще с довоенных лет. В мирное время жил в Старом Петергофе, в разных районах уже Ленинграда, снимал квартиру на Лесной улице. Последнее место ленинградского жительства нашей семьи в 1930-е годы – 13-я линия Васильевского острова. Мы знали окрестности Ленинграда после блокады, уже восстановленные. Отец видел их в первоизданном виде.

Мне кажется, он испытал глубокое воспитательное влияние культурной среды Петербурга – Петрограда – Ленинграда. Как только я был способен на самостоятельные путешествия, уже в первые зимние каникулы на первом курсе исторического факультета он отправил меня не в Москву, куда запросто ездили все рязанцы, а в дальний Ленинград, снабдив письмом к директору Эрмитажа. Придет время, и я объеду пригороды северной столицы, увижу Пушкин, Павловск, Ломоносов, так теперь называют Ораниенбаум. Но это я забежал больше, чем на полвека вперед.

Через три месяца описанной жизни случилось для мирного времени невероятное событие: отец за считанные месяцы стал офицером. В день своего рождения – 7 апреля 1916 г. он был произведен в прапорщики.

Строчка из его военного формуляра свидетельствует: «Утвержден высочайшим приказом производства в прапорщики 2-й Ораниенбаумской школы по приказу Петроградского военного округа № 139 от 7 февраля 1916 г.».

Ко дню выпуска получены теплые шинели, летний и зимний костюмы (оба суконные), фуражка и папаха из серого каракуля, теплые фуфайки, белье, носки, спальный мешок, чемодан-вьюк, раскладная кровать в чехле, револьвер, шашка, погоны и значок об окончании школы. Неизвестный мастер использовал для значка серебро, бронзу, позолоту и эмаль. Сохранился жетон выпускника 2-й Ораниенбаумской школы прапорщиков того же выпуска, что и В.П. Чекурин (тот же приказ о производстве в прапорщики от 7 апреля 1916 г.).

Жетон 1-й Ораниенбаумской школы прапорщиков пехоты

Учился вместе с отцом Виталий Васильевич Гулькевич. Он был моложе отца на 5 лет. Сын учителя, родился 17.7.1896 г. Перед войной окончил четыре класса Новочеркасской гимназии. Он тоже был вольноопределяющимся 2-го разряда. После окончания школы прапорщиков был отправлен в распоряжение Московского военного округа. Дальнейшая его судьба мне неизвестна. А жетон, выданный ему по окончании Ораниенбаумской школы прапорщиков, был выставлен на аукцион уже в наше время. Жетон носили на цепочке. Он представлял собой Российский герб – двуглавый орел с распростертыми крыльями с короной, державой и скипетром, дополненный в центре Георгиевским крестом. На оборотной стороне жетона монограмма «ОШП» (Ораниенбаумская школа прапорщиков) и ниже две строки «В.В. Гулькевич / 19VI 16». Его формуляр сохранился в РГИА (Ф. 409 Оп. 1. Д. 182128. Л.249 – 250 об. Послужной список 221 – 719, 7.4.1916 г.).

Приказ о производстве новоиспеченных офицеров читался торжественно перед построеным в каре полным составом школы. Одетые в полную форму, господа офицеры перешли в столовую на торжественный обед с речами, поздравлениями и тостами. Таковы были традиции военных училищ, которые соблюдались и в военное время. Пусть не удивляет читателя материальное благополучие военных. Дореволюционная Россия хорошо обеспечивала своих защитников. Накопленными запасами оружия и военной одежды Россия, почти ничего не производя, жила всю четырехлетнюю Гражданскую войну. Из тех запасов и знаменитые буденовки.

Через три дня прапорщик В.П. Чекурин был отправлен в распоряжение начальника штаба Казанского военного округа, в котором формировались новые армейские части.

Военная служба в действующей армии в боевых действиях многому учила человека. Например, принимать решения, отдавать приказы,

добиваться выполнения своего приказа – все это необходимое начальное обучение для любого управленца. Многие русские приобрели этот опыт в чине прапорщика. Придет время и на предложение стать первым заместителем наркома здравоохранения В.П. Чекурин ответит согласием. Случится это, правда, через 20 лет после демобилизации. Для этого нужно было выжить и остаться при этом человеком. Во всяком случае, приказы он отдавать умел, и добиваться их исполнения тоже.

Служба в Сибирском полку и участие в боевых действиях сказались на характере отца и проявлялись в его дальнейшей жизни. Нравственные нормы и принципы, выработанные в военные годы, оказались очень прочными. Среди них – преданность Родине и осознание своего долга. Это было очень важной частью воспитания. Среди окончивших 2-ю Ораниенбаумскую школу прапорщиков в 1916 г. немало известных людей. Один из них – В.И. Морозов. Накануне Великой Отечественной войны – командующий 11-й армией Прибалтийского особого военного округа, в 1942 г. – командующий 1-й ударной армией, затем 2-й резервной армией, в 1943 г. – командующий 43-й армией. После войны – начальник управления высших учебных заведений стрелковых частей.

В литературу попал один из офицеров 2-й Ораниенбаумской школы. Он упомянут в книге Джона Рида «10 дней, которые потрясли мир». По удостоверению из Смольного Рида и трех его спутников пропустили в Зимний дворец за несколько часов до Октябрьского штурма. Ему хотелось поговорить с министрами Временного правительства, но не удалось. Там он встретил и разговаривал со штабс-капитаном Владимиром Арцыбышевым. Речь, кроме всего прочего, шла об отъезде из России и даже переходе офицера в американскую армию. Записку этого офицера Джон Рид опубликовал. Вот текст Рида: «Несмотря на наши протесты, он написал несколько слов на клочке бумаги и, кажется, сразу почувствовал себя гораздо веселее. Его записка сохранилась у меня: «Вторая Ораниенбаумская школа прапорщиков. Старый Петергоф».

Действительно, отряд этой школы в 500 человек был самой крупной военной частью, которая вместе с женским батальоном смерти и группой в 40 георгиевских кавалеров из Отряда комитета увечных воинов защищали Временное правительство. Но состав школы прапорщиков был другой, изменился. Вновь цитирую разговор Д. Рида с Арцыбышевым. «Дело не в большевиках», – говорил он. «Беда в том, что пропали традиции русской армии. Взгляните кругом: вот это все юнкера, будущие офицеры... Но разве это джентльмены?. Керенский открыл военные училища для каждого солдата, который может выдержать экзамен. Понятно, здесь много, очень много таких, которые заражены революционным духом...».

В Ораниенбауме был сформирован Первый пулеметный запасной полк, который сыграл заметную роль в Февральской революции. В ходе июльского кризиса 1917 г. (первая попытка вооруженного выступления против Временного правительства) пулеметный полк вышел с большевистскими лозунгами и был разоружен. Часть пулеметчиков охраняли

в Октябрьские дни Смольный. На базе полка сформировался 1-й пулеметный социалистический полк. Его солдаты в феврале 1918 г. охраняли поезд, перевозивший из Петрограда в Москву правительство и золотой запас Госбанка.

134 - Й ПЕХОТНЫЙ ЗАПАСНОЙ ПОЛК

Боевой опыт и педагогические задатки использовались в двух запасных полках – 134-м и 300-м, которые готовились к отправке на фронт. В этих полках В.П. Чекурин получил первые командирские должности. После производства в прапорщики В. Чекурин отправился в распоряжение начальника штаба Казанского военного округа (10 апреля 1916 г.). По распределению офицеров между частями Казанского военного округа он был назначен в 134-й пехотный запасной батальон пехотного полка. В.П. Чекурин назначен в 4-ю роту младшим офицером (Приказ № 118 от 24 апреля 1916 г.). В этой части он прослужил до конца 1916 года, объясняя новобранцам сложности военной службы во время войны. Его служба шла хорошо и через месяц он получает повышение – назначается командиром 15-й роты, которую принял 30 мая 1916 года.

В воинских уставах закреплён статус младшего офицера. Его авторитет основывается на хорошем знании своего дела, заботе о солдате, храбрости в бою и строгой личной дисциплине. А ещё, «солдатам быть, как отец детям». «Прапорщику подобает во все дни немощных посещать, и смотреть, нет ли в чем-либо недостатка. Ему подобает великую любовь к солдатам иметь и, когда они в наказание впадут, тогда о них бить челом вольно» (*Из Петровского устава*). Защищать солдат перед грозным начальством тоже входило в обязанность прапорщика.

Эти уроки были хорошо усвоены и пригодились в жизни и в управлении разными подразделениями в военное и мирное время. У врача и его коллег бывают всякие ситуации. Те, кто работал с профессором Чекуриным, знали, что он в беде не оставит, заступится, поддержит, поможет, чего бы ни случилось. За его широкой спиной в клинике работалось надёжно и спокойно. Правда, гневлив был порой, но и отходчив. Личной ответственности не боялся, с начальством был смел. Это мнение его многих коллег врачей. Он отдавал распоряжения обычным голосом, но в нём была какая-то внутренняя сила и властность, так что не выполнить его распоряжения ни у кого даже в мыслях не было. Это чувствовали не только солдаты, позднее и сотрудники, и больные, и домашние. Казалось, он мог приказать бросить курить, и больной мог это выполнить. Такие случаи впоследствии были, но там применялся гипноз. Он им владел.

11 месяцев службы в 134 полку заключают слова из формуляра прапорщика: «В службе сего обер-офицера не было обстоятельств, лишаящих его права на получение знака отличия беспорочной службы или отдаляющих срок выслуги к сему знаку». Наверное, так бы оно и было, выбрав В.П. Чекурин свою стезей военную службу.

РУМЫНСКИЙ ФРОНТ

«...Я опять на фронте, ... в тридцатом полку.

Принимал участие в боях».

Из автобиографии проф. В.П. Чекурина

После Брусиловского прорыва Румыния после долгих колебаний 27 августа 1916 г. примкнула к Антанте и объявила войну Австро-Венгрии. Но румынские войска терпят жестокое поражение. На нового союзника России обрушились не только силы Австро-Венгрии, но и мощь германских войск. За несколько недель они сокрушили румынскую армию и захватили столицу государства – Бухарест. Остатки румынских войск оказались в Яссах. Туда же переместилось и правительство. Чтобы спасти Румынию от разгрома Россия бросила на помощь союзнику крупные воинские соединения, значительно удлинив и без того растянутый фронт.

В конце 1916 г. был образован Румынский фронт из войск российской и румынской армий. Номинальным главнокомандующим фронтом являлся король Румынии Фердинанд I. Царя противной стороны Болгарии тоже звали Фердинанд I. Он был немецкого княжеского рода, усилил германское влияние в Болгарии, вовлек ее в Первую Мировую войну.

Для руководства русскими войсками фронта 5 декабря 1916 г. были учреждены должности помощников главнокомандующего с правами главнокомандующего армиями фронта, при котором были сформированы все органы полевого управления на базе управления Дунайской армии. Ими стали генерал от кавалерии В.В. Сахаров и генерал от инфантерии Д.Г. Щербачев. В состав фронта входила 6-я армия, в приказ которой единожды попадет прапорщик Чекурин. Еще единожды он же будет на несколько дней командирован в штаб 6-й армии.

Иногда, кажется, что человек делает свою судьбу сам, иногда, кажется, что его влечет рок событий. Про судьбу солдата так не скажешь. Его судьба предначертана в планах командования. Его дело – сохранить в этих планах свою жизнь и верно служить своей Родине, выполняя приказы. Дальнейшая судьба прапорщика Чекурина, как и в 1914 г., была заранее запланирована верховным главнокомандующим русской армией. Ему оставалось только выполнить воинский долг и при этом постараться остаться живым.

Солдаты Первой Мировой войны

Планы летней кампании 1917 г. были изложены в докладах главнокомандующих фронтами. На декабрьском совещании 1916 г. были разные точки зрения. Предложения ставки поддержал авторитет генерала А.А. Брусилова. Подводя итог обсуждения, Верховный главнокомандующий высказался за продолжение боевых действий на Румынском фронте. Была задача вывести из войны Болгарию, которая

воевала против России и Румынии. Но пришлось иметь дело не только с Болгарской армией, но и с войсками центральных держав – Германией и Австрией.

После Февральской революции и отречения императора Николая II от престола в столицах, в обществе царил патриотический подъем. Царя на престоле больше нет, свободная Россия должна только побеждать. В марше Сибирских стрелков появились новые куплеты:

Знай, Сибирь, в лихие годы
В память славной старины
Честь великого народа
Отстоят твои сыны.
 Русь свободная воскреснет,
 Нашей верою горя,
 И услышат эту песню
 Стены древнего Кремля.

Как все было на самом деле, какие настроения были в полку, документы передают слабо, в них больше общей риторики и патриотических рассуждений. Зато эти настроения рождали конкретные поступки офицеров. Общие настроения коснулись и военной части, в которой служил отец. Его ходатайство об отправке в действующую армию – конкретное выражение настроений в армии. 19 марта ходатайство было удовлетворено. В том же формуляре читаем: «Вследствие ходатайства об отправлении в действующую армию [прапорщик Чекурин] освобожден от командования 15 ротой 134 полка (Приказ № 80 от 19 марта 1917 г.).

7 апреля, опять в день своего рождения, Чекурин прибыл и включен в списки кадрового состава 300-го пехотного запасного полка в должности младшего офицера 3-й роты. Но его опыт понадобился в другом соединении и в другом качестве. Через три недели Чекурин убыл из названного полка на фронт.

Солдатскую службу он знал, знал он и предназначение прапорщика. Война поставила в строй тысячи прапорщиков. Судьба многих из них была перед глазами. В действующей армии они обычно назначались командирами взводов и на другие, равные им должности. Ближе всех стоящие к солдатам, прапорщики делили с ними и радость побед, и горечь военных неудач, сопряженных с убитыми и ранеными. Прапорщики поднимали взвод в атаку. Русские офицеры шли в атаку впереди солдат. Среди прапорщиков были самые большие потери. Русский солдат редко ходил в третью атаку, погибал в первой или во второй. Все это известно, но личное ходатайство об отправке на фронт было подано. Места своей дальнейшей службы он не знал.

На фронте прапорщик получал 732 рубля в год и еще была приплата в 120 рублей в год. Не очень большая компенсация за смертельно опасную службу.

Война для В.П. Чекурина продолжилась на Румынском фронте. Румынский фронт, самый «забытый» в истории Первой Мировой войны, хотя о нем писали в Болгарии, Румынии, в эмиграции. В перипетиях этого фронта запутается и опытный историк – исследователь, где уж тут сделать свой правильный выбор младшему офицеру. На Румынском фронте русские и румынские военные части образовали, как бы слоеный пирог. 2-я Румынская армия помещалась между 9-й и 4-й русскими армиями, а 1-я Румынская армия между 4-й и 6-й русскими армиями. 6-я армия занимала левый фланг Румынского фронта, начиная от нижнего течения Дуная и Черноморского побережья.

Штаб 6-й армии на румынском фронте

За время учебы в школе прапорщиков и в дальнейшей службе В.П. Чекурин приобрел новые воинские специальности, освоил новые виды оружия, в том числе и пулемет. На этот раз прапорщик В.П. Чекурин был назначен младшим офицером пулеметной команды в 30-й стрелковый полк 61-й дивизии. Из известных нам людей младшим офицером пулеметной команды попал на фронт будущий писатель-сатирик Михаил Зощенко. Зощенко отец любил, в его библиотеке сохранился журнал с рассказами Зощенко «Смехач». После известного постановления о журнале «Звезда» и «Ленинград» книги Зощенко не издавали, поэтому этот журнал бережно хранился в семейной библиотеке.

Пулемет на позиции

Ценил отец почти забытые военные очерки и рассказы Валентина Катаева, который участвовал в «керенском» наступлении на Румынском фронте. По его очеркам и рассказам можно детально представить

картину офицерского и солдатского быта отнюдь не с героической стороны. Более известен «Юношеский роман» В. Катаева о жесточайших боях в Белоруссии, в которых погибли сотни тысяч солдат. Писатель Валентин Катаев обязательно присутствовал в нашей библиотеке, правда, не военными очерками. «Белеет парус одинокий» был в нашей семье любимым чтением.

У новой должности много преимуществ. В качестве офицера пулеметной команды, по крайней мере, в штатных ситуациях, не нужно ходить в штыковые атаки. Не полагалось, а только случалось – уже хорошо. А вот встречать пулеметными очередями противника предполагалось. Нужны прочные нервы и точный расчет. Не струсить, не поторопиться и не затянуть с командой об открытии огня. И хорошенько, тщательно подготовить материальную часть, пулеметчиков и их помощников.

Пулеметная рота была эффективной боевой единицей с довольно сложным управлением и немалым собственным хозяйством. Командовал пулеметной ротой обычно офицер в чине штабс-капитана. Младшие офицеры команды командовали 4-мя пулеметными взводами, одним из них и был В.П. Чекурин. В его подчинении были фельдфебели, каптенармусы, два взводных унтер-офицера, младшие пулеметные унтер-офицеры (числом 6), ефрейторы-наводчики (8), строевых рядовых было 59 человек. Полагались в команде запасные наводчики (8), подносчики патронов (24). Были нестроевые военнослужащие: 3 денщика, 2 кошевара, 2 рабочих при кухне. В команде было более 20 лошадей, при них – 8 человек ездовых. У командиров были верховые лошади. Прапорщику Чекурину тоже полагалась лошадь.

Пулеметная команда 30-го полка 61-й дивизии участвовала в боевых действиях. Формуляр прапорщика сообщает: «В походах и делах против болгар находился с 7 мая 1917 г. ». В учебниках почти не упоминается Румынский фронт и то, что пришлось русской армии воевать против болгар. Болгария же выступила в ходе войны на стороне Германии.

В литературе Румынский фронт оставил свой след. Ощущение войны передают стихи Валентина Катаева «Ночной бой», «В апреле», «Письмо», «Ранение». Написаны они в действующей армии в 1916 г., когда он воевал на том же, что и отец, Румынском фронте. В его прозе действуют румыны, болгары, русские солдаты и нижние офицерские чины.

Пулемет – часть и современного боя, а в те годы его роль была иногда решающей. У Валентина Катаева, участника боев на Румынском фронте, читаем:

В цепи кричат «Ура». Далеко вправо – бой.

Лес пылает, как солома.
Ночная тишь разбужена пальбой,
Раскатистый, как дальний рокот грома,
Ночной пожар зловещий отблеск льет.
И в шуме боя, четкий и печальный,
Стучит, как швейная машинка, пулемет,
И строчит саван погребальный.

Думал ли солдат за пулеметом о том, что творит его оружие, отправляя на тот свет ничем не повинных людей. С такими мыслями нелегко воевать.

Боевые действия в июне-июле-августе 1917 г. на Румынском фронте – составная часть наступления русско-румынских войск. В результате наступления удалось освободить около 30 населенных пунктов, захватить 4 тысячи пленных и 85 орудий.

Отец впервые упомянул о службе в 10-м Сибирском стрелковом полку и Георгиевском кресте в записке уже после смерти Сталина. Записка была адресована тогдашнему Первому секретарю обкома КПСС Н.А. Ларионову, которого он уважал и которому верил. Именно при Н.А. Ларионове был переведен в Рязань 3-й Московский медицинский институт. Он знал, что по

его инициативе институту оказывалась большая помощь. Куда же он мог еще обратиться? Во главе института стали, по его субъективным впечатлениям, не очень симпатичные ему люди. Он был самостоятелен, самодостаточен и не любил начальства. Оно отвечало ему тем же. Была ли записка отправлена в адрес Рязанского Обкома, я не знаю. Во всяком случае, о последствиях обращения отца к Н.А. Ларионову в семье ничего не известно. Но именно некоторые абзацы пространного письма явились началом моего интереса к военной части биографии профессора В.П. Чекурина. О пребывании на Румынском фронте он упомянул только в одном из многочисленных листков по учету кадров, которые в то время постоянно заполнялись для отдела кадров и других надзирающих органов.

Вернемся на Румынский фронт. К лету 1917 г. на Румынском фронте была подготовлена наступательная операция и сосредоточены значительные силы русской авиации (12 авиаотрядов и 2 франко - румынских эскадрильи). Для усиления прорыва 6-й армии была создана «Временная авиагруппа» в составе 6-го и 36-го корпусных авиаотрядов и 10-го истребительного отряда. Начальник – штабс-капитан Каплин. Военные соединения были связаны радиостанциями. Детальная воздушная разведка и аэрофотосъемка полосы прорыва обнаружила работы по созданию новых укреплений позиций противника. Казалось, возрождается мощь России.

Наступление на румынском фронте началось 7(20) июля и преследовало целью разгромить противника в районе Фокшан и Буэзо и занять Добруджу. Наступление протекало успешно. 12 июля 1917 г. русские войска прорвали австрийский фронт. Можно было ожидать продолжения успешного наступления. Русские авиаотряды и франко-румынские эскадрильи совершили около 2000 боевых вылетов, сбили 20 самолетов противника, потеряв лишь три своих машины. Но общая обстановка на Юго-Западном фронте заставила прекратить наступление. Керенский, испуганный поражением под Тернополем на соседнем Юго-Западном фронте, самовольно заявил об отмене наступления на Румынском фронте, обратившись при этом напрямую к солдатам через голову командования. 24 июля (6 августа) армии фельдмаршала Августа фон Макензена контратаковали русские и румынские войска. Германское командование нанесло ответный удар с задачей захвата территории Румынии и выхода к южным границам России. Ожесточенные бои, стоившие германцам 47 тыс. убитыми и ранеными, закончились 30 июля

их незначительным продвижением. 6-я армия располагалась так, что прикрывала именно южные границы России, левый фланг ее упирался в Черное море.

Орден Святой Анны 4-й степени

За отличие в бою 29 июля 1917 г. «у г. Монастыря близ поселка Индепенденция за местечком Бунганум» (географические названия в формуляре написаны не

очень разборчиво) прапорщик В.П. Чекурин награжден орденом Святой Анны 4-й степени с надписью на холодном оружии «За храбрость».

Орден жаловался за военные подвиги против неприятеля. До революции к Анненскому оружию с надписью «За храбрость» присваивался темляк из орденской ленты с серебряными кистями. Знак отличия Св. Анны представляет собой круглую серебряную позолоченную медаль с ушком. На лицевой стороне изображен крест с расширенными концами, залитыми красной финифтью, над крестом помещена императорская корона. Обратная сторона – гладкая, с проходящим по окружности красным кольцом, в середине которого выгравирован порядковый номер. Медаль носилась на узкой красной ленте (2,2 см) с желтой каймой.

Отец об ордене, как и многом другом, что произошло с ним на Румынском фронте, никогда не вспоминал. Орден давал личное дворянство, а детям даровались права почетных граждан. Я родился в 1937 году и понимал, что помнить о царских орденах или орденах Временного правительства было нельзя. Из-за этого много не узнаю про военную службу отца. Молчаливость в те времена была правилом очень важным. Это качество сохранило жизнь семьи.

К наградам, мне кажется, он был равнодушен. Памятуя о своих военных наградах, он, как и большинство его современников, советских орденов тоже не носил. Может и зря: медаль была самая народная «За доблестный труд в Великой отечественной войне 1941 – 1945 гг.» с профилем Сталина и орден «Знак Почета» со звездой и знаменами (№ 127621). Кроме последнего ордена, все его награды связаны с войной.

Приказ о награде № 1054 26 августа 1917 г. по 6-й армии был опубликован за два месяца до Октябрьского переворота в Петрограде. Приказ удалось разыскать в фондах Военно-исторического архива. Среди офицеров эта награда называлась «клюквой» из-за ярко красного цвета и своего небольшого размера. И темляк на шашку полагался красного цвета. Этот орден был учрежден Павлом I в честь дочери Петра Великого Анны еще в царствование Екатерины Великой.

Официально орден прекратил свое существование после 1917 г. Но из-за слов «За храбрость» им продолжали награждать офицеров в Гражданскую войну. Война продолжалась, и воинская доблесть должна быть отмечена, а новых орденов учредить еще не успели.

Орденами отличившихся офицеров в 1917 г. награждали приказом по армии. В найденном приказе названы имена и фамилии 19 однополчан отца. О той войне читателям известно так мало, поэтому я хочу их назвать. Тем более, что события на Румынском фронте освещены в литературе противоречиво и крайне скудно. Надеюсь, что кто-то откликнется на опубликованные в приказе фамилии.

П Р И К А З

в о й с к а м 6-й а р м и и

26 августа 1917 года

№ 1054

По представленной мне власти награждаются мною орденами:

За отличия в делах против неприятеля:

Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом
30- го Стрелкового полка

Штабс-капитанъ *Петр Келешь*

Поручик *Степан Клейменов*

“ *Александр Куклин*

Подпоручик *Алексей Морозов*

Св. Анны 4 – й степени с надписью «За храбрость»

Подпоручик *Виніамин Балахнинъ*

“ *Василий Курнавин*

“ *Марк Марковинъ*

“ *Федор Монаховъ*

Прапорщик *Василий Громаковский*

“ *Иван Ефимовъ*

“ *Филипп Жудро*

“ *Михаил Зелинский*

“ *Михаил Ильченко*

“ *Евгеній Ксенофоновъ*

“ *Федор Саластовскій*

“ *Дмитрий Троицкий*

“ *Сергей Харитоновъ*

“ *Василий Чекуринъ*

“ *Иван Юматовъ*

Воспроизведя типографски отпечатанный приказ, я выделил то, что выделено в тексте приказа жирным шрифтом, мелкими и средними кеглями отметил соответствующие строчки приказа. Данный приказ в какой-то мере – свидетельство значительности наступления летом 1917 г. на Румынском фронте и какое-то воздаяние мужеству воинам этого фронта. Они прорвали фронт противника, а их наступательный порыв был прерван. Возможно, военачальники, в их числе генерал-лейтенант А.С. Лукомский – начальник штаба при Главнокомандующем А.А. Брусилове, были правы, видя в этом прорыве на Румынском фронте большие перспективы для успешного продолжения военных действий.

Прочтя весь пространный приказ, пожалеешь о том, что Василий Петрович был молчаливым человеком: его время не располагало к разговорам о прошлом. По крайней мере, он мог бы что-то рассказать о

каждом из названных в приказе однополчан. Живя и работая более пяти лет в Молдавии, уже после Великой Отечественной войны, он никогда вслух не вспоминал, что эти места на юге Молдавии ему знакомы. В 1917–1918 гг. он проехал на лошадях вместе со своей пулеметной командой сотни километров. В весеннюю и осеннюю распутицу эти дороги вряд ли можно было забыть, как и названия Галац, Марешты, Фокшаны, Яссы, Немолоса. По этим местам он ездил на машинах и летал в 1946–1950-е годы на «кукурузниках», используемых в республике для вызовов по санавиации, организуя профилактические осмотры больных своего профиля.

Приказ включил в себя отличившихся офицеров и других подразделений, входящих в состав 6-й армии. Кроме 30-го полка были названы офицеры 3-го Стрелкового артиллерийского дивизиона, штурмовой батальон 3-й Стрелковой дивизии, 4-го Броневого автомобильного дивизиона, 11-го Стрелкового полка, 12-го Стрелкового полка, 29-го Стрелкового полка, 31-го Стрелкового полка, 32-го Стрелкового полка, 242-го пехотного Луковского полка, офицеров штаба 8-й Стрелковой дивизии. В копии части приказа, которая попала ко мне, 72 награжденных. Это – отличившиеся участники летних наступательных боев на Румынском фронте. По моему мнению, это было последнее успешное наступление русских войск в Первой Мировой войне, совсем забытое историками. Наступление было приостановлено приказом А.Ф. Керенского в связи с неудачами всего Северо-Западного фронта. Неизвестно, были ли эти награды вручены. Отец никогда не вспоминал об ордене Анны и надписи на оружии «За храбрость».

Не так просто было найти верный путь для солдата в 1917 году. Казалось, Господь оставил Россию, она плыла без руля и без ветрил весь этот год. Неплохое определение этому период дал Л.Д. Троцкий – «двоебезвластие». Когда стыдливо молчит беспомощная центральная власть, приходит время инициативы мест. Так всегда бывало в истории России.

В новом полку бывалый солдат и Георгиевский кавалер В.П. Чекурин, пользовавшийся авторитетом среди солдат, сделал серьезную «общественную» полковую карьеру. Не для себя старался, для дела. Как спасти солдат в очень сложной обстановке, которая сложилась на Румынском фронте. Его мнение ценили. В июне он был выбран председателем ротного дисциплинарного суда, ибо был прям и справедлив, и в судьбу каждого солдата вникал, и судил по совести.

18 сентября 1917 г. избирается в полковой комитет. Все военные подразделения, начиная с роты, согласно приказу №1 Временного правительства были обязаны избрать свои солдатские комитеты. Оружие находилось под контролем комитетов. Запрет выдачи оружия офицерам (так было написано в этом, для воюющей страны, преступном приказе) значения не имел, ибо в 30-м полку в комитет были избраны офицеры, пусть и младшие.

Полк захватили ветры перемен, все говорили об Учредительном собрании, которое должно решить судьбу России и победоносно завершить

войну. Правовые искания мыслителей европейского просвещения исходили из признания естественного права всех народов выбирать свой социально-экономический строй и форму правления. В России уже почти два века, со времен декабристов, для думающего большинства общий идеал представительный орган власти – Учредительное собрание.

Идеи Учредительного собрания были очень популярны во всех партиях. Политических взглядов отца тех лет я не могу знать. Но вот факты, которые говорят о его мыслях, о судьбе России, разыскал в военных архивах. Судя по этим фактам, ему была по душе идея Учредительного собрания. Чтобы собрались избранные представители всей России и решили, как жить дальше, как закончить войну, как распорядиться землей. Это не праздные вопросы, они – главные для народа. Ничего лучше народный разум не придумал – в сложных обстоятельствах решать все сообща. Взглядов своих он не скрывал. В октябре В.П. Чекурин, солдатский политический лидер, избирается Председателем полковой комиссии по выборам в Учредительное собрание. 28–30 октября прапорщик Чекурин был командирован в Яссы в армейскую комиссию (6-я армия) по выборам в Учредительное собрание. Выборы депутатов в Учредительное собрание в России завершились в ноябре 1917 г. 6-я армия на Румынском фронте даже в условиях фронта сумела провести выборы раньше. Для армии это было очень важно – это была надежда на достойный выход из войны.

Выборы, как и сейчас, были делом не простым. Положение о выборах в Учредительное собрание было опубликовано 20 июня 1917 г. В нем было 258 статей. Там были прописаны обязанности полковой комиссии по выборам, которой присваивались права и обязанности участковых избирательных комиссий. Помощь в составлении списков должна была оказывать канцелярия воинской части. В составлении списков, по сравнению с сегодняшними, с избирательными списками нового не так много: нужно было сообщить о возрасте, занятиях, чине, местожительстве. Кроме фамилии записать и прозвище. Но сложность представляла работа со списками кандидатов, которые регистрировались по мере поступления с указанием партийности. При подсчете нужно было выяснить, какая из партий окажется в большинстве и одновременно выяснить, у кого из кандидатов персонально и по каким спискам оказалось больше всего голосов. Каждому избирателю нужно было вручить удостоверение, избирательные списки партий, чистые бланки избирательного списка для заполнения. Каждый мог заполнить только этот единственный список. Кандидат в депутаты Учредительного собрания мог включить себя только в 5 списков. Нужно было учесть пожелания партий на образование различных блоков. В этих случаях подсчет голосов и списков усложнялся, вводился непонятный для нас «избирательный знаменатель» и т.д. При подсчете голосов отцу пригодилось хорошее знание математики. Работа была очень ответственной. Более 20 статей предусматривали наказания за попытки помешать выборам: до 6 лет каторги за помехи выборам с оружием в руках. В качестве меры за нарушения в процессе выборов предусматривался арест на разные сроки и

значительные штрафы. Это тоже нужно было в случае необходимости применять. Голосовали живые люди, которые перемещались в условиях фронта по приказу или по личным мотивам. У представителей многих партий были свои амбиции. На разбор жалоб, предложений о формировании блоков партий давался 2-х дневный срок. Несмотря ни на что, выборы на Румынском фронте состоялись. Они проходили в условиях военного времени, на территории другой страны. В Финляндии и на Кавказском фронте выборы так и не были завершены.

Среди документов удалось обнаружить результаты проведения выборов на Румынском фронте. В документе от 2 декабря 1917 г. сообщалось: «...Подсчет голосов почти закончен. Принимали участие почти 80% избирателей. Не подсчитано 12 избирательных участков, около 15000. Не подсчитанные голоса могут внести самые ничтожные изменения. Подсчеты по фронту дал следующие результаты: за список №3 социал-революционеров (эсеров) проголосовало 59% избирателей, за список №1 объединения украинских социалистов - 16%, за список №6 социал-демократов большевиков - 15,4 %, за список №4 объединенных социал-демократов (меньшевики, энесы и др. - Л.Ч.) и за список №2 мусульман – 2 %. Остальные списки получили от 0,3 до 2 % голосов. Работа по проведению выборов в условиях воюющего фронта нельзя назвать простой. Тем более, что некоторые партии заявили об образовании предвыборных блоков. Заявили о своем соединении «списки»: 1, 2 и 8 (Список № 8 молдавских социал-революционеров), а также 4 и 6.

Не объединялись эсеры. Правые партии получили так мало голосов, что их в сводку по фронту не включили. В этом калейдоскопе тогдашней политической жизни должен был разбираться младший офицер пулеметной роты В.П. Чекурин. На организацию выборов у него было чуть больше месяца. Это было особое время для России. Выборы проводили обыкновенные люди, облеченные доверием общества.

В высших армейских кругах произошли большие перемены. В солдатский комитет 6-й Армии, куда был командирован прапорщик В.П. Чекурин, был избран уроженец тех мест, бессарабец Г.И. Котовский, будущий легендарный комбриг Гражданской войны. Он воевал на Румынском фронте, был избран в полковой комитет Таганрогского полка, а затем – в солдатский комитет армии.

С 11 декабря 1917 г. генерал-лейтенанта Пержхайло и генерала А.А. Цурикова на посту командующего армией сменил прапорщик Л.С. Дегтярев. Ничего удивительного. Верховным главнокомандующим вооруженными силами России в ноябре 1917 г. стал прапорщик Н.В. Крыленко. В феврале он тоже начинал с полкового комитета в 11-й армии.

В конце 1917 г. бои на этом фронте прекратились, пришла пора митингов и братаний с солдатами недавнего противника. Массового дезертирства, анархии, бесчинств над офицерами на Румынском фронте не было. Возможно потому, что части находились на территории другого государства, рядом воевали румынские полки. Дело шло к миру. После

заклучения Брестского мира с марта 1918 г. энергично действовало Управление начальника по ликвидации Румынского фронта. Штаб фронта и 6-й армии располагался в Яссах.

Вспоминать о войне отец не любил. Не военная карьера его привлекала, он воевал за Россию, на которую напал враг, участвовал на разных фронтах в летних и зимних боях. К военной службе относился очень серьезно и если говорил о ней, то с большим уважением. Был он физически сильным и очень смелым. Жизнь не раз ставила его в сложные условия, и он всегда выходил победителем. Не любил начальства, ненавидел и никогда не участвовал в служебных интригах, предпочитая говорить все «в открытую». Мне, кажется, эти качества прямолинейности остались у него от военной службы в действующей армии, от фронтовой жизни. Он тогда понял смысл и цену жизни и ее не очень сложные законы, коим он и следовал. Рассказывать о той Великой войне было нельзя, царские ордена отменили. Многомиллионные жертвы во имя России забыты. Лучше было забыть и офицерские погоны. Шестой армией, в которой он заканчивал военную службу последние месяцы, командовал младший офицер, того же, что и у отца звания – прапорщик Дегтярев.

Может быть, судьба Учредительного собрания (незаживающая рана у многих) и подействовала на одного из тех, кто организовывал выборы. На все, что происходило в дальнейшем, отец мог ответить только молчанием. А что говорить? Судьба у избранных депутатов была трагической. Кого расстреляли, кто в эмиграцию подался. Следил отец за судьбой Учредительного собрания, в роль которого поверил вместе с другими настолько, что активно участвовал в организации его выборов. В январе 1918 г. Учредительное собрание разогнали, демонстрацию в его поддержку расстреляли. Другая власть, по его мнению, была незаконна, по нашей терминологии, нелегитимна. Да и власть эта находилась за тысячи верст от Румынского фронта и солдат мало касалась.

ДЕМОБИЛИЗАЦИЯ 30-го ПОЛКА

В октябре 1917 г. очередной набор его родной 2-й Ораниенбаумской школы прапорщиков в составе 500 человек продемонстрировал верность присяге Временному правительству: был среди защитников Зимнего дворца, точнее Временного правительства. Как известно, победили большевики.

7 ноября Центральная Рада в Киеве объявляет о создании Украинской Народной Республики, а Генеральный секретарь по войсковым делам С.В. Петлюра рассылает призыв «украинизировать» части бывшей русской армии.

20 ноября в Могилеве в ставке был убит генерал-лейтенант Н.Н. Духонин, начальник Генерального штаба, принявший на себя обязанности Верховного Главнокомандующего после бегства Керенского. Он отказался выполнять распоряжение Совета Народных Комиссаров немедленно приступить к переговорам с австро-германским командованием о перемирии.

22 ноября Правительство заключило в Брест-Литовске перемирие с германским командованием.

Обстановка на Румынском фронте была, мало сказать, очень сложной. После Октябрьского переворота главнокомандующему войсками фронта удалось сдержать разложение войск под воздействием революционных событий. Щербачев добился того, что фронтовой комитет 30 октября (12 ноября) 1917 г. принял решение о непризнании Советской власти. В конце года была налажена связь между штабом фронта и генералом М.В. Алексеевым. Предавший монархию и Николая II бывший главнокомандующий Вооруженными силами России, смещенный на этом посту А.А. Брусиловым, приступил в Новочеркасске к созданию добровольческого вооруженного формирования для борьбы против Советской власти. Для его поддержки на Румынском фронте множатся настроения по созданию Корпуса русских добровольцев.

Французские военные представители на Румынском фронте поддержали генерала Щербачева, ему было разрешено начать мирные переговоры с австро-германцами. 20 ноября (9 декабря) в Фокшанах двухдневные переговоры закончились заключением перемирия между объединенными русско-румынскими и германо-австрийскими войсками. Некоторые части были разоружены и солдаты вынуждены в мороз уходить пешком в Россию. Румынский фронт прекратил свое существование в середине декабря 1917 г. Тогда же румынские войска с согласия Щербачева вторглись в Бессарабию – под предлогом охраны русских и румынских границ и поддержания порядка и спокойствия в своем тылу. 7 декабря 1917 г. два полка армии румынского короля Фердинанда перешли государственную границу России по реке Прут с «целью закупки продовольствия». 13 января был занят Кишинев, в марте – Белгород-Днестровский. Бессарабия была оккупирована и оторвана от Великой державы, в состав которой входила более века. С Россией был подписан протокол, который предусматривал, что в течение двух месяцев Румыния покинет Бессарабию. Однако, воспользовавшись разгоравшейся Гражданской войной, Румыния эти договоренности не выполнила и отторгла у своего бывшего союзника большую территорию. Бессарабия оказалась в составе Румынии (Сафонов А. 28 июня 1940 года: победа без войны. Бендеры, 2013. С.59 – 65).

Историки и сегодня разбираются в перипетиях того смутного времени. События на Румынском фронте отсутствует в молдавских и украинских учебниках. Что же говорить о частях русской армии, оказавшихся на чужой территории в столь сложном положении?

Строевое офицерство ждало приказа старшего командования, которое само было растеряно, что было немудрено в сложившейся обстановке. По воспоминаниям очевидцев, «штаб фронта в это время в Яссах представлял весьма пеструю картину. На часах стояли «жовто-блакидные» гайдамаки, повсюду пестрели надписи национальных формирований. Создавались украинские корпуса, формировалась белорусская дивизия и польские части.

Один из генералов пытался сделать из христиан правоверных мусульман, на эвакуационном пункте «партийная» сестра милосердия обещала офицерам «землю и волю» и набирала рекрутов в армию Учредительного собрания».

Документы показывают, что среди 43 воинских соединений (артиллерийские дивизионы, пехотные дивизии, мотоциклетные отделения, авиаотряды, инженерные полки и т.д.), которые должны были оставить все имущество и весь конный состав на территории Румынии, 61-й дивизии и 30-го полка не было. Хотя передача военного имущества было неременным условием для расформирования части и увольнения личного состава.

Тема «отсутствия приказа» о демобилизации в связи с окончанием войны – значительный и крайне мало исследованный вопрос Гражданской войны и истории России. Офицерские формуляры приподнимают завесу по этому вопросу. Вполне конкретные приказы в 61-й армии были, как и комитет по демобилизации Румынского фронта.

Прапорщик В.П. Чекурин – член полкового комитета с 18 сентября 1917 г. имеет к выполнению этих решений самое прямое отношение. Полковой комитет принял решение войну закончить и вернуться домой. Решение о демобилизации выполнял тоже полковой комитет. При этом полк, в котором служил отец, не «самодемобилизовался», не дезертировал, а действовал по приказу 61-й дивизии 6-й Армии.

Формуляр В.П. Чекурина рисует вполне конкретную картину демобилизации полка. Согласно приказу по 61-й армии от 21/ 8 февраля 1918 г. №1066 создается комиссия для ликвидации отчетности и сдачи дел 30-го стрелкового полка. 15/ 28 февраля прапорщик В.П. Чекурин назначен в состав этой комиссии.

Пока шла неразбериха, и был полный хаос в отношениях разных правительств, иностранных миссий и новых военачальников, 30-й полк, в котором отец был членом полкового комитета, принял, на мой взгляд, единственно разумное решение. Оформить со всеми формальностями документы по демобилизации, иначе расстреляют за дезертирство, и отправить солдат домой, в те российские города и веси, откуда они призывались или где жили. Например, по окончании ликвидации имущества полка прапорщик В.П. Чекурин был «уволен» в распоряжение Петровского УВН (уездного военного начальника) и вернулся домой. Такие документы были выданы на руки каждому солдату и офицеру полка. Участвовать в формированиях уже для Гражданской войны в самой России полк не стал. К бригаде Дроздова и корпусу русских добровольцев, идущих на Дон, полк не примкнул.

Однажды отец, в порядке исключения я не помню по какому поводу, рассказал, что имущество полка было поделено, и ему досталась по жребию лошадь. Ничего удивительного в этом нет. В подчинении пулеметной команды было несколько десятков лошадей. Ему по должности лошадь полагалась. Куда потом эта лошадь делась, не помню.

Путь с Дуная на Волгу был не близким. Пробираться надо было по самостийной Украине через станцию Раздельную. Домой шли русские солдаты не в одиночку: оружие свое солдаты оставили при себе, и не зря.

На Украине пели четвертый вариант «Марша сибирских стрелков». Марш нравился батьке Махно. Текст, конечно, переделали:

В Брест-Литовске Украину
Ленин немцам уступил.
За полгода махновщина
их развеяла как пыль.
Шли деникинцы лавиной,
Собирались аж в Москву,
все их войско махновщина
Покосила, как траву.
Ты завет наш махновщина,
на грядущие года.
Ты хотела с Украины
Гнать тиранов навсегда.
Никакие реки крови
не зальют огонь борьбы.
Нас ничто не остановит,
Коммунизму завтра быть!

Вот такие песни пели на Украине в войсках батьки Махно. Марш дальневосточных партизан посвящен 2-й Приамурской дивизии в исполнении Краснознаменного ансамбля А.В. Александрова помнят и сегодня. Это знаменитые слова:

По долинам и по взгорьям
Шли дивизии вперед,
Чтобы с боем взять Приморье —
Белой армии оплот.

Были силы, которые пытались втянуть солдат в Гражданскую войну на стороне белых армий. Часть офицеров ушла в Добровольческую армию на Дон. Румыны хотели, чтобы русские полки оставили все свое вооружение в Румынии. Однако решительный генерал Дроздов пригрозил стереть с лица земли всех, которые будут стоять на пути его бригады, а заодно обещал артиллерией разгромить и румынский парламент. Подействовало. Но не было горючего для машин. Пришлось часть броневиков обменять на бензин.

Над Дроздовым солнце не взошло. Он погиб в Гражданской войне. А гимн его полка или бригады еще долго исполнялся в эмиграции.

Румыния, в конце концов, заключила мир и сумела сделать крупные территориальные приобретения за счет Болгарии, Греции и своего союзника России. Румынская дипломатия оказалась, как всегда, на высоте.

В очерках Валентина Катаева упоминается «румынский солдат в рогатой пилотке, с награбленным узлом за плечами, в грязных обмотках и сырмятных постолах».

В Дроздовском соединении стали петь уже иной текст хорошо известного нам «Марша сибирских стрелков»:

Из Румынии походом
Шел Дроздовский славный полк,
Во спасение народа
Исполняя тяжкий долг.
Генерал Дроздовский смело
Шел с полком своим вперед.
Как герой, он твердо верил,
Что он Родину спасет
Шли дроздовцы твердым шагом,
Враг под натиском бежал.
И с трехцветным русским флагом
Славу полк себе стяжал

Пусть вернемся мы седые
От кровавого труда,
Над тобой взойдет Россия
Солнце новое тогда.

Боевые операции русских дивизий на Румынском фронте в 1917 г. спасли от разгрома и сохранили суверенность Румынии. События на Румынском фронте повлияли на дальнейшую судьбу народов, населяющих эту землю, в том числе и на судьбу Молдавии.

В этом хаосе судьба отдельных воинских частей зависела от того, какую позицию заняли солдатские полковые комитеты. В некоторых полках было принято действительно разумное решение: провести настоящую демобилизацию, оформить каждому солдату документы с тем, чтобы все отправились по домам. Так было в 30-м полку 61-й дивизии, где служил В.П. Чекурин.

Офицеров этой войны ждала незавидная судьба. Судьба их развела по разные стороны междоусобного противоборства. Часть офицеров пала в новых боях, или была убита по пути домой своими же солдатами. Выживших поделила граница. Часть оставшихся на родине сгинула в многочисленных чистках. Солдаты в большинстве вернулись к мирной жизни, некоторые из них подверглись новой мобилизации и решали те же

задачи по защите России, но значительно большей кровью.

Медицинская помощь раненым в Первой Мировой войне

Пребывая с 1914 по 1918 гг. в горниле войны, солдаты сделали только

один вывод: от войны, по возможности, нужно держаться подальше. В Саратове встреча с братом-монахом укрепила решение: забыть про свой немалый боевой опыт. Гражданская война только начиналась, можно было продолжить военную карьеру, но он уже навоевался. В госпиталях, где лечился, он насмотрелся на лекарей, медсестер, и врачебный труд начал уважать, и, кажется, понимать. И его, и многих солдат врачи с того света возвращали. Крови и здесь было немало. Госпитальные операционные были местом страшным для солдат. Видели солдаты в большом количестве и ампутированные конечности. Видели безногих и безруких калек. Но это все совершалось во имя жизни, а не для продолжения массовых убийств. Возможно, здесь родилась мысль о медицинском факультете университета. Собственно, кроме своего репетиторства и тяжелого ратного дела, которое отец постиг почти в совершенстве, он еще знал только труд врачей в госпиталях.

Как не вспомнить великого мыслителя Алексея Федоровича Лосева: «Судьба не подвластна ни разуму, ни чувству..., в качестве объективной действительности вплоть до наших дней она придает окончательный рисунок жизни каждому человеку, творит человека по только ей известным умным замыслам и, можно сказать, эстетически, то есть выразительно, его оформляет». Конечно, оставляет при этом самому человеку его волю и свободу выбора. На этот раз свою судьбу отец решил сам. В невероятных обстоятельствах войны и революции, действовавших разрушительно, на уничтожение всего разумного, выбор отца был оптимальным. В судьбе всегда отведено место воле человека, его характеру и, конечно, трудолюбию. В судьбе всегда есть простор для проявления и следования нравственным началам. Последнее обязательно в любых обстоятельствах, даже при всеобщем крахе нравственности...

МЕДИЦИНСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ – ПУТЬ К МИРУ

Нелегко путь домой через воюющую страну. До каких-то станций, возможно, до Кишинева, Раздельной, Воронежа, Ростова, Таганрога были эшелоны, отправляемые с Румынского фронта. Дальше солдаты добирались своим ходом. Так или иначе, В.П. Чекурин добрался до своего родного городка Петровска, что в ста километрах от Саратова.

Некоторые наши родственники воевали и в Гражданскую войну. Свояк – упомянутый выпускник Петербургского университета – поручик царской армии Сергей Петров (родной брат матери) был мобилизован в Красную армию, служил в Самарской Железной дивизии с 1918 по 1922 гг.

Как В.П. Чекурин попал в разгар Гражданской войны в Пермский университет, диплом об окончании которого сохранился в его личном архиве, в семье, как и многое в жизни отца тех лет, осталось тайной. Возможно, студенты-медики освобождались от мобилизации в армию. Врачи нужны всякой власти. Отец был человеком не только не разговорчивым, он был скорее молчаливым. «Слово – серебро, молчание – золото» – часто

повторял он. В эпоху 1930-1950-х гг. это качество спасало от многих опасностей обязательного тоталитарного догляда. Он говорил только о своих профессиональных делах, об операциях, о своей специальности, которой был очень предан. О самих больных и, особенно, о лечении высокопоставленных пациентов, не говорил никогда. В Кишиневе за ним иногда поздно вечером приезжала машина и увозила его, иногда надолго. Мы знали, значит у дочери тогдашнего Первого секретаря ЦК КП Молдавии

Л.И. Брежнева Галины опять ангина. Но о визитах в эту семью он никогда не рассказывал.

Вернемся в 1918 год. В.П. Чекурин поступил «после небольшого испытания» на медицинский факультет Саратовского университета.

Саратовский государственный медицинский университет имени В. И. Разумовского

Здесь он встретился со своей будущей специальностью. Кафедра оториноларингологии в университете была открыта в 1914 г. по инициативе и на средства уроженца Саратова, академика Санкт-Петербургской Военно-медицинской академии Н.П. Симановского. «Будучи уроженцем Саратова, я имею намерения в родном городе выстроить на свои средства клинику горловых, носовых и ушных болезней на 20 кроватей и принести ее в дар университету». Первый взнос составил 20 тыс. рублей. Условие академик Симановский поставил одно: кафедру должен возглавить известнейший специалист по ушным болезням профессор М.Ф. Цитович. Первые годы жизни Саратовской ЛОР–кафедры были самыми тяжелыми. Военное время, отсутствие приспособленного здания. Однако сочетание качеств энтузиаста ученого и педагога, способного заразить своей увлеченностью преподавателей и студентов, к 1918 г. позволили кафедре начать работу. На этой кафедре студент В.П. Чекурин в возрасте 27 лет, увидел, и, возможно, познакомился с профессором М.Ф. Цитовичем и его единственным ассистентом Л.Е. Комендантовым.

Первоначально для клиники в Саратовском университете наняли частное помещение. В 1919 г. для клиники было предоставлено более просторное помещение на 54 больничных койки. Палаты для больных дополнены перевязочной, операционной, столовой. В бытовых помещениях: комната дежурной сестры и надзирательницы, ванная. В подвале – кухня, прачечная, помещения для служительницы. Лаборатория для животных находилась тут же, во дворе клиники. Это была третья в России и первая в провинции кафедра болезней уха, горла и носа.

Имя Цитовича в семье всегда произносилось с большим уважением. М.Ф. Цитович не считал оториноларингологию узкой специальностью, доказывал огромное влияние верхних дыхательных путей на весь организм. Эта специальность могла увлечь с первых шагов знакомства с ней. Надо знать анатомию многих органов, физиологию, патофизиологию. Эту

специальность нельзя представить себе без хирургии головы и шеи, не отделяется от нее и хирургическая ЛОР – онкология. Результат лечения порой быстр и эффектен. Это усвоил В.П. Чекурин еще в студенчестве.

Я не один раз от него слышал, когда он был уже профессором, что ухо, горло и нос влияют на весь организм человека. Он считал, что это должен знать не только врач, но и каждый человек. Мне, будущему историку, он говорил, что Наполеон проиграл решающее сражение из-за сильного насморка и популярно объяснял, как насморк может повлиять на человека и его повседневную деятельность. Он знал в жизни исторических деятелей все факты, связанные с болезнями уха, горла и носа. В частности, очень внимательно изучал биографию и творчество Бетховена.

Меня всегда удивляла большое уважение отца к гуманитарным наукам. Предположу, что это не только природная любознательность, но следствие соприкосновения в студенческие годы с очень крупными гуманитариями, которые преподавали в Саратовском и Пермском университетах. Медики тех лет имели широкий гуманитарный кругозор. Они пытались понять сами и объяснить студентам не только основы и секреты специальности, но смысл жизни и того, что происходило в России.

Десятый по счету открытый в России Саратовский университет переживал в 1917-1918 годах новый этап развития. Временное правительство принимает решение открыть с 1 июля историко-филологический и физико-математический факультеты. Замысел Временного правительства об устройстве новых факультетов был осуществлен уже после Октября. Но благодаря этим решениям в университете появились преподаватели Всероссийского и Международного уровня. Они были носителями лучших университетских традиций.

Первый ректор университета – доктор медицины, один из основателей нейрохирургии, проф. В.И. Разумовский. На медицинском факультете было 7 кафедр, в том числе ботаники и зоологии. В университете преподавали будущий член-корр. АН СССР, выдающийся ботаник и физиолог растений А.Я. Гордягин; выдающийся ботаник и физиолог растений В.Р. Зелинский; будущий академик, патофизиолог А.А. Богомолец. В университете заведовал кафедрой селекции будущий академик ВАСХНИЛ Н.И. Вавилов. А.Р. Кизель, крупнейший специалист в области биохимии растений, читал курс ботаники. На кафедры русской и всеобщей истории пригласили профессоров В.А. Бутенко и В.И. Веретенникова, на кафедру археологии и этнографии – П.Г. Любомирова, проф. С.Н. Чернов вел курс исторической географии. В Саратов перебрался Е.Н. Петров – специалист по французской революции, ученик самого Н.И. Кареева. Деканом одного из факультетов был выдающийся русский философ С.А. Франк.

Преимущество дореволюционных университетов в том и состояло, что студенты могли знать и побывать на лекциях настоящих светил науки не только по своей специальности. Судя по интересам В.П. Чекурина, проявившимся в более позднее время, вчерашний солдат такую возможность не упускал.

САРАТОВ – ПЕРМЬ – РОСТОВ-НА-ДОНУ

Фамилию профессора М.Ф. Цитовича и его учебник «Болезни уха, горла и носа» в семье упоминали часто, а о Леониде Ефимовиче Комендантове мне придется сказать особо. Довольно редкое в то время имя Леонид я получил в честь учителя моего отца. Портрет Л.Е. Комендантова всегда висел в кабинете отца.

Предки Комендантова, как и у отца, и большинства россиян – крестьяне. Отец Комендантова из этого сословия вышел и стал разночинцем, учителем, и учителем очень хорошим. В 1920-е годы он получил звание «Герой Труда». Это звание в нашей истории почти забыто, но оно было. А вот Героя Гражданской войны не было, хотя в нашей литературе это сочетание слов очень употребительно. Хотя при здравом размышлении Герой Гражданской войны – это тот русский, что убил больше всех русских, потому и герой. Сами участники войны это сознавали. Упомянутый С.И. Петров при первой встрече со мной, зная, что я будущий историк, сказал: «Я служил в Железной дивизии, но никого не убивал». На мой удивленный взгляд пояснил, что он заведовал в дивизии автомобильным транспортом. В листке по учету кадров на этот счет сообщалось – выполнял разные командные должности.

Леонид Комендантов окончил Рыбинскую гимназию и поступил в Военно-медицинскую академию. Такова была подготовка уездной гимназии! В академии он увлекся социалистическими идеями, был даже, по данным литературы о нем, корреспондентом исторически знаменитой Ленинской газеты «Искра». Он был арестован и, спустя несколько месяцев тюремного заключения, выслан на родину в г. Рыбинск. Там он входил в состав местного комитета РСДРП, организовал подпольную типографию. Каким-то чудесным образом все это не помешало Л.Е. Комендантову окончить с отличием в 1907 г. Военно-медицинскую академию в Петербурге. После этого он, увлеченный своей специальностью, в революционное движение как профессиональный революционер больше не возвращался. По словам моего отца, Л.Е. Комендантов был коммунистом, о котором «в жандармском управлении была большая литература, как об опасном большевике».

Работал Комендантов военным врачом в госпиталях Симферополя и Варшавы. Его руководителем в Варшаве был известный и талантливый самородок, ученый и врач – оториноларинголог Э.М. Юргенс.

В 1912 г. закончились годы его обязательной военной службы, и он переехал в Москву с целью усовершенствоваться в своей профессии. Однако, 1-я Мировая война изменила его планы. Его вновь призвали на военную службу, и он становится младшим ординатором ушного отделения Московского госпиталя. Затем его переводят в Саратов. Цитович собирал талантливых выпускников Военно-медицинской академии. Комендантов являлся младшим ординатором в эвакогоспитале и одновременно ассистентом ушной клиники Саратовского университета. Работая над докторской диссертацией с 1915 г., он в 1916 г. ее защитил. В 1917 г. он

становится приват-доцентом, а затем – профессором Саратовского университета. Не вдаваясь в детали его научной деятельности, отмечу, что в литературе он известен как ниспровергатель казавшейся тогда фундаментальной и не требующей особого доказательства слуховой теории Гельмгольца. После защиты докторской диссертации, Л.Е. Комендантов в силу актуальной, обстоятельной и аргументированной научной работы стал известным в медицинском мире человеком, причем, не только в России.

У Л.Е. Комендантова были свои взгляды на методы и возможности лечения глухоты. Для продолжения его работ нужна была материальная база. Ему было тесновато на Саратовской кафедре, и он получил назначение в Пермь для организации новой кафедры оториноларингологии. Базу для развития его работ предоставили в Перми. Город только в июле 1919 г. был освобожден от войск новоявленного Верховного правителя России Колчака. Для новой кафедры оториноларингологии, которую предстояло создать, отвели большое пустующее школьное здание. Переезд профессора Л.Е. Комендантова в Пермь состоялся в 1920-1921 учебном году.

В Перми оказался и саратовский студент медицинского факультета В.П. Чекурин. Было это результатом очередной мобилизации или личной инициативы студента, документы не проясняют. Возможно, была договоренность с профессором Л.Е. Комендантовым еще в Саратове.

В автобиографии В.П. Чекурина сообщается: «В 1920 г. был добровольцем по борьбе с сыпным тифом и работал в Пермском военном госпитале». «Добровольцем на сыпняке» – так на языке тех лет, кратко обозначалась очень опасная работа по борьбе со страшной эпидемией сыпного тифа. Работа студентов и преподавателей медицинских факультетов на сыпняке – обычная практика тех лет. В стране сыпным и возвратным тифом болело более шести миллионов человек. Студент работал с опытными врачами. Это очень ценно: не все в учебниках написано. Пригодились его командирские навыки. В 1920 г. он был назначен начальником военно-санитарного поезда, фактически в обстановке Гражданской войны. Мобилизованный студент В.П. Чекурин продолжил обучение в Перми.

Пермский медицинский институт, ныне медицинская академия им. Е.А. Вагнера, тогда только зарождался. В 1916 г. был открыт Пермский государственный университет. В составе физико-математического факультета открылось медицинское отделение. Оно в 1917 г. стало

медицинским факультетом. Этот факультет и окончил будущий профессор и доктор медицинских наук В.П. Чекурин.

**Удостоверение №37 выпускника
медицинского факультета Пермского гос.
ун-та Чекурина В.П. (1923 г.)**

В своей профессиональной деятельности мне пришлось прочитать статьи о преподавателях университета, в которых есть строки, не вошедшие в современную опубликованную историю университета.

Пермский университет ревизовал сосланный в этот край за «контрабанду троцкизма» историк Н.Н. Эльвов, один из авторов четырехтомной истории ВКП/б, которая издавалась в эти годы под редакцией М.Е. Ярославского. Вот что он писал: «Пермь, несомненно, является одним из крупнейших, одним из значительных центров научных и культурных сил Урала, отдельные звенья которого имеют, если хотите, не только областное и Всесоюзное значение, но и мировое...» Далее он продолжает свою мысль. В Перми «по сравнению с другими городами является наличие в ней таких вузов, которые выросли на базе старого дореволюционного университета, скомплектовавшего свои кадры в период 1916–1920 гг., то есть частично до революции, частично в период колчаковщины. Эти кадры в значительной степени сохранились до сих пор. Среди профессоров... имеются лица с довольно большой известностью в научном мире».

Пермский государственный университет стал в послереволюционные годы центром притяжения выдающихся ученых всех специальностей, поддерживал научные связи с научными центрами, обществами, академиями всех континентов.

В числе известных профессоров Пермского университета - К.Н. Давыдов, морфолог, эмбриолог будущий академик и Заслуженный деятель науки РСФСР. Он же автор книг «Люди прежней России», «Мои воспоминания о писателе М.М. Пришвине». Среди преподавателей – зоолог, профессор В.Н. Беклимишев, будущий член АМН СССР, Польской академии, Заслуженный деятель науки РСФСР; А.А. Заварзин – крупнейший гистолог, создатель научной школы, будущий член АН СССР; Д.А. Сабинин – основатель школы физиологов растений; П.Г. Светлов – биолог, эмбриолог, создатель теории критических периодов развития. В 1920 – 1923 гг. кафедрой хирургии заведовал доктор медицины, профессор В.Н. Дервяненко, личный лейб-хирург семьи последнего российского императора. На его попечении находился цесаревич Алексей, страдавший тяжелой формой гемофилии. После убийства семьи Романовых «белые» и «красные» следователи признали, что он честно выполнял долг врача, и оставили его в живых. Он преподавал до 1923 г., а его кафедра и клиника были лучшими по оборудованию и условиям, созданными для больных

Первым деканом медицинского факультета был ученый с мировым именем, ученик И.М. Сеченова и И.П. Павлова Б.Ф. Вериге, основатель Пермской школы физиологов. Несмотря на трудности военного времени, он приобрел современное и научное оборудование, вел научную работу, талантливо читал лекции студентам, подготовил капитальное руководство «Основы физиологии человека и животных» (1918).

Все они могли быть украшением любого европейского университета. В 1920-1921 учебном году к ним присоединился профессор Л.Е. Комендантов.

Среди преподавателей - гуманитариев этого молодого университета – будущий крупный историк Г.В. Вернадский. Биолог, философ, мыслитель А.А. Любищев уже тогда начал работать над книгой «Линия Демокрита и Платона в истории культуры». В 1923 г. он опубликовал трактат о системах и методологии их изучения «О форме естественной системы организмов». Он ввел в науку представление о естественной системе всего биологического мира. Место в ней определяют свойства организма. Эволюция, по его мнению, это медленный, равномерно идущий процесс образования различий.

А.А. Любищев, одноклассник В.П. Чекурина, читал в университете курсы по эволюционной теории, генетике, биометрии, зоологии, зоогеографии, а также историю биологии. В воспоминаниях он оставил несколько лестных строчек о пермских студентах тех лет. «Первые годы в Пермском университете работа мне доставляла большое удовольствие, так как я чувствовал интерес слушателей и видел, что хотя и с трудом, но кое-что из сообщаемого мной материала укладывается в их головах».

Мне кажется в той коллекции схематических рисунков развития органов равновесия, которая приведена в неопубликованной монографии В.П. Чекурина о равновесии и вестибулярном аппарате, научные положения А.А. Любищева об эволюции каким-то образом отразились.¹

Следующие поколения студентов уже не видели на кафедрах многих из названных ученых, не слышали их лекций, не читали их книг. Некоторые преподаватели были уволены, другие репрессированы за проведение в своих литературных и публицистических выступлениях «контрреволюционной пропаганды», отклонения от марксизма или по причине чуждого социального происхождения. Им было запрещено работать в советской школе. Странно, что уволенные из пермских вузов, они оказались востребованы в столичных научно-исследовательских институтах. К иным судьба была менее благосклонна. За пределы страны выслан философ С. Франк, репрессирован хирург В.Н. Дервяненко и т.д.

У отца в библиотеке были редкие книги по философии, стабильным был его неподдельный интерес к истории. В его библиотеке были книги, написанные с участием будущих академиков Б.Д. Грекова, М.Н. Тихомирова, учебники по истории А.В. Шестакова, В.И. Пичеты, С.В. Бахрушина, В.И. Лебедева. Был запрещенный труд Н.И. Бухарина «Азбука коммунизма», опальный IV том «Истории ВКП(б)» под редакцией Е.М. Ярославского (с 1917 г. до введения НЭПа) с фотографиями будущих врагов народа, «История гражданской войны» под редакцией А.М. Горького, философа Г.Ф. Александрова и его раскритикованная «История западноевропейской

¹ Рукопись В.П. Чекурина «Роль коры головного мозга в функции вестибулярного аппарата при его раздражении» (Рязань, 1955) передана на кафедру оториноларингологии РязГМУ им. акад. И.П. Павлова.

философии», книги с дарственной надписью по вариационной статистике, книга философа XVIII в. И.Г. Фихте «О назначении ученого» и т.д. Мне в наследство досталась коллекция учебников по истории СССР, изданных в 1941 – 1948 гг. и многие энциклопедические издания. В семье выписывался журнал «Вопросы истории». Тяжело больной профессор медицины, видимо не случайно, благословил своего сына на поступление на исторический факультет. Сестре он настойчиво рекомендовал медицинский институт. Он не ошибся, мы оба защитили диссертации и стали профессорами в своих отраслях знаний и авторами многих книг.

На новом месте Л.Е. Комендантову нужны были помощники. Судьба и счастливый случай свели в Перми студента В.П. Чекурин с профессором Л.Е. Комендантовым. Это была вторая кафедра оториноларингологии на стадии развития, с которой познакомился В.П. Чекурин, будучи еще студентом. Случай встречающийся не часто. В Перми он не только учился, но и работал на кафедре под руководством Л.Е. Комендантова. В автобиографии сообщается: «Последние два года пребывания на медфаке [Пермского университета - Ч.Л.] я работал на кафедре болезней уха, горла и носа, исполняя обязанности ординатора, ассистента. По окончании медфака был оставлен научным сотрудником ЛОР–кафедры у профессора Комендантова».

По окончании Пермского университета и сдачи государственных испытаний в июне 1923 г. В.П. Чекурин получил «звание врача и право Врачебной самостоятельной деятельности на всей территории РСФСР и Союзных Советских Республик». Так было написано в «Удостоверении» Медицинского факультета Пермского государственного университета. Но самостоятельная деятельность началась не сразу. Как уже говорилось, В.П. Чекурин был оставлен в ординатуре при ЛОР–кафедре Пермского университета.

Окончание института и выбор в качестве своей специальности оториноларингологии совпали с очень важным событием в медицине. В 1922 г. декретом Совнаркома оториноларингология была включена как обязательный предмет в программу всех медицинских вузов. Это означало, что рано или поздно во всех медвузах будут кафедры этого профиля. До революции таких кафедр на Россию было всего пять, в настоящее время их более восьмидесяти.

С августа 1923 г. В.П. Чекурин стал научным работником в Донском университете в Ростове, где в это время стал работать Л.Е. Комендантов. В личном деле сохранилась справка, действительная по 31 августа 1924 г., о том, что В.П. Чекурин состоит на службе в клиниках медицинского факультета Донского государственного университета в должности научного сотрудника. Переезд Л.Е. Комендантова, а вслед за ним и В.П. Чекурина, был вполне обоснованным. В Ростове-на-Дону работал переведенный во время войны Варшавский университет, с которым у Комендантова была давняя профессиональная связь. ЛОР–клиника была первоначально развернута на 25 коек, в скором времени число их было доведено до 40. Оборудована

операционная, перевязочная. Амбулатория клиники помещалась в отдельном здании. Там же были ингаляционный и физиотерапевтический кабинеты, химико-гистологическая и бактериологическая лаборатории, а также операционная для животных.

Однако, проработал В.П. Чекурин здесь недолго. Л.Е. Комендантов всегда поддерживал стремление к самостоятельной работе. Специализация (ординатура) закончилась и с 25 июля 1924 г. с хорошими рекомендациями он «увольняется в отпуск» в город Петровск Саратовской губернии, где стал работать по избранной специальности.

После переезда Л.Е. Комендантова в Ленинград клинику в Ростове принял Д.И. Зимонт. Мир тесен. В годы войны крупный специалист Д.И. Зимонт работал на кафедре профессора В.П. Чекурина в Ташкенте.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ПЕТРОВСК

В своем родном городе В.П. Чекурин встретил свою будущую жену – 22-летнюю Александру Ивановну Петрову, нашу незабвенную маму. Разница в возрасте была по тем временам обычной. Отец был очень взрослый человек, и не только по годам. Он прошел войну и видел то, что обычному человеку лучше не видеть – смерть во множественном числе на фронте, искалеченных солдат в госпиталях, где и ему пришлось лечиться после ранения. Встретились в уездном городе два очень разных по жизненному

опыту и воспитанию человека. Однако, это были люди, которые разделяли взгляд на семью, как основу дальнейшей жизни. Они отнеслись к будущему браку серьезно. В семье отца было пять братьев и сестер, столько же детей было в семье врача И.И. Петрова. Мама была младшей из сестер.

Иван Ильич Петров – земский врач (2-я половина 19 в.)

Семья Петровых в городе была известна. Мой дед по матери 38 лет проработал земским врачом. В семье Петровых, а значит и в нашей семье, у него был первый университетский диплом врача, полученный в 1870-е годы. В семейном архиве сохранился от тех лет следующий документ:

Справка

Настоящая справка выдана Александре Ивановне Чекуриной, урожденной Петровой, в том, что она действительно дочь покойного врача Ивана Игнатьевича Петрова, прослужившего в г. Петровске 38 лет и умершего во время борьбы с эпидемией сыпного тифа, заразившись при исполнении служебных обязанностей в 1919 году 26 ноября. Жена покойного врача, мать гражданки Чекуриной пользуется всеми правами гражданства и состоит пенсионеркой.

Председатель рай(группкома?) 31 марта 1930 г.

Для чего понадобилась такая справка, мне неизвестно, но для меня она ценна тем, что проливает свет на судьбу моего деда, земского врача.

Наша мама окончила Петровскую гимназию, в которой была круглой отличницей. Ее сестра Надежда Петрова окончила с серебряной медалью Саратовскую женскую гимназию. За успехи была удостоена звания учительницы начальных классов, но выбрала Московский университет, на медицинском факультете которого готовили квалифицированных провизоров. На ее дипломе стоит подпись последнего дореволюционного ректора МГУ, крупного русского историка М.К. Любавского. Это был второй университетский диплом, на этот раз – фармацевта. Надежда Петрова–Перелыгина, верная своему супружескому долгу, оказалась на Кавказе из-за тяжелой болезни (чахотки) своего мужа.

Университетское образование получил и старший брат мамы – Сергей Петров.

С.И. Петров, сын земского врача, подпоручик русской армии

Он, окончив юридический факультет, воевал в Первую Мировую войну, зацепила его и Гражданская война. В Самарской железной дивизии он ведал автомобильным парком. По возвращении в Петровск он долго был безработным или выполнял случайные работы. Впоследствии служба в Железной дивизии спасла его. В 1930-е годы его арестовали, как царского офицера. Военную выpravку не спрячешь. Но «вспомнили» о службе в Железной дивизии, и освободили. Его жена Тася каждый день ходила к следователю. Он был беспартийным, то есть не карьерным человеком, однако, за безупречную службу в банке был удостоен правительственной награды – ордена Трудового Красного Знамени. Ордена в нашей семье есть, но орден Трудового Красного Знамени в нашей семье – высшая советская награда.

С золотой медалью Петровскую женскую гимназию окончила еще одна сестра мамы - Ольга Петрова. Окончив восьмой дополнительный класс для специального изучения русского языка и математики, и, отлично выполнив все практические учебные занятия, она получила звание домашней наставницы или учительницы. В 1938 г. Народный комиссариат просвещения выдал ей аттестат на звание учителя начальной школы. В нем было написано: «Петрова Ольга Ивановна, окончившая в 1911 г. Петровскую женскую гимназию с педагогическим классом и прошедшая установленный испытательный стаж педагогической работы в школе удостоена на основании Постановления Центрального Исполнительного комитета и Совета Народных Комиссаров Союза ССР о введении персональных званий для учителей от 10 апреля 1936 года звания учителя начальной школы». Подписал аттестат Народный Комиссар Просвещения РСФСР П. Тюркин 31 июля 1938 г.

Всю свою жизнь Ольга Ивановна проработала учительницей начальных классов. Умерла уже после Великой Отечественной войны в Петровске. Памятника на могиле нет. Железный крест и березка.

У мамы, Александры Ивановны Петровой, высшего образования не случилось. Не получила она и заслуженной медали: после революции их отменили. Четверок в ее табелях до революции нет. В таблице в 1916–1917 учебном году все пятерки. После революции она окончила школу второй ступени, заменившую царскую женскую гимназию. В справке об окончании школы названы только предметы: русский язык, математика и начала высшей математики, история первобытной культуры, физика, естествознание (анатомия и физиология человека), политическая экономия, рисование и черчение, иностранные языки, астрономия (начала), география, педагогика, психология, гигиена. Оценок в те годы не ставили. 25 июня 1920 г. удостоверение без оценок подписал Председатель и секретарь школьного совета и девять учителей. "Безоценочное" удостоверение дополнял документ отдела народного образования Петровского уездного Совета:

Удостоверение

«Дано сие от Управления проф. Технич. Образования Петровского УОНО окончившей школу II ступени Александре Ивановне Петровой в том, что она командировается в г. Саратов для поступления в университет как блестяще окончившая 2-ю ступень, зарекомендовавшая себя лучшей работницей и проявившая особый интерес к естеств. математ. наукам».

Это точная копия с соблюдением тогдашних чуть ли не обязательных сокращений и вольного употребления заглавных букв. Под удостоверением 14 подписей: зав. УНО, зав. управ. проф. техн. обр.; председатель школьного совета и 11 подписей учителей. Жаль, что не было возможности поехать в университет с этим документом.

Следующий год был для Поволжья трагическим. Разразился голод, унесший много жизней. Семье нужно было выжить, и она выжила. Вдова Александра Павловна и ее три дочери Ольга, Надежда, Александра обрабатывали выделенный им клочок земли, целые дни таская воду из речки Медведицы. Четвертая сестра Мария, самая энергичная, оказалась в эмиграции еще до революции. Поехала за мужем, нуждающимся в помощи. Не знаю, какой партии, но он был из «политических».

Урожая было достаточно, чтобы не умереть с голоду. Те, кто не поливал своего огорода, урожая не получили. В России перед недородом и голодом чаще всего случается засуха. Петровские женщины победили и то, и другое.

В 1920 г. А.И. Петрова поступила на службу в аптеку № 1 в должности «ручницки», помогли коллеги умершего отца – земского врача. Они же с 6 июля 1922 г. помогли перейти в аптеку при Петровской уездной больнице в должности ассистентки. Работа в аптеке ей нравилась. Помощь сестер друг другу была законом в семье Петровых. Старшая сестра Надя помогла

получить профессиональную подготовку младшей сестре. В 1925 г. она окончила ускоренные фармацевтические курсы аптечных работников в г. Пятигорске. На этих курсах преподавали алгебру, геометрию, анатомию, ботанику, гигиену общую и профессиональную, историю аптечного дела и фармацевтическое законодательство, первую помощь, рецептуру, фармакогнозию, фармакологию, физику, физиологию, аналитическую, неорганическую и органическую химию, химию фармацевтическую. А.И. Петрова экзамены сдала, практические работы выполнила, выпускные испытания выдержала. Ей было присвоена квалификация «Фармацевт» со всеми правами и преимуществами, присвоенными данной квалификации. Насчет преимуществ мне ничего неизвестно. Но она, воспитанная во врачебной семье, стала очень ответственным работником аптеки. Как-то она вспоминала, что какой-то рецепт, исполненный ею в течение дня, был выписан врачом неточно, в конце рабочего дня она поняла, в чем ошибка, обегала весь город, благо он был небольшой, разыскала больную и приготовила и вручила ей нужное лекарство. Речь шла о глазных каплях. Ошибка в лекарстве могла больной стоить зрения.

Шура Петрова обратила внимание на рецепты, с которыми приходили больные от врача Чекурина. Она уже узнавала его не очень разборчивый почерк. Затем только увидела и самого врача. Он заходил в аптеку по делам рабочей амбулатории и тоже обратил внимание на Шурочку Петрову, красивую и скромную девушку.

Прошло, по нашим понятиям, довольно много времени, прежде чем отец решился сделать предложение, а Шурочка и семья Петровых ответили согласием. Брак был зарегистрирован в г. Саратове 4 ноября 1927 г. Маме в год заключения брака было 26 лет, отцу - 36.

Чекурин В.П., Чекурина А.И. (Петрова) (1929)

В Петровске у Чекуриных родилась дочь Наташа, будущий профессор и доктор медицинских наук.

Александра Ивановна внесла в семью традиции и культуру дореволюционной интеллигенции. Она хорошо понимала врачебное подвижничество отца, его увлеченность работой. Сама же заботилась о детях, учила и лечила их. Создавала в семье тот незабываемый уют, который она видела во многих семьях дореволюционных врачей. Врачи до революции были средним классом. Послереволюционных врачей вряд ли можно отнести к среднему классу. Александра Ивановна была источником добра и тепла, которого хватало на всех. Она была центром и хранителем семьи в очень нелегкие годы.

Василий Чекурин и Александра, теперь уже Чекурина, сохранили одну из главных русских ценностей – почитание семьи, как главной опоры в жизни, в которой всякое случается. Супруги были воспитаны по понятиям своего времени, в больших семьях. У Василия был брат Михаил и три сестры

Ольга, Клавдия, Евдокия. У Александры Петровой–Чекуриной был брат Сергей и тоже три сестры Надежда, Мария и Ольга.

Признание обществом особой ценности семьи – одна из самых важных основ жизни. Это основа общества, в котором люди проявляют заботу о других. Семья – источник любви к детям и ближним, поддержки всех его членов, правильного отношения к старшим и младшим. «Чти отца и мать свою» – одна из главных христианских заповедей. «...И продлятся дни твои на земле». Традиция почитания большой семьи ныне почти утрачена, и последствия этого по своей трагичности непредсказуемы. Сокращения русского населения остановить пока не удастся. Сегодня в России мечта вернуть семьи с тремя детьми пока далека от осуществления.

Сердечные отклонения среди хирургов – явление обычное, а профессиональные оториноларингологии – врачи оперирующие. Сохранилось последнее письмо В.П. Чекурина из его поездки на лечение после первого инфаркта в апреле 1954 г. Больше они с мамой не расставались, а потому и не переписывались. Это письмо о жизненной константе:

Дорогие Шура и Леонид!

Вчера был знаменательный для меня день – исполнилось 63 года. От Вас и Наташи получил поздравления с хорошими пожеланиями. Спасибо. Вчера, как и каждый вечер, смотрим кинокартины ... Чувствую себя хорошо. Ты уже должна [значительно] успокоиться после большой утраты (смерть матери Александры Павловны - Ч.Л.). Ведь вместе с утратой имеются у тебя и приобретения. Посмотри на детей Леонида, Наташу, вспомни и меня. Я, по крайней мере, вижу и чувствую большое приобретение после того, как стали вместе жить. Когда ты вспоминаешь мать, и когда были для тебя трудные минуты, разве ты меня не видела с хорошей стороны. Всегда вместе с потерей у человека имеются и приобретения, вместе с печалью - радости».

В письме он вспоминает родной Петровск, знакомых по Петровску и коллег.

«... Сейчас в парке санатория очень хорошая погода ... тепло, зеленеет трава, расцветают цветы. ... Недавно смотрели «Добрые друзья» - комедия, стоит посмотреть.

Путевка у меня по 7 мая. Очевидно, 8 мая приеду, но заеду в Москву к Трутневу и Соломатину (Трутнев В.К. - известный оториноларинголог, директор Центрального НИИ болезней уха, горла и носа; Соломатин - сотрудник Министерства здравоохранения, земляк В.П. Чекурина - Ч.Л.).

Будьте здоровы. Леонид пусть еще больше напряженно учится... пригодится для подготовки к экзаменам в выпускном классе.

...P.S. Сходила ли ты к фотографу, который увеличивает портрет А(лександры) П(авловны)... Он обещал сам придти на квартиру. Я забыл, как его зовут - Володя, Илья. Он не видит на один глаз после ранения, у него имеются дефекты кости черепа в теменной части. Можно заказать третий портрет для Н(адежды) И(вановны), я не догадался этого сделать, исправь мою ошибку. ...

21–IY–1954 г.

В.Ч.

Упоминание в письме доброго фильма «Верные друзья» не случайно. Среди главных непреходящих ценностей поколения отца – семья и верные друзья. Фамилии Соломатина и Трутнева всегда упоминались в нашей семье. Это те самые верные саратовские и петровские друзья юности. Земляков, связанных общим делом, могла разлучить только земная кончина. Их научные и административные успехи не прервали их взаимной привязанности. Академик Симоновский был родом из Саратова. Там же начинал работать на кафедре Цитовича Комендантов и студент Чекурин. Верность дружбе – качество отцовского поколения. В сложностях их времени только верный друг и мог протянуть руку помощи. Актеры Борис Чирков, Василий Меркурьев и Александр Борисов столь искренне в этой лирической комедии потому, что они чувство товарищества их поколения знали по жизни. В этом фильме о дружбе нет ни одной лишней роли, заняты изумительные актеры. Фильм поставлен по книге Александра Галича, музыка Тихона Хренникова, слова поэта Матусовского. Не зря отец назвал в письме этот фильм. Его действительно стоит посмотреть. Наше поколение тоже этот фильм любит. Нет уз, святее товарищества. Его верные друзья – все из Петровского и Саратовского, издавека. В старости друзья появляются редко, только враги.

По традициям своего поколения, врачи многое умели создавать заново. В 1926–1929 гг. В.П. Чекурин – организатор ЛОР–кабинета и ЛОР–отделения в Петровской уездной больнице. Одновременно он заведовал рабочей амбулаторией г. Петровска. В 1926 г. была опубликована его первая печатная работа «О туберкулезе носовой перегородки» сразу в центральном специальном журнале «Вестник рино-ляринго-отитологии» (1926, № 6).

Из петровской жизни в памяти остался рассказ, как врач Чекурин укротил местного бандита. Бандит не давал покоя жителям. Приставал к ним, врывался в дома, подвергал всяческим оскорблениям и насилиям. Такие случаи в послереволюционной провинциальной жизни не были редкостью. Обыватели от таких нападений, спасались, как могли. Бандиты чувствовали себя безнаказанными. Столкнувшись с отцом и получив отпор, бандит сходил за топором, решив как следует проучить докторишку, и стал ломиться в дом. У отца в то время была охотничья двухстволка. Он любил охоту и хорошо стрелял. Когда бандит вернулся к дому врача с топором, отец вышел к нему навстречу с охотничьим ружьем. Вид ружья бандита не охладил, он бросился на отца. Отец выстрелил и, конечно, попал. Случай наделал в городе много шума. Не очень было привычно, чтобы доктор стрелял в человека. Дело дошло до судебного заседания. Отец от адвоката отказался, защищал себя сам.

На заседании суда он попросил теперь уже истца, обвиняемым был он сам, снять рубашку и поднять правую руку. Он попросил судью внимательно рассмотреть правую подмышку бандита. Большая часть дробинки, а отец стрелял бекасиной дробью, большого вреда причинить человеку не могла, поскольку попала под правую подмышку нападавшего. С помощью некоторых пояснительных слов подсудимого судья смог восстановить

картину случившегося. Бандит с поднятым топором нападает на врача, а врач, защищаясь, стреляет. В данном случае – типичная самооборона. Тем более, события происходили на пороге дома, где жил врач. Отца признали правым, и всякие обвинения с него были сняты. Больше к доктору Чекурину из местной шпаны никто не приставал. Отец, рассказывая об этом случае, при этом обычно добавлял, что защищаться на суде ему было очень просто. Некоторое время он работал на полставки судебным экспертом. Он просто профессионально использовал следы на теле нападавшего для восстановления истинной картины происшедшего. Стрелял отец хорошо, и дробь легла куда надо.

Это событие не повлияло на общую деловую и общественную характеристику отца.

Отец был тогда беспартийным, поэтому отзыв-характеристику ему по случаю отъезда его в Новочеркасск и Ростов-на-Дону выдал Председатель Петровского Сельрабочкома некто Бабушкин. В отзыве сообщалось, что В.П. Чекурин с августа 1923 г. по 22 декабря 1929 гг. «состоял в качестве руководителя и специалиста по уху, горлу и носу в рабочей Амбулатории, обслуживал всех служащих и рабочих Союза Сельхозлес и вообще членов профсоюза, находящихся в г. Петровске. Отношение т. Чекурина как к служащим, а также к рабочим было самое наилучшее, был общественником среди рабочих и служащих г. Петровска, ибо об этом могут судить те организации, где товарищ Чекурин делал ряд докладов и бесед на многолюдных собраниях членов союза, а в особенности на собраниях союза Сельхозлесрабочих».

Комендантов Леонид Ефимович (1939)

Во всей своей дальнейшей работе В.П. Чекурин во многом повторил одну из основных черт своего учителя профессора Л.Е. Комендантова – его стремление к созданию нового качества в жизни страны и, в первую очередь, в том, в чем он мог сделать по своей специальности. С Комендантовым они были почти одногодки. Разница в три года с течением лет стерлась. Первоначальное образование оба получили в уездных учебных заведениях. Оба были примерно одинаковое количество лет военными во время Первой Мировой войны. С той лишь разницей, что Комендантов работал в Варшавских госпиталях, а отец там лечился после ранения, полученного в самых кровопролитных боях. В годы Великой Отечественной войны у отца тоже будет напряженная работа в госпиталях.

Отец, как и его учитель, всегда был честен и трудолюбив. Это и есть традиция настоящей крестьянской культуры и настоящей интеллигентности. Земля и наука не терпят нечестности по отношению к себе. Обмани ее, поленись в работе на ней, и семья погибнет от голода. «Трудись от зари до зари» – главная заповедь крестьянина, «посвящай земле, своему делу все свое

время». «Будь всегда честен» – не менее важная его заповедь. Разночинцы начала XX века недалеко ушли от названных крестьянских традиций, которые до сих пор спасают Россию.

Есть ли они у нас и будущих поколений, и так ли верны и прочны наши современные традиции?

После пяти лет самостоятельной работы по своей специальности в Петровске следующий период жизни В.П. Чекурина вновь связан с Леонидом Ефимовичем Комендантовым, почти до смерти его учителя в 1939 г.

НОВОЧЕРКАССК

Казалось бы, все, что задумал отец, сбылось. Диплом врача, организация в родном городе рабочей амбулатории, опубликована первая научная работа. Есть свой дом. Любимая жена. Родилась дочь. Живи и радуйся. Жива и его мама Мария Антоновна Чекурина, которая живет рядом в собственном домике. Так, наверное, и было бы, но не судьба. На этот раз не его судьба, а брата.

Михаил Чекурин стал в те трагические для церкви годы настоятелем Спасо-Преображенского монастыря в Саратове. Не стремился, а пришлось, судьба. Монастырь был небольшой и до революции небогатый. Он основан не князьями и боярами, а слезами, прощениями и молитвою. Богачи не вложили здесь своего золота и серебра. Монастырь создавался «на лепты усердных христиан». Это значит, что монастырь нужен был для верующих этого края и выполнял свое назначение. Вскоре после революции, в мае того же 1918 г., имущество монастыря было реквизировано новой властью и разграблено. Однако, монастырь даже при остром недостатке средств, пытался продолжить свою деятельность. Действовал детский приют, была открыта певческая школа с общежитием. В эти года мой двоюродный брат Вадим Георгиевич Плугин ходил к дяде Мише обедать, ибо семья брата бедствовала. Дядя Миша никогда не обедал один, кормил, кого мог. Но монастырь ликвидировали, храмы разрушили, кладбище на территории монастыря сравняли с землей, настоятеля расстреляли. Вслед за одним репрессированным рука чрезвычайных органов прощупывали всех родственников. Это было известно. Про офицерские погоны отец пытался забыть, но это было известно и потому опасно.

В.П. Чекурин, руководитель рабочей амбулатории г. Петровска, внезапно снимается с насиженного места, переезжает подальше от родного города и никогда он больше в этот город не вернется. Помочь ему мог только Л.Е. Комендантов с его революционным и научным авторитетом. Профессор в это время работал в Новочеркасске. Ему было нетрудно помочь своему ученику. Туда и отправилась семья Чекуриных. Неуемный ученый и организатор, Л.Е. Комендантов проводит Первый съезд врачей его профессии и организует общество врачей-оториноларингологов, издает журнал «Вестник носовых, горловых и ушных болезней», в котором пять лет

был редактором. Естественно, что к своему делу он привлекает своих учеников.

В 1929–1930 гг. В.П. Чекурин работает в Новочеркасске в качестве ЛОР–специалиста и экспериментатора на кафедре физиологии в сельскохозяйственном институте.

Научную работу отец, как всегда, сочетал с работой лечебной. Новочеркасский здравотдел назначил его зав. кабинетом специализированной амбулатории по болезням уха, горла, носа и заведующим ушным и горловым отделением районной больницы. В больнице он работал с 25 декабря 1929 г. по 1 января 1931 г. Одновременно с 14 сентября по 5 января 1931 г. В.П. Чекурин работал в амбулатории Юго-Восточной железной дороги. По отзывам врачебного объединения, Чекурин являлся «ценным специалистом, дисциплинированным работником, имел требуемый подход к рабочим, со стороны которых пользовался большим уважением и авторитетом».

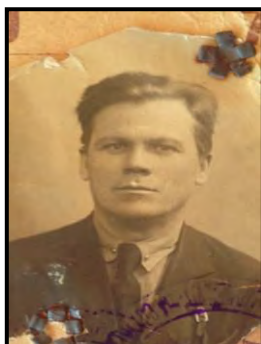
О Михаиле Петровиче Чекурине в семье никогда не говорили. Вдова его, носившая фамилию Соловьева, затерялась в Москве, проживая в семье дочери. Екатерина Соловьева пережила своего мужа почти на 50 лет. Я был знаком с ней, мы бывали в семье ее дочери в Москве на улице Алабяна. Мы звали ее тетя Катя. Она при нас никогда не вспоминала тот трагический в жизни их семьи год. У Соловьевых останавливалась Н.В. Кердиваренко–Чекурина, когда работала над докторской диссертацией в московских медицинских библиотеках. Наши родители хоть и не часто, но с Екатериной Чекуриной – Соловьевой общались, она заботилась впоследствии о могиле матери отца Марии Антоновне, похороненной в Москве в 1939 г.

От отца о его брате Михаиле я никогда не слышал. Уже после его смерти об этом поведал мне мой двоюродный брат, участник Великой Отечественной войны В.Г. Плугин, подполковник в отставке, профессор Кишиневского сельскохозяйственного института. Так случилось, что военное училище, в котором после войны некоторое время преподавал В.Г. Плугин, было возведено на месте разрушенного монастыря. Вот он в этом монастыре был и рассказал мне, что дядя Миша был настоятелем этого монастыря. Монастырь доживал тогда последние свои годы, но судьбы своей монахи еще не знали.

1929 год – год «Великого перелома» в семье никогда не вспоминали. Люди оградили себя молчанием и тем спаслись. На единственной сохранившейся дореволюционной семейной фотографии Чекуриных лицо Михаила Чекурина вырезано. Но память осталась. Не просто это было.

ЛЕНИНГРАД

В 1930 г. Л.Е. Комендантова избирают по конкурсу профессором кафедры оториноларингологии Первого Ленинградского медицинского института. Кафедра в Ленинградском медицинском институте имела свои давние традиции. Основателем этой кафедры был профессор Б.В. Верховский, один из основоположников русской оториноларингологии. Эта кафедра была заложена еще на базе женского медицинского института в 1900 г. Ее начало, сказать, что было трудным, значит, ничего не сказать.

В.П. Чекурин. Ленинград, 1930-е гг.

Кафедра создавалась в трех палатах тифозного деревянного барака. Только в 1907 г. кафедра получила летнее здание той же Петропавловской больницы. Штат клиники 1900 года состоял из профессора Б.В. Верховского и его ассистента.

В декабре 1930 г. Б.В. Верховский, после 30 лет заведования, в силу преклонного возраста и состояния здоровья, оставил заведование. Именно эту кафедру и унаследовал профессор Л.Е. Комендантов. Он был в расцвете сил, ему было чуть больше сорока лет.

Пропуск в ушную клинику 1-го Ленингр. мед. ин-та им. И.П. Павлова ассистента В.П. Чекурина (1938 г.)

Уже в 1931 г. В.П. Чекурин становится ассистентом института охраны здоровья детей и подростков, а чуть позже и ассистентом ЛОР-кафедры Первого Ленинградского медицинского института.

Семья жила на частных квартирах в предместьях Ленинграда, а некоторое время даже в сказочно красивом Петергофе. Но для того, чтобы добраться вовремя на работу, отец уходил из дома на электричку в пять часов утра. Чтобы пожарить на керосинке или примусе ежедневную картошку (другой еды не было), мама вставала на час раньше. Затем жили на Лесной улице, в противоположном от института конце города. Только в последние годы жизни в Ленинграде семья получила комнату, а затем чуть ли не квартиру из двух комнат на Васильевском острове. Там я и родился. В этом доме жил рядом с нами крупный ученый пушкинист профессор Г.А. Гуковский, и не менее известный в ученом мире автор учебников по

химии профессор Преображенский. Моя сестра Н.В. Кердиваренко–Чекурина помнит, как первый раз арестовывали пушкиниста Г.А. Гуковского. После этого ареста он вернулся. А погиб уже после второго ареста в послевоенное время. Ученый реабилитирован, и книги его в настоящее время издаются. Недалеко от нас был знаменитый академический дом, где сейчас квартира-музей И.П. Павлова, Пушкинский дом и здания Ленинградского университета.

Возглавил научно-исследовательскую и лечебную работу на кафедре института Л.Е. Комендантов. Все шло по накатанной стезе. В короткое время организуется физиотерапевтический, сурдо-терапевтический и рентгенологический кабинеты, ингаляторий, электрофизиологическая лаборатория, сурдокабинет, хлорная камера. Не забыты и предшественники, организуется музей кафедры. В клинике для больных – 60 коек. Во всех делах на кафедре участвует врач В.П. Чекурин.

Для студентов разрабатывается и читается 40-часовой курс лекций. 20 лекций по два часа и еще сорок часов практических и семинарских занятий.

Кафедра в разные годы обучает от 300 до 600 студентов.

Обширная научная деятельность кафедры освещается в регулярно публикуемых сборниках трудов, посвященных проблемам физиологии и патологии уха, а также воспитанию (коррекции) слуха и речи в школе глухонемых.

Казалось, не было раздела в оториноларингологии, которого бы ни коснулась кафедра под руководством профессора Л.Е. Комендантова. Каждый из пяти ассистентов кафедры имел свое научное направление в оториноларингологии. После защиты докторских диссертаций, они направляются в разные республики СССР, избираются профессорами, заведующими кафедрами.

У ассистента кафедры В.П. Чекурина в этих планах был конкретный участок. Он впервые в стране стал организатором специальных классов для тугоухих детей, в которых обучение общеобразовательным предметам велось вместе с работой по восстановлению слуха. По этой тематике им был опубликован ряд работ: «Методика работы кабинета уха, горла и носа» в сборнике института ОЗДИП «Детская поликлиника» (1934 г.); «Итоги 2-х летней работы с тугоухими» в сборнике 1-го Ленинградского института (1935); «Оздоровление тугоухих детей в слуховых классах при нормальных школах». На 5-м съезде оториноларингологов состоялся доклад В.П. Чекурина «Метод лечения тугоухих детей по опыту Ленинграда» (1936 г.) и др.

В годы работы в Ленинграде В.П. Чекурин опубликовал 14 научных статей и брошюр по тематике о лечении тугоухих детей. В феврале 1938 г. В.П. Чекурину была присвоена степень кандидата медицинских наук без защиты диссертации по сумме опубликованных оригинальных научных работ. Эти работы до сих пор упоминаются в диссертациях по сурдопедагогике.

Начинается новый этап научной работы по теоретическим основам равновесия и экспериментальной работы по восстановлению нарушенного равновесия. В короткое время была проведена серьезная экспериментальная работа. За два года было завершено оригинальное исследование.

Сохранились и письменные свидетельства общественной работы. Постановлением Президиума Петроградского Районного Совета В.П. Чекурин был утвержден Зам. Председателя 61-й участковой избирательной комиссии по выборам в Верховный Совет СССР. Это были первые выборы по новой Конституции 1936 г. Обязательная общественная активность и непосредственная связь с жизнью была частью «комендантовской» школы врачей.

*Работа в избирательной комиссии по выборам в Верховный Совет РСФСР 26 июня 1938 г.
(4-й слева – В.П. Чекурин)*

В жизни есть существенные детали, которые не вписываются в личные листки по учету кадров и приложенные к ним автобиографии. Отец мог убеждать своей логикой, владел навыками гипноза, но применял его не часто. Одна из работ его касалась темы гипноза.

Чекурин В.П. (1939)

Семья Чекуриных – Петровых никогда не была равнодушна к судьбам людей, живших в то непростое время. На подаренных фотокарточках есть несколько трогательных надписей людей, которых отец и его семья поддержала в их сложных жизненных обстоятельствах. На фотографии военный в буденовке и шинели и на обратной стороне надпись: «Благодарю искренне за те минуты короткого разговора, после которого я последовал по пути, Вами указанному, и обрел спокойствие и бодрость духовную. Теперь есть цель, которой добьюсь, несмотря ни на какие препятствия. Помните о юноше, которого вдохновили Вы (Гуров Андрей Ефимович. Февраль, 1938 г.). На другой открытке с интеллигентным портретом надпись: «В тяжелые минуты жизни мы встретили в Вашем доме сочувствие, которое я никогда не забуду. Любящая Вас Л.К. 20 февраля 1931г.». Фамилии и инициалы мне ничего не говорят, в чем была роль отца из писем ясно только то, что помощь была не медицинская. Это была и не материальная помощь. В тридцатые годы семья жила очень трудно. Да еще вспомним об особенностях 1930-х годов в Ленинграде...

Многим нужна была помощь. Это качество семьи не быть равнодушными к людям, попавшим в беду, даже попала в книгу писательницы В.М. Мухиной–Петринской «На ладони судьбы: Я рассказываю о своей жизни» (Саратов, 1998). Я несколько раз встречался с уже известной детской писательницей редкого направления реалистического романтизма. По словам Паустовского, он знал только дух писателей этого направления: ближе всего к творчеству Александра Грина была В.М. Мухина-Петринская. В 1959 – 1962 гг. она не собиралась писать о двадцати годах лагерей и ссылок, хотя на этом настаивал А.Т. Твардовский. Она писала романтические повести для юношества о Волге и смелых людях, посвятивших себя добру – «Корабли Санди», «Вперед смотрящие» и т.д. Мои родители знали ее в другие, трагические для нее времена. Упомянутый Сергей Иванович и его жена Таисия Константиновна Петровы с большим риском для себя, вовсе и не родственники, а друзья, посылали ей посылки в концлагеря и помогали после реабилитации, которая для них и многих не была реальной. Супруги Мухины – Петринские, лишённые права прописки в родном городе, жили, как робинзоны, на одном необитаемом островке посредине Волги. Наши родственники помогали им выжить в это трудное время.

Потом были встречи с редактором «Литературной газеты» Косолаповым, писателями А.Т. Твардовским и, особенно, К.Г. Паустовским, которые помогли состояться хорошей русской писательнице. От членов моей семьи я никогда не слышал об этой помощи, только прочел о ней в книге писательницы «На ладонях судьбы», опубликованной в Саратове, о жизни в 1930-1950-х годах. Да, это было поколение с человеческим лицом, с чувством дружбы и человеческой поддержке вопреки господствующей идеологии и власти. Они подвергались преследованиям и до революции (вплоть до ареста), еще страшнее были гонения после революции, а они сохранили человеческое достоинство, чувство сострадания и чувство справедливости. Ну что с ними сделаешь, сажаешь, ссылаешь в места не столь отдаленные, а они не меняются. При малейшей возможности приходят на помощь «друзья своя». Сохранились бы в нашем безнравственном меркантильном мире эти качества русского человека...

28 июня 1939 г. на базе собственного экспериментального и клинического материала В.П. Чекурин защитил докторскую диссертацию по теме «Компенсация статокINETической рецепторной функции при выпадении вестибулярного аппарата».

Сохранился краткий отзыв Л.Е. Комендантова на докторскую диссертацию: «...На основе литературных данных, собственного экспериментального и клинического материала производится перестройка наших взглядов на орган равновесия, причем статокINETическая система представляется не в виде одного, только вестибулярного аппарата, а виде комплексной системы, состоящей из многих компонентов различной филогенетической давности и различного значения.

<p>Решением Высшей Аппелляционной Комиссии от 2 июля 1939 (протокол № 28) гражданину <i>Чекурину Василию Петровичу</i> ПРИСУЖДЕНА УЧЕНАЯ СТЕПЕНЬ ДОКТОРА МЕДИЦИНСКИХ НАУК Председатель Высшей Аппелляционной Комиссии ученый Секретарь Высшей Аппелляционной Комиссии</p>	<p>Решением Высшей Аппелляционной Комиссии от 7 марта 1940 (протокол № 10) гражданин <i>Чекурин Василий Петрович</i> УТВЕРЖДЕН В УЧЕНОМ ЗВАНИИ ПРОФЕССОРА по кафедре <i>болезни уха, горла и носа</i> Председатель Высшей Аппелляционной Комиссии ученый Секретарь Высшей Аппелляционной Комиссии</p>
<p><i>Диплом о присуждении ученой степени доктора медицинских наук (1939 г.)</i></p>	<p><i>Аттестат профессора (1940 г.)</i></p>

Компенсация происходит за счет свободного, не приглушенного вестибулярным аппаратом участия других компонентов в общей системе.

Такое толкование имеет большое практическое значение для понимания механизма компенсации и использования его в терапии болезней с нарушением равновесия».

Эту работу ученый мир вспомнил уже в наше время. Летчики-космонавты, возвращаясь из своих полетов, во время торжественной встречи на ковровой дорожке вдруг теряли равновесие. Эту единственную ссылку на работу отца я увидел уже в нашу космическую эпоху и очень этим горжусь. Отец, один из немногих не только знал, почему люди ходят вертикально и почему вдруг теряют равновесие, но и мог помочь восстановить это утраченное человеком равновесие. Этому посвящена его главная книга.

ТАШКЕНТ

После защиты докторской диссертации Л.Е. Камендантов вдруг сказал отцу: «Ну что, теперь будешь ждать моей смерти, чтобы занять кафедру». Отец очень обиделся и чуть ли не в тот же день выехал в Министерство здравоохранения СССР за новым назначением. Своей судьбы Леонид Ефимович Комендантов не знал. Он умер через несколько месяцев после отъезда отца.

Семья с большой неохотой покидала Ленинград, Васильевский остров. Сестра училась в школе. Мама работала корректором в Ленинградском Учпедгизе, располагавшемся на Невском проспекте в знаменитом Доме книги напротив Казанского собора, совсем недалеко от Васильевского острова, где мы жили. Пешком можно дойти. Была на работе, как всегда, на хорошем счету. Мама обладала абсолютной грамотностью, качество необходимое для хорошего корректора. Она не имела законченного высшего образования, но заочно училась в Институте иностранных языков на немецком отделении. Неплохо знала французский и немецкий языки.

Настолько хорошо, что спустя много лет, помогала мне переводить тексты в школе и институте. Так случилось, что в одной школе я изучал французский с молдавским, а в другой, после очередного переезда семьи, – немецкий. Помогала она и в научной работе отца, корректируя его монографии и редактируя списки иностранной литературы. Но это в семье не главное. Можно и языков не знать, а понимать смысл и значение работы близких и тем поддержать их устремления творить добро и приносить пользу людям. Врачам и ученым это положено по штату. Члены семьи с ними – одно целое.

А.И. Чекурина работала в редакции учебников для народов Севера. Кроме того, ей поручались самые ответственные корректуры. Например, она корректировала ленинградское издание «История ВКП (б). Краткий курс». За эту работу получила премию, и не зря. Ошибка хоть в одном слове в таком издании могла стоить свободы, а то и жизни. Но мама была абсолютно грамотна. Ее фамилия встречается в некоторых иллюстрированных художественных изданиях. В учебниках обычно имени корректора не упоминают. Там и так все должно быть правильно. В семье сохранилась иллюстрированная книга «А.Н. Некрасов в портретах и иллюстрациях. Пособие для учителей средней школы», в которой обозначен корректор А.И. Чекурина.

Я делал первые шаги и произносил первые слова. При этом много и тяжело болел. Бабушка Мария Антоновна возилась со мной, больным и слабым. Лечила меня мама домашними средствами. Я ненадолго поправлялся, потом становилось все хуже. Как-то в отчаянии бабушка сказала отцу: «Возьми его, пусть у тебя на руках умрет». Отец вколол камфару, и я остался жить. Я этого, конечно, не помню, не помню по малости лет и бабушку. Много позже мне об этом рассказала мама. Бабушка Мария Антоновна меня и крестила. Тогда это преследовалось. Бабушка со мной уехала рано утром и приехала поздно вечером. В какой церкви она крестила меня, никто не знал.

Отец очень просил маму довести Марию Антоновну до Ташкента. Он знал о хирургической ЛОР-онкологии и надеялся помочь, возможно, оперировать ее. У нее был рак горла. Он хотел быть рядом с ней. Бабушка умерла во время переезда из Ленинграда в Ташкент в поезде. Чтобы похоронить ее, вся семья со всем скарбом сошла с поезда в Москве. Нам помогла вдова упоминаемого выше погибшего брата Михаила. Похоронили бабушку на Преображенском кладбище. Это известное кладбище старообрядцев. В нашей семье у отца что-то сохранялось от старообрядчества. Отец всегда пил и ел только из своей посуды. Я следую его примеру. Эта естественная защита от инфекций. В период эпидемий гриппа, когда в семье все болеют, зараза меня, может, именно поэтому милует. О старообрядчестве в семье никто никогда не говорил. Признаться в старообрядчестве сегодня не страшно. Поместный Собор РПЦ 1971 г. старообрядцев признал настоящими православными христианами.

Никто, ни Комендантов, ни мы не знали своей судьбы. Леонида Ефимовича Комендантова не стало в этом же 1939 г. Он прожил несколько

месяцев после нашего отъезда в г. Ташкент. Мы покинули Ленинград незадолго до войны. В Ленинград, как ни стремились, мы больше не вернулись. В семье только в моем паспорте отмечено: родился в Ленинграде в 1937 г. По этому паспорту хранительницы музейных экспозиций пускают в любой музей в окрестностях Ленинграда. Есть ли такой закон или это инициатива музейщиков, я не знаю. Мы продолжаем любить этот священный для России город.

ДАЛЕКИЙ И НЕВЕДОМЫЙ НАМ УЗБЕКИСТАН...

Отец ничего не боялся, а расстояний не боялся тем более. Он уже дважды пересекал Россию сначала на Восток до Тихого океана, затем в 1914 г. на Запад до места боев на германском фронте под Варшавой. Через несколько дней после его отъезда к нам на 13-ю Линию Васильевского острова пришли из военкомата: начиналась Советско-финская война, требовались врачи. Но отец уже был на месте своего назначения. Вызывать его никто не стал, назначение носило государственный характер, отцовские направления всегда подписывал Нарком (министр) здравоохранения СССР. С некоторых пор В.П. Чекурин был в номенклатуре Наркомата (министерства) здравоохранения СССР.

В.П. Чекурин был направлен в открытый в 1935 г. медицинский институт. Ему предстояло возглавить кафедру ЛОР-болезней ТашМИ, так кратко назывался новый вуз. Ташкентский медицинский институт развивался на базе медицинского факультета. Располагался новый институт в здании бывшего кадетского училища на берегу быстрой и прохладной речки Салар.

Корпуса Ташкентского медицинского института

Приезд ленинградского доктора наук оказался кстати. В.П. Чекурин срочно прооперировал воспаление среднего уха больного. Первым пациентом оказался Председатель Верховного Совета Узбекистана Юлдаш Ахунбабаев. Ответственность была очень большая для вновь приехавшего профессора. Ю. Ахунбабаев одновременно был и заместителем Председателя Президиума Верховного Совета СССР. Глава республики несколько раз бывал у нас дома, навещал своего врача. От него веяла какая-

то особая энергия и доброжелательность, и еще в памяти у меня с ним связан аромат алма-атинских яблок. После его визита осталась картонная коробка с яблоками. Мы жили тогда в особняке с садом и своей мини ирригационной дворовой системой, столь необходимой для прохлады в азиатской жаре, почти невыносимой для северян. Вечером на огромной веранде собиралась вся семья за самоваром. В арыках журчала вода. В саду росли два огромных ореховых дерева, тутовник и кусты роз. Рядом с домом – абрикосовое дерево. Жаль только, что отец бывал дома очень редко. Зато с нами жила мамина мама, бабушка Александра Павловна Петрова. Она приехала из Петровска погостить и оставалась с нами до начала войны. Она привезла какие-то петровские подарки, вещи, оставленные от нашего дедушки, земского врача Ивана Ильича Петрова. Помню лишь какие-то серебряные бокалы. Во время войны отец сдал их, как драгоценный металл, в фонд обороны.

Это был новый этап жизни профессора В.П. Чекурина. Ученики Л.Е. Комендантова сумели организовать подготовку ЛОР–специалистов и организацию ЛОР–службы в разных районах страны. Л.М. Рейнус – в Краснодаре; Н.Д. Ходяков делал эту работу в Иваново-Вознесенске; Н.Н. Лозанов - в Казани; Б.Н. Луков - в Астрахани; С.А. Винник – в Нижнем Новгороде; Д.Р. Ханамиров – в Ростове-на-Дону. Двое из учеников Комендантова направлены в союзные республики: Л.Л. Арутюнов в Армению; последнему докторанту Л.Е. Комендантова В.П. Чекурину досталась работа в солнечном Узбекистане.

Д.Н. Ханамиров писал: «Леонид Ефимович Комендантов был талантливым самородком, оригинальнейшим русским оториноларингологом, ученым типа Н.И. Пирогова и И.П. Павлова. Он всегда вносил в свою деятельность неистощимую страстность и вечным этим горением заражал своих учеников. Ему приходилось отстаивать каждую из своих оригинальных мыслей, он по природе был борцом, энтузиастом, пыл которого не смогла охладить даже смертельная болезнь». Наркомздрав СССР представил его к Почетному званию «Заслуженный деятель науки», но 28 сентября 1939 г. Л.Е. Комендантов скончался. Он похоронен на Серафимовском кладбище в Ленинграде.

За год до смерти он говорил на своем юбилее: «...Признание другими проделанной тобой работы, несомненно, является большой наградой и стимулом для дальнейшей работы, но самым высоким удовлетворением является собственное сознание, что ты сделал полезное дело, что сделал столько, сколько мог сделать по своим силам и по своему умению. Это сознание у меня имеется, а также имеется твердая уверенность в том, что раз сделанное дело ни при каких условиях не погибнет бесследно».

Ученики Л.Е. Комендантова старались претворить в жизнь идеи и заветы учителя. Они не теряли связи друг с другом. За исключением военных лет, они ежегодно встречались на конференциях или оказывались по договоренности одновременно то в Москве, то в Ленинграде. Они упорно продолжали дело своего учителя.

В республиках и областях ученики русской школы оториноларингологов организовали подготовку ЛОР–специалистов, открыли ЛОР–кафедры и ЛОР–клиники. Они заложили основы научной деятельности в области ЛОР–болезней в Узбекистане, Молдавии, Армении, во многих областях России.

В 1940 г. состоялся первый выпуск врачей-оториноларингологов Ташкентского медицинского института им. В.М. Молотова. На сохранившейся фотографии 23 выпускника, в основном, коренной национальности. Это результат первого года работы отца и его сотрудников.

Курс болезней уха, горла и носа читался в ТашМИ на выпускном курсе. С первых дней отец вел подготовку специалистов своего профиля. При нем в республике работал институт усовершенствования врачей. Подготовкой ЛОР–специалистов с 1941 по 1944 годы заведовал известный ленинградский оториноларинголог Леонид Тихонович Левин. Он умер в 1944 г. во время защиты диссертации, на которой он выступал в качестве официального оппонента.

Первый выпуск врачей оториноларингологов Ташкентского мед. ин-та им. Молотова (1940 г.)

Во втором ряду 4-й справа - Василий Петрович Чекурин.

На кафедре В.П. Чекурина работали очень квалифицированные специалисты - С.И. Шумский и Н.А. Новиков. В Самарканде в мединституте (с 1934 г.) ЛОР–кафедрой заведовал

А.В. Савельев. Их трудами ЛОР–станции были открыты в Андижане, Фергане, Намангане, Коканде, Бухаре, Карши. В Средней Азии создалось серьезное профессиональное общество оториноларингологов. Они объединились в ЛОР–общество, созданное еще в 1925 г. профессором С.Ф. Каплан.

«ТашМИ» – это целый городок, где в годы войны открылись большие госпитали. Специальность оториноларинголога – это специальность хирурга головы и шеи. Операции на черепе очень сложные и требовали от врача большой точности, смелости, досконального знания системы сосудов, очень многих навыков, доведенных до автоматизма. Отец часто говорил, что ошибка в миллиметр при таких операциях заканчивается смертью пациента. Отец это хорошо понимал и к хирургическим вмешательствам при заболеваниях уха, горла и носа прибегал только тогда, когда все другие методы лечения больному не помогли.

В материалах по истории ЛОР–кафедры ТашМИ отмечено, что «С приездом В.П. Чекурина научно-исследовательская работа начала развиваться в несколько ином (не хирургическом - Ч.Л.) направлении –

изучении нервной трофики при ЛОР–патологии. Для практической работы стали характерными более широкое применение консервативных методов терапии и значительное сокращение объема хирургического лечения ЛОР–больных». Отец не понимал и не любил врачей, которые даже при удалении из трахеи арбузной семечки прибегали сразу к трахеотомии. Это было продолжением важной традиции, заложенной М.Ф. Цитовичем и Л.Е. Комендантовым, которые были хирургами-новаторами, но одновременно сторонниками щадящих хирургических вмешательств, сохранявших функции органов слуха.

Г.А. Фейгин, который учился у коллеги отца С.И. Шумского, через несколько лет после отъезда В.П. Чекурина из Ташкента считал, что тот (Шумский С.И.) продолжал традиции, которые сложились в немалой степени благодаря его предшественникам. Среди них были профессора С.И. Штейн, который работал очень недолго (4 месяца), С.Ф. Каплан, покончивший с собой в 1927 г., в 1930-е годы в Ташкенте работал проф. С.Г. Боржин. Больше всего С.И. Шумский работал на кафедре В.П. Чекурина. Он часто бывал и у нас дома.

В.П. Чекурин настойчиво обучал своих сотрудников консервативным методам лечения. Основную линию, которую врачи-оториноларингологи исповедовали в жизни и работе, была требовательность к знаниям, внимательность к больному и уважение к хирургическому вмешательству.

В книге Г.А. Фейгина «Портрет оториноларинголога» отмечены именно эти качества в работе ташкентских ЛОР–врачей.

Вот выдержка из книги Фейгена: «Мы удаляли баллотирующие инородные тела у детей без обезболивания при прямой ларингоскопии. Суть методики сводилось к следующему. Во время указанной манипуляции щипцы вводили в трахею и раскрывали. Это раздражало чувствительные окончания трахеи. Появлялся кашель и инородное тело «летело» по направлению к голосовым складкам и попадало в раскрытые бранши. В это время их нужно было закрыть. Момент этот был очень краткий и поэтому нужен был навык, доведенный до автоматизма. Если эта процедура была выполнена вовремя, инородное тело захватывалось и извлекалось».

Именно об этом я слышал от отца многократно. Были врачи, которые без особой нужды прибегали сразу к трахеотомии. В.П. Чекурин, С.И. Шумский, Н.А. Новиков хорошо владели бескровными методами удаления разных мелких предметов из трахеи ребенка, чаще арбузных и подсолнечных семечек.

У ленинградского профессора В.П. Чекурина была в Узбекистане двойная или даже тройная нагрузка. Он занимался лечебной практикой, учил студентов и занимался административной работой. Отец был некоторое время первым заместителем Наркома Здравоохранения Узбекистана.

В листке по учету кадров отец никогда не указывал этого. Но в личном архиве сохранилось удостоверение Совета народных комиссаров с гербом Узбекской ССР, с двуязычной надписью, печатями и подписями. Фотокарточка отца хорошего качества дает представление о том, как выглядел первый зам. Наркома Здравоохранения Узбекистана. На фотографии отцу 48-49 лет. Удостоверение выдано 16 ноября 1940 г. управделами СНК УзССР и давало право свободного входа во все советские учреждения.

Удостоверение заместителя Народного комиссара здравоохранения Узбекской ССР (1940 г.)

Указана эта ответственная государственная служба и в автобиографии профессора.

Но ходил отец не по учреждениям. Он мотался по горным, особенно неблагоприятным в медицинском отношении, районам. Иногда рассказывал о трудных горных дорогах в ущельях или над пропастью.

Но и в те времена он не бросал своих больных. Только образовывалась пауза в делах государственных, машина его отвозила в клинику. В те годы в административных органах работали ночью. День, или, по крайней мере, утро, было в его распоряжении. Клинике В.П. Чекурин был очень предан и постоянно занимался ею. У него было переходящее знамя республики за лучшую кафедру. Он очень гордился этим знаменем и даже показал его мне. Мне было тогда года четыре. В детских воспоминаниях осталась: он взял меня на машине с собой повез в институт, зашли на кафедру. В кабинете отца в углу стояло это переходящее темно-малиновое знамя с тяжелыми золотыми кистями.

В.П. Чекурин участвовал в различных и частых в те годы мобилизациях. В Узбекистане такими чрезвычайными стройками были строительство ирригационных систем и каналов, в частности, строительстве Большого Ферганского канала. Это была стройка двух республик - Узбекистана и Таджикистана.

Канал протяженностью 270 км был построен в течение одного года. Протяженность всей оросительной системы вместе с небольшими арыками достигала 160 тысяч километров. Указом Президиума Верховного Совета Узбекской ССР от 19 декабря 1940 г. В.П. Чекурин был отмечен посеребрянным значком «Участник строительства Большого Ферганского

канала имени тов. Сталина». Значок сохранился среди других правительственных наград. На фоне коробочек хлопка две посеребряных фигуры - рабочий с киркой и работница с лопатой, на красном знамени - профиль Сталина, в центре - в красной звезды большие бронзовые буквы БФК, что означало Большой Ферганский канал. Внизу значка надпись: Уз. ССР 1939 г. Такой значок получили тысячи тружеников. У отца номер значка 26. 851. Это была высшая республиканская награда тех лет.

Удостоверение № 26851 участника строительства Большого Ферганского канала им. тов. Сталина (1940 г.)

Документов в семейном архиве о Ташкентском периоде сохранилось очень мало. Помню, что отец почти не бывал дома, если приезжал то, очень поздно, когда мы все спали. Ждала его только мама, приготовив ужин. Это могло быть и в три, и в четыре часа утра. Утром за ним приходила машина и он уезжал. В 1941 г. отцу было 50 лет и на фронт его не взяли. Дел для врачей и в глубоком тылу было много: в городе на базе ТашМИ разворачивались крупные госпитали. Отец, как все оториноларингологи, в те годы много консультировал и оперировал. Это были тяжелораненые, которых эшелонами вывозили в глубокий тыл на излечение.

В нашем доме теперь жило много семей: инвалиды на костылях, дети и жены командиров, люди, эвакуированные из блокадного Ленинграда. Было голодно и холодно. Мы сами делали кизяки для отопления, подмешивая в навоз немного угольной пыли. Иногда доставали несколько веток саксаула, но разрубить его не могли. Для этого приходил узбек с колуном. В кабинете отца стояла жестяная буржуйка, которую топили книгами и мебелью красного дерева, оставшейся от прежнего, умершего до нашего приезда хозяина дома, крупного ученого, гистолога профессора Шляхтина. Кусочек черного хлеба был большой радостью. Особенно тяжелыми были первые военные годы.

Сестра Наташа стала работать в подсобном хозяйстве. Следующим летом она заработала полмешка риса. Работала несколько месяцев на рисовых полях по колено в воде. Даром ей это не прошло. Ее болезнь обнаружилась. Рентген показал большую с тогдашнюю двадцатикопеечную

монету каверну в легком. Наташа всегда отлично училась, война не помешала ей. При туберкулезе нужно было усиленное питание. Хлеб давали по карточкам. Отец как-то привез из района несколько тыкв и свеклу. Но я до сих пор не люблю вареную свеклу и тыквенную кашу. Но другой еды не было.

Помню всех эвакуированных детей нашего дома. Их было со мной семеро: Лариса, Мая, только что рожденный мальчик у Большаковых – Володя. Отец их был на фронте. Письма приходили редко.

Была маленькая дочка у инвалида Костюкова. Матери ее не помню. Две сестры Расуловых с отцом и матерью – врачом занимали комнату напротив отцовского кабинета.

Отцу была забронирована комната для кабинета. Иногда он принимал избранных больных и дома. Собирались в этом кабинете врачи, приехавшие из районов, и кафедральные врачи. Для семьи, а нас было четверо (с нами в начале войны жила еще бабушка Александра Павловна), отведена была одна комната. Раньше это была спальня родителей. Теперь там стоял большой бабушкин сундук. Угол был отгорожен для топлива, где хранились несколько ведер угля и вязанка нарубленного саксаула. Это предназначалось для редкого отопления голландки – большой черной печки, рассчитанной на обе комнаты. Пищу готовили на мангале. Это старое ведро, обложенное внутри обломками кирпичей с очень маленькой топкой. Здесь использовался самодельный кизяк.

Наша большая столовая была разгорожена на три комнаты и коридор. Стены были деревянные обрешеченные и в один слой покрытые глиной. В этих стенах детям было хорошо делать тайники и отверстия.

Жаль было нашего большого двора с ореховыми деревьями и тутовниками. Половина его с деревьями отрезали для вновь открытого детского садика. У нас осталось только абрикосовое дерево, несколько кустов роз и акация. Абрикосы дети съедали еще зелеными, иногда взрослые варили зеленые кислые плоды. Осенью в стручках акации находили тоже что-то съестное и довольно вкусное. Ели, конечно, и сладковатые цветы акации. Весной обязательно к кусочку черного хлеба мы, детвора, добавляли какую-то горькую травку, что росла вдоль дувала, так назывался толстый и высокий глиняный забор. Эта глухая крепостная стена возводилась очень быстро из расквашенной глины. Засохнув на солнце, стена становилась крепче камня.

В самом конце войны, когда в доме поселились врачи Расуловы, глава семьи тяжелым кетменем взрыхлил твердую как камень землю. Каким-то образом отцу еще до войны удалось провести во двор водопровод. На разрыхленной земле посадили настоящий цветник, который необыкновенно пах табаком, рос разноцветный львиный зев и какие-то другие растения с очень острым пряным запахом.

Однажды мы набрали летом воду в два маленьких бассейна, и в дворе арыке зажурчала вода. Радость детей была неопишима. Но пришел управдом и запретил тратить воду из водопровода. В городе воды не хватало.

На нашей улице было два арыка с водой, предназначенной для полива. Но в них почти никогда не было воды.

Среди документов сохранились свидетельства необычных поворотов в рабочем режиме отца:

«Срочно. Тов. Чекуруну.

На основании решения партийного бюро Вы назначены Начальником штаба на строительстве Сев. Таш. Канала

Сегодня же 24 IY – в 5 час. 30 мин. Вам нужно выехать на сев. Таш. Канал.

Подвода для перевозки Вас уже приготовлена.

Секретарь партийного (бюро) Ташми

/ Каранетьян /»

На документе не обозначен год столь обычной для тех лет мобилизации: шла война. Видимо, это был 1942 год. Стране нужен был хлопок и рис. Для этого нужна была вода. Стройка авральная. Северный Ташкентский канал был построен, как всегда, досрочно.

В личном архиве сохранилась Почетная грамота Президиума Верховного Совета Узбекской ССР «За активное участие в успешном выполнении работ по строительству Северного Ташкентского канала «За Родину». На грамоте подпись Председателя Президиума Верховного Совета республики Юлдаша Ахунбабаева. И дата - 1 января 1943 г.

Волею судьбы профессор В.П. Чекурин стал от ташкентских институтов одним из руководителей вузовской молодежи на новых стройках.

Эта должность тоже в листке по учету кадров им не указана, только в автобиографии. Возможно потому, что и эту должность отец совмещал с работой на кафедре, клинике ЛОР–болезней и в институте со студентами.

Ташкент, начало 1940-х.гг. В первом ряду 1-й справа – к.м.н. Н.А. Новиков, 3-й справа – проф. В.П. Чекурин

Отец в это время ходил в военной форме с кожаной португеей. Одежда удобная и по тем временам модная и даже красивая. Военную форму отец носить умел и она к нему шла. Тогда мы не знали, что военную форму солдатскую и офицерскую отец носил почти 6 лет в Первую Мировую войну.

В сутках отца были разные работы, но главное место в его жизни занимали больные. Важным делом была подготовка национальных кадров. Это были не только врачи его специальности, но и научные работники. За годы работы отца в ТашМИ, несмотря ни на что, была защищена докторская и две кандидатских диссертаций.

В автобиографии В.П. Чекурина названа еще одна должность, которую он в 1943–1944 гг. совмещал с заведованием ЛОР–кафедрой и клиникой в ТашМИ. Эта была очень высокая должность в партийных органах республики – Зам. зав. отделом школ и вузов ЦК КП /б/ Узбекистана.

Сохранился на фотографиях тех лет очень улыбчивый его ученик Шумский. Он еще при отце защитил диссертацию и получил ЛОР–кафедру, открытую в 1944 г. для педиатрического и гигиенического факультетов ТашМи. Не исключая, что открытие второй ЛОР–кафедры в ТашМИ – случай в практике медвузов в те годы не частый, хотя и не единственный, был результатом «вхождения во власть» профессора В.П. Чекурина. Это привело к расширению стационара для ЛОР–больных до ста коек.

В годы войны на кафедре отца работал уже упоминаемый нами в разделе о Ростовском периоде профессор Д.И. Зимонт. Он до войны работал в Средне-Азиатском медицинском институте, затем принял кафедру от Л.Е. Комендантова в Ростове. А ряд лет работал в ТашМИ. Был он одновременно и ведущим хирургом специализированного госпиталя глубокого тыла. В те годы все оториноларингологи работали или были консультантами в госпиталях.

В самом конце войны в семье зародилась мысль вернуться в Ленинград. О судьбе 1-го Ленинградского медицинского института было известно до обидного мало. Еще в марте 1942 г. часть сотрудников, 49 профессоров и 410 студентов эвакуировалась из блокадного Ленинграда по льду Ладожского озера. Один из эшелонов прибыл в мае в Кисловодск, где был открыт филиал I ЛМИ для ускоренной подготовки врачей.

Мы были в Ташкенте уже шесть лет. Ташкентская жара родителям надоела. Дом из уютного особняка превратился в перенаселенную коммуналку. Ленинградскую блокаду сняли в начале 1944 г., шел уже 1945 год, война близилась к концу. Родителям захотелось из солнечного Узбекистана (с жарой часто выше 40 градусов) вернуться в дождливый и прохладный Ленинград.

Свои замыслы отец обычно осуществлял. С разрешения наркомата здравоохранения СССР, он подал на конкурс в филиал Ленинградского медицинского института в Кисловодске. Было уже дано разрешение на переезд. Правда, за это время филиал был переименован в Кисловодский медицинский институт, туда избрали профессора В.П. Чекурина по конкурсу зав. кафедрой оториноларингологии. Но не тут-то было. Оказалось, судя по рассказам, этому филиалу поставили в вину, что он попал на несколько месяцев в оккупацию. Действительно, немцы ненадолго заняли Кисловодск, где был в это время институт. Якобы поэтому возвращение в Ленинград не могло состояться. И студентам и преподавателям предложили всем ехать по новому назначению – в Молдавскую ССР.

Отец, было, взбунтовался: вместо Ленинграда переезжать из одной республики в другую. Вспоминать события на Румынском фронте: Яссы, Дубоссары, Измаил, Кишинев, Фокшаны, Намалоаса... отцу не хотелось. Но в министерстве напомнили, что нужно ехать туда, где он нужен стране, тем

более, что эта пограничная республика в руинах и нуждается в помощи. Так, волею судьбы мы стали собираться в доселе неизвестную нам, но не отцу, Молдавию. Случилось это, в общем, по инициативе семьи, которая хотела вернуться в Ленинград.

Интересны даты. 31 августа 1945 г. последовало распоряжение Совета народных комиссаров (СНК) № 12875 и приказ по Всесоюзному комитету по делам Высшей школы при СНК СССР и Наркомздрава СССР от 31 августа за № 427/69 о переводе в Кишинев медицинского института из Кисловодска.

Через две недели. 14 сентября приказом Народного комиссара здравоохранения Союза ССР

Г.А. Метерева В.П. Чекурина командировали в Кишинев на новое место работы.

И тем же числом его утвердили в должности зав. кафедрой уха, горла и носа Кишиневского медицинского института. Это был приказ Союзного комитета по делам Высшей школы. В.П. Чекурин приехал в Кишинев раньше других ленинградских профессоров. Эшелон из Кисловодска со студентами, преподавателями и оборудованием прибыл только через месяц 15 октября 1945 г.

МОЛДАВИЯ

Кафедра оториноларингологии была основана в 1945 г. на базе ЛОР-отделения Республиканской клинической больницы. Основатель – профессор В.П. Чекурин – ученик известного советского оториноларинголога Л.Е. Комендантова.

Из истории Кишиневского государственного медицинского института. Кишинев: Изд-во «Штиинца», 1984.

Помню, день Победы был очень солнечным и тихим. Тишина, голубое небо и невероятное, даже для детей, ощущение Победы. Ни криков, ни салютов не помню. Были ли они? Помню только эту значительную, волнующую тишину.

Из Кисловодска преподаватели выезжали организованно. Был назначен начальник эшелона. Был транспорт и 10-часовой рабочий день для всех сотрудников. Нам же предстояло добираться в Кишинев самостоятельно.

Сборы были долгими. Нужно было упаковать довольно большую отцовскую библиотеку, мебель, которой на новом месте могло не быть. Так оно и оказалось. Паковались всякие вещи и вся одежда. Время было военное. Вариант переезда выработал отец вместе с профессором Корнетовым, который тоже переводился в Молдавию из Средней Азии, из Самарканда. Ничего лучшего не придумали, как добиться на железной дороге товарного вагона. Придумано – сделано. Это была обычная 18-тонная теплушка красно-коричневого цвета. В Ташкент она приехала уже с семьей Корнетова. Мы погружали свой скарб дня два-три. На самом верху всех наших вещей, сундука, баулов и мебели установили родительскую тахту и еще узкую железную кровать. Ее отвоевала себе сестра. А мы с мамой и бабушкой размещались на тахте. Внизу образовавшейся между горами вещей «шахта» помещала еще буржуйку, на которой мы собирались готовить еду. Нас было четверо и Корнетовых было трое. Это были женщины всех возрастов и двое мужчин: восьмилетний мальчик – это я, и почти 60-летний профессор Корнетов. В ноябре поезд прицепили к какому-то эшелону, и мы двинулись на другой конец нашей необъятной страны. Сидя почти месяц у маленького окошка под самой крышей теплушки я эту необъятность почувствовал очень реально.

Как мы в тот беспокойный послевоенный год остались живы, я удивляюсь до сих пор. Чтобы выйти из вагона, откатывалась тяжелая дверь на роликах. Противоположную дверь, которая тоже откатывалась, была заставлена какими-то вещами и, казалась нам, надежно закрыта от посягательств недобрых людей. Только в Москве сцепщики вагонов обнаружили и сказали нам, что с внешней стороны никаких запоров не было. Дверь была просто закручена куском проволоки.

Мы начали свое путешествие еще солнечной ташкентской осенью, а при подъезде к Пензе и Москве были нешуточные морозы. Мама спускалась в холодный низ «шахты» первая, затапливала припасенным углем печку. Так было надо: у нее на руках ребенок и семидесятилетняя бабушка. Она очень жалела, что ввергла бабушку в этот трудный переезд. Подобранным на путях углем она растапливала нашу буржуйку. Выстуженная за ночь теплушка постепенно оттаивала, тогда просыпались и остальные.

Но надо было добывать хлеб. Запасы как-то быстро съели. Первым съели хлеб. Было немного крупы и дальше варили кашу. Как ездят месяцами в теплушках, описывать не буду. В России это хорошо усвоили. Длиннющая цепь вагонов вместе с паровозом чуть ли не ежесекундно встряхивается на стыках рельс. Эшелон то мчится по ровной степи, то незаметно поднимается на песчаную возвышенность, то вдруг изгибается на поворотах и тогда виден хвост и начало поезда.

Очень важно было поместиться у небольшого окошка под самой крышей теплушки. Мы на эту поездку потратили вместе со сборами почти два месяца. Я уже в сентябре перестал ходить в школу. А Наташа-отличница школу продолжала посещать до последнего дня и в вагоне учила свои уроки. А мне это было делать трудно, да и необязательно. Во втором классе надо

было заниматься чистописанием, а в вагонных условиях мне и читать было трудно, а чернила, к моему счастью, проливались. Можно было не писать. Да и тетрадок не было. К чтению я пристрастился позже, уже в Кишиневе. В длинных очередях за книгами в только что открытой детской библиотеке стояли человек по 50 и больше ребятишек. Библиотека была недалеко от нашего нового дома. В книжной очереди можно было просмотреть много книг и выбрать по своему интересу. Было много книг о войне, но был и Жюль Верн, Майн Рид, и конечно бессмертный «Остров сокровищ», «Черная стрела», «Мушкетеры». Помню ленинградскую книжку о прорыве линии Маннергейма в советско-финскую войну, партизанскую книжку «От Путивля до Карпат» и «Сын полка», грезы нашего военного детства.

В вагоне одно окно всегда было в распоряжении сестры: у нее, видите ли, уроки. На второе окно претендовали остальные, то есть я и бабушка. Мама всегда нам уступала. Я не случайно об этом говорю, потому что мы с бабушкой не спускались вниз и не выходили на станциях в течение месяца. Пассажиры теплушки никогда не знали, когда отправится поезд после очень длительной, иногда суточной, остановки. В осенние дни было уже темно. Освещение в вагоне свечкой было недолгим: свечи быстро сгорали. Огарком пользовалась только мама, когда спускалась утром в холодный колодец нашего вагона.

Мне приходилось уже в «целинное» время ездить в теплушках с нарами, где в каждом вагоне помещалось более пятидесяти человек молодежи. Нас же в ту первую послевоенную осень было всего семь. Только в начале пути было страшновато, но затем быстро привыкли. На железной дороге тех лет была дисциплина железная. Иногда к нам заглядывали сцепщики вагонов или еще какие-то люди, которым надо было ехать. Обычно, увидев детей с бабушкой, от нашей компании быстро отказывались. Объяснялось это просто. С таких людей ничего не возьмешь, а ухаживать за ними, бегать за кипятком на станциях, придется.

Время от времени наш вагон отцепляли от эшелона. Никакой логики в этом не было. Профессор Н.И. Корнетов брал для подношений начальнику очередной станции бутылку вина или дефицитный стрептоцид и нас опять прицепляли, чтобы на следующей станции вновь отцепить. Профессору опять приходилось искать нового начальника станции, предъявлять документы и использовать разные аргументы, принятые во все времена для убеждения и т.д. Но один раз нам неожиданно повезло. Очередного начальника станции на месте не оказалось, и бутылка вина досталась прицепщику. Он своей волею прицепил нас к эшелону со скоропортящимся грузом. И мы без остановок проехали, чуть ли не полстраны, не останавливаясь. Как мы обходились без остановок, представить себе в наше время трудно. Но зато мы приблизились к цели. Молдавия казалась нам в этой теплушке уже землей обетованной. Мы проезжали по берегу Аральского моря. Там купили рыбы. Помню станцию Дергачи, Арысь, где мы долго стояли, ожидая переправы на другой берег. Бесконечный мост через Волгу. Дальше – путь на Москву.

В Москве мне очень повезло. Профессор Н.И. Корнетов должен был явиться в Наркомздрав СССР за назначением и попросить помощи в перегонке нашего вагона с Казанской товарной станции на Киевский вокзал и, конечно, для того чтобы помогли дальнейшему продвижению нашего вагона в Кишинев, где нас ждали. Корнетов стал зам. директора медицинского института. Так вот, Корнетов взял с собой меня, и я первый раз оказался в Московском метро. Мне можно было сравнить поездки в теплушке и в вагоне метро. Бронзовые монеты, специально сделанные для метро, были со звездами и дырочками посередине. Я оставил их на память. Они стали моими талисманами.

Путь от Москвы до Кишинева преодолели без приключений. Казалось, вся тяжесть поездки легла на плечи профессора Н.И. Корнетова, хотя этого он никогда не высказывал. Да и наша мама взяла на себя более тяжелую часть обслуживания нашего вагонного сообщества. Лет через пятнадцать я проделал этот путь еще раз. В 1958 г. вместе с другими студентами мы ехали этим же путем на целинные земли Казахстана. Родители были еще живы. Отец был на пенсии и болел. Мама за ним заботливо ухаживала. В магазинах ничего не было. За всем она ходила на рынок. А из Рязани, пользуясь небольшим отпуском в институте, я съездил к сестре в Кишинев. Так что почти весь путь из Азии в Молдавию я проехал еще раз в более комфортных условиях, уже привыкнув к необъятности нашей страны.

В Кишиневе в осенней темноте нашу теплушку на запасных путях отыскал отец. Корнетовы остались в товарном вагоне. Их переезд откладывался на утро, как и перевозка всех вещей. А нас отец, очень веселый, повел куда-то в темноту. На небольшой площади у развалин вокзала нас ожидал настоящий извозчик с пролеткой и лошадей. Мы все погрузились в эту пролетку. Рассмотреть в темноте город не удалось. На пути было много развалин. Зато когда мы, наконец, приехали, квартира, точнее две большие комнаты, нас поразила. Паркетный и натертый пол, блеснул, печи из белого кафеля с золотыми карнизами были натоплены. В большой комнате был настоящий камин. Под окнами на натянутых нитках висел янтарный виноград. Отец закупил его и сохранил, таким образом, до нашего приезда. В углу стоял глиняный кувшин с красным молдавским вином. Мебели никакой не было. Была белая больничная кровать и на табуретке стоял блестящий никелированный электрический кипятильник для инструментов. В нем отец подогрел для нас суп. Я понял, почему мы все везли с собой. Все, что мы успели погрузить на извозчика, пригодилось. Через некоторое время пришел столяр и соорудил книжные полки до потолка. На ящики из-под книг отец положил несколько десятков листов фанеры, заготовленной для будущих перегородок, и получился удобный стол, за которым собиралась вся семья.

Мы опять жили в особняке. Но этот раз он был разделен между пятью семьями. Привезенные шкафы перегородили большую комнату на столовую и нашу спальню, где жили мы с сестрой, мамой и бабушкой. Сестра, у которой когда-то в довоенное время в Ташкенте была детская, поставила к окну стол и свой угол отгородила фанерными листами. Так жили

мы довольно долго. Потом плотники сделали перегородку в большой комнате.

Отец дополнительно отгородил часть довольно длинного общего коридора, где разместилась кухня. В этой кухне был очень благоустроенный подвал с деревянной лестницей. К сожалению, ванная комната в цветных изразцах досталась нашей соседке «по особняку». В ванной стояла огромная бочка, где хранилась дождевая вода. Я, как-то, пытаясь напиться, опрокинулся вниз головой в эту бочку с водой и чуть не утонул в ней. Но сумел извернуться и из бочки вылез. Саму ванну соседка перенесла в свою комнату. Туалет был на две квартиры, отец его постоянно чинил. У него были хорошие навыки заботы о клинических санузлах. Неспособность современных главврачей больниц в налаживании этого необходимого для больных элемента меня удивляет. При хороших врачах – это самое тяжелое впечатление от рязанских, казалось бы, очень благополучных больниц.

Наташа и в кишиневской школе стала отличницей и любимицей учителей. Несмотря на опоздание к началу учебного года, она училась на пятерки и получила вторую в нашей семье золотую медаль. У маминих сестер Надежды и Ольги еще до революции были золотая и серебряная медали.

Кердиваренко Наталья Васильевна (дочь В.П. Чекурина, сестра Леонида Васильевича Чекурина)

Золотые медали давали ее обладателям право поступать в любой вуз. На лето Наташа поехала сопровождать бабушку в Саратов, а на самом деле проследовала дальше – в Ташкент, где у нее оставались верные друзья. Ее приютила самая закадычная подруга Кира, выдумщица и любительница розыгрыша, которая так и осталась на всю жизнь в Ташкенте. У нее Наташа и остановилась. До отъезда из Кишинева бабушка отнесла документы Наташи в Кишиневский медицинский институт и ее, как медалистку, тут же зачислили в студенты.

1 сентября она пошла на занятия в Медицинский институт навстречу своей судьбе. Очень тяжело ей давалась анатомия, хотя школьницей в войну она работала на кафедре патологической анатомии лаборанткой. Она не могла есть мяса, и вообще после занятий в «анатомичке» болела, ходила вся зеленая. Но трудности эти были преодолены. По иронии судьбы, именно по анатомии она впоследствии защитила кандидатскую и докторскую диссертации. Только в последние десятилетия она перешла на преподавание биологии и генетики. Но это было уже в другую эпоху.

В какой-то очень холодный и ветреный день 1945 г. мы с мамой пошли поступать в школу. Школа, в которой учились дети нашего двора, оказалась привилегированной, и мест для нас уже не было. Нас направили в семилетнюю школу № 34. Маму это не огорчило. Дети наших соседей по

дому, номенклатурных работников, были какие-то очень ухоженные и хорошо одетые. У нас такой одежды не было, и быть не могло. Я помню ташкентские штаны, сшитые из детских одеял, или полученные по ордеру в Кишиневе зеленые бумажные брюки на вырост. Школа, куда нас направили, располагалась в особняке на улице Мичурина, по старому, Мещанской. Директор школы Мария Ивановна Булярская встретила нас приветливо. Ее сын очень хорошо учил нас истории. На всю жизнь мы запомнили строгого учителя географии, бывшего фронтовика Всеволода Ивановича, удивительно человечных и добрых педагогов – первую учительницу начальной школы Розалию Яковлевну Лернер и учительницу французского языка Валентину Пантелеевну.

Школа занимала довольно большой дом, в котором было семь или восемь больших проходных комнат. В каждой из этих комнат располагался класс. Парты были или очень маленькие деревянные, на которые мы, второклассники, не могли влезть, или железные, сидя за которыми мы до стола доставали лишь подбородком. Сидеть было можно, но писать нельзя, ни на тех, ни на других. Но постепенно все образовывалось. Появились и нормальные парты. В каждом классе – узкая доска с гвоздями для пальто. Учителя в школе были очень добрые, сердечные. Они любили нас и делали все, чтобы мы больше знали. Отец в школу никогда не ходил, на родительские собрания ходили мама и сестра. Но он обязательно проверял дневник. И часто после таких проверок мне доставалось. В наказаниях отец был очень изобретателен. Мог, например, сказать: «В школу тебе ходить не обязательно. На тройку уроки и дома выучишь». Мог покачать головой и сказать скорбно: «Ты болен. Я пропишу тебе лекарство. Иди в аптеку, купи таблетки или микстуру от лени». Я стеснялся подать рецепт провизору. Мне казалось, что он обо всем, т.е., о моей лени, догадается. Мне было стыдно. Я даже завидовал своему товарищу, которого отец за плохие отметки или двойки просто лупил ремнем.

Отцу для кафедры и клиники достался полуподвал от старой земской больницы. Это его не смущало. В своей жизни он видел и худшие условия. Других помещений для кафедр оториноларингологии не было. Окна

наполовину были в земле. Это было на окраине тогдашнего города, где когда-то была земская больница Бессарабской губернии.

*Группа профессоров
Кишиневского мед. ин-та
(1949-1950). Во втором ряду 1-
й справа - В.П. Чекурин*

Там в те годы заканчивались трамвайные рельсы. Но трамваи еще не ходили.

Через короткое время подвал было не узнать. У отца были колоссальные организаторские способности. Он где-то умудрился достать краску и отыскать хороших мастеров. На кафедре и в клинике все блестело, была ослепительная чистота. На этой кафедре он осуществил многие свои задумки. Издал монографию и организовал профилактику «своих» болезней в неблагополучных районах республики. Я иногда летал с ним на самолете под названием «кукурузник» в отдаленные районы. Будучи врачом - оториноларингологом, отец добился, чтобы в каждом районе такой врач был. Он и собирал к приезду профессора всех сложных больных, которых тот внимательно осматривал. Одних направлял в свою клинику, других консультировал, иным давал рекомендации и оставлял их выполнение на совесть местного врача. Он ничего не забывал и к своим больным возвращался. Перед отлетом нас поили чаем. Самолеты У-2 были трехместные. Одно место предназначалось для пилота и два для пассажиров. К вечеру мы с отцом были уже дома. Такие поездки-полеты он совершал регулярно. Здесь кстати бы ему вспомнить дороги Молдавии, Румынии и Болгарии в период действия Румынского фронта. Многие версты преодолены солдатами по южным вязким черноземам. Тогда эти земли отошли от России. Сегодня они вернулись, и он вернулся на эти земли. Но вспоминать это, тем более делиться с посторонними, ему было нельзя. Ни разу не упомянул профессор, что на этих землях он уже был ровно тридцать лет тому назад прошел по этим дорогам с боями от Измаила и Кишинева до Фокшан со своей пулеметной ротой пешком и в конном строю.

Надпись на фото «Уважаемому профессору Василию Петровичу Чекурину от студентов 9-го семестра. Гор. Кишинев»

В 3-м ряду в центре – В.П. Чекурин (Июнь 1947 г.)

В Кишиневе, по примеру других республик, В.П. Чекурин организовал общество оториноларингологов. Раз или два в месяц он собирал лечащих врачей на семинар в своей клинике, где показывались и обсуждались, с точки зрения лечения, «интересные» больные. Были врачи часто и у нас дома. Хлебосольная семья кормила их, чем могла. Он работал со своими врачами в очень сложных условиях, в связи с неурожаем и голодом, поразившим республику в 1946 и 1947 гг. Из деревень в надежде на помощь в Кишинев потянулись страдающие от голода люди. Мама могла открыть дверь, перед ней падал на колени обросший и худой, или напротив, опухший от голода, человек. Чаще почему-то это были мужчины. У нас были карточки, мы получали хлеб, крупу, какой-то жир. Все, что было дома, мама отдавала

просящему. Она с состраданием переживала такие встречи. Маме было 18 или 19 лет, когда в их Саратовскую губернию и все Поволжье постучалась такая же беда, как в Молдавии: засуха и голод. Вспоминался ей родной Петровск 1920 года. Выручили тогда дореволюционные запасы сушеной воблы, оставшейся у населения от дореволюционных уловов, да небольшой клочок земли для огорода недалеко от речки. Ее отец, И.И. Петров, земский врач, умер от эпидемии сыпного тифа в 1919 г. Брат Сергей был в Красной армии. Дочери с утра до вечера таскали ведра с речки Медведица для полива огорода. Тем и спаслись.

В 1946 г. руководство республики надеялось справиться с голодом своими силами. В Молдавии было очень голодно. По улицам днем можно было увидеть сани, запряженные лошадкой и покрытые рогожей, из-под которой торчали голые желтые ноги. Это были жертвы голода и дистрофии.

После голода и неурожая, наконец, пришла помощь из других, более благополучных республик, хотя в послевоенные годы особого благополучия не было нигде. Помню сушеный картофель и сушеную капусту.

А потом вдруг появился белый хлеб и по улицам трупы умерших от голода уже не собирали. В магазине на карточки давали американские консервы из ананасов и яичный порошок. Но обычно давали вместо сахара сильно разбавленный сладковатый сироп. За сиропом и хлебом по карточкам иногда отправляли меня, третьеклассника. Вместо сиропа и сахара иногда давали небольшой кусочек черной сладкой коврижки. Мама бывала недовольна. Коврижка сразу съедалась, и чай пить было не с чем. У нас чай пили утром, в полдник и вечером.

Самым любимым моим блюдом была жареная картошка. Мне мама жарила особенно вкусную картошку, если я получал пятерку. В младших классах я учился не очень хорошо. И это высшая награда случалась не часто.

Постепенно жизнь в республике, пережившей голод 1946–1947 гг., налаживалась. В Кишиневе происходили самые хорошие события в жизни нашей семьи. Ремонтировалась наша квартира. Появился первый холодильник, проигрыватель или патефон. В семье обсуждалась покупка машины и даже были предложения купить BMW с запасным мотором. Но этот планы реализованы не были.

В 1946 г. моя сестра Наташа получила Золотую медаль за окончание школы. В 1947 г. вышла в Государственном издательстве Молдавии книга отца «Восстановление равновесия после выпадения вестибулярного аппарата». Научная книга объемом 10 печатных листов, тиражом 2 тыс. экземпляров. Это была первая или одна из первых книг, вышедших под грифом Кишиневского медицинского института.

В издании книги принимала участия вся семья. Сестра, студентка II курса лечебного факультета, вычитывала рукопись, а мама, профессиональный корректор Ленинградского Учпедгиза, правила гранки. Она это сделала так профессионально, что к нам домой пришел директор издательства приглашать ее на работу в Государственное издательство

Молдавии. Почему-то отец был против работы мамы, и этим предложением мама не воспользовалась, хотя ей эта работа очень нравилась.

Рецензия на книгу отца крупного ученого, ленинградского профессора С.М. Рубашева литературным изяществом и сутью содержания заслуживает, чтобы ее изложить почти полностью. Автор рецензии очень точно уловил научное и практическое значение работы:

**Рецензия на работу профессора В.П. Чекурина
«Восстановление равновесия после выпадения вестибулярного аппарата»**

...Тема этой работы очень интересна теоретически и важна практически. Равновесие человека в его вертикальном положении, ощущение каждой перемены в этом положении и способность быстрого восстановления нарушенного равновесия – одна из важнейших функций нашей нервной системы. Очень интересно, как организм в своем филогенезе вырабатывал в себе эту способность сохранения чувства пространства; не менее интересны компенсаторные приспособления, имеющие целью восстановления статокINETической функции. Этот вопрос интересует и физиолога, и патофизиолога, и невропатолога, и психиатра, не говоря уже о такой специальности, как отология, представителем которой является автор. Практическое разрешение вопроса важно для нашей авиации, и, наконец, поражения вестибулярного аппарата на войне требуют выработки наиболее эффективных методов их компенсации.

Таким образом, следует установить, что тема работы глубоко интересна и актуальна. Хотя в советской литературе и есть некоторые работы на эту тему, но специальных монографий, притом так широко охватывающих проблему, очень мало, и напечатание работы профессора В.П. Чекурина должно обогатить нашу отечественную науку.

Работа состоит из 9 глав, заключения и литературного списка.

Глава I дает хороший литературный обзор вопроса о функциях вестибулярного аппарата, опираясь преимущественно на последние работы советских авторов. В этой главе в качестве вывода следует и постановка того научного вопроса, которым занимается вся последующая работа.

...Глава III изучает значение вестибулярного аппарата в проприоцепции человека.

Так как автор стоит на точке зрения, что проприоцепция есть сложная функция ряда факторов – он изучает в главах IV, V, VI, и VII значение в этом смысле – диффузной чувствительности, коры головного мозга, мозжечка, вегетативной нервной системы, функции зрения – для статокINETической проприоцепции. В качестве вывода из всего предыдущего следует изложенная в главе VIII теория автора, предлагающая понимание статокINETической рецепторной системы, как комплексной.

Такое понимание создает лечебные перспективы в том смысле, что выпадение некоторых факторов может быть компенсировано включением и развитием других.

Глава IX занимается практическими указаниями способов лечения и упражнения больных для восстановления утраченного равновесия. В этой главе,

как и в главе VIII, проводится собственный, тщательно изученный клинический материал.

Таким образом, работа является и теоретически интересной, и практически ценной.

В целом работа, как ценное серьезное исследование, должна быть напечатана, что сделает честь не только автору, но и издательству Молдавии. Книга имеет значительные размеры, если бы возник вопрос о ее сокращении, то это было бы для автора – по существу излагаемого материала – весьма затруднительным, и могло отразиться на содержании книги.

Доктор медицинских наук. Профессор
27/У – 47 г.

/ С.М. Рубашев /

Книга, как и предсказал профессор С.М. Рубашев, была замечена и представлена через полгода к Сталинской премии. Я не помню, чтобы этот вопрос обсуждался в семье, но в личном архиве сохранилась копии нескольких интересных в этом отношении документов. "Объективка" на отца и письмо в комитет по Сталинским премиям. В объективке ничего нового не содержалось, но она, подчеркивая значимость документа, подписана легендарным для Молдавии первым директором Кишиневского Медицинского Института И.Х. Сарочаном. За его постоянную заботу об их быте и учебе студенты его так и звали – папа Сарочан. Поверьте, у послевоенных студентов было много проблем с одеждой, питанием и жильем. И во все это вникал «папа Сарочан». Помогал он и преподавательским семьям преодолевать квартирные и жизненные передрыги. Поддерживал директор и науку. Увидеть его подпись в документах отца очень приятно.

Такие объективки составлялись для партийных органов только по очень значимому для человека случаю: выдвижения на новый пост, выборы в советы высших уровней, либо, вот как здесь, представление к высокой награде, премии и т.д.

Сведения об авторе монографии «Восстановление равновесия после выпадения вестибулярного аппарат» профессора В.П. Чекурина:

Фамилия, имя, отчество	ЧЕКУРИН Василий Петрович
Год рождения	1891
Партийность	член ВКП (б) с 1940 г.
Национальность	русский
Специальность	оториноларинголог
Ученая степень	Доктор медицинских наук
Звание	Профессор
Место работы	Кишиневский Гос. Медицинский Институт
Занимаемая должность	Заведующий ОРЛ кафедрой
Служебный адрес	Кишинев, ул. Ленина 165 Медицинститут
Домашний адрес	Кишинев, ул. Киевская № 125 кв. 1
Номер телефона	служебный 217, домашний 10 – 68

Всего 12 вопросов, а человек как на ладони. И всегда, если есть необходимость, можно связаться с ним, уточнить что-то, даются его точные координаты. А вопросы могут быть всякие. Например, почему вступил в партию только в 48 лет. Я и сына родил в этом возрасте. Созрел, значит. Иногда очень важно правильно найтись.

Отправить одну из работ первых профессоров недавно открытого института в комитет по Сталинским премиям было событием, и немалым. Поэтому и подпись директора. Все в объективке должно быть проверено и за это отвечает директор собственной персоной.

Текст сохранившегося в личном архиве документа из переписки Комитета по Сталинским премиям приводим полностью:

12 марта 1948

*Действительному члену АМН СССР
В.И.Воячке*

*З – 493 и 163
К.3 -68-64*

*При ответе
ссылаться на
наш номер*

Глубокоуважаемый Владимир Игнатьевич!

Комитет по Сталинским премиям просит Вас дать отзыв с сообщением Вашего мнения о возможности Присуждения Сталинской премии за 1947 год Чекурину В.П. за работу «Восстановление равновесия после выпадения вестибулярного аппарата» и Темкину Я.С. за работу «Воздушная контузия уха»

Ваш ответ просим сообщить к 1 апреля с.г.

Приложение: две книги.

(подлежат возврату)

Ученый секретарь комитета

Профессор

(К. Жигач)

Я привожу это письмо, потому что этот факт из биографии отца мне до сих пор был неизвестным. Хотя фамилию Жигач слышать приходилось. Мне было тогда 10 лет, и я не помню, чтобы тогда или позже этот факт хоть как-то в семье обсуждался. Мне кажется, что отец об этом дома и не распространялся. Фамилии, названные в письме, известны даже мне, не медику. Дело в том, что врачи отцовской специальности разделялись на московскую и петербургско-ленинградскую школы. Ленинградские врачи, в свою очередь, подразделялись на школу военно-медицинской академии, где главным специалистом был проф. В.И. Воячек, и школу Преображенского и Комендантова в 1-м Медицинском институте. К последней плеяде принадлежал и отец. Обязательно, кроме военных лет, хоть раз в год встречались комендантовские ученики и их имена всегда звучали в нашей семье. Еще чаще произносилась фамилия В.И. Воячек, который был «противником» отцовской школы оториноларингологов, то есть, по

некоторым теоретическим и практическим медицинским вопросам имел иное мнение. Это в науке нормально.

Хорошо помню по разговорам в семье фамилию С.Я. Темкина. Известный отоларинголог, он попал в 1953 г. в фальсифицированное дело о врачах, ибо жил на одной лестничной площадке с профессором М.С. Вовси, которого обвиняли в заговоре против руководителей страны и попытках их умерщвления. В январе их арестовали и тех, кто пережил первые допросы, в апреле выпустили. Все обвинения были сняты. В 1957 г. вышла новая книга С.Я. Темкина «Глухота и тугоухость». Примерно в эти же годы отец готовил свою книгу о равновесии, которая пока не увидела свет. С.Я. Темкин дожил до 1976 г. Среди лауреатов Сталинской премии мне его обнаружить не удалось. Чтобы что-то сказать определенное, нужно добраться до архива Комитета по присуждению Сталинских премий.

Третьим документом была очень хорошо написанная, приведенная выше рецензия профессора С.М. Рубашева, крупного ленинградского ученого и едва ли не самого авторитетного хирурга республики. Отец ведь тоже был хирургом, оперирующим все, что помещалось в гортани, пищеводе, и черепной коробке. На моей памяти, чаще всего им проводились операции при воспалении среднего уха.

Уже сложившиеся специалисты через много лет вспоминали «глубину клинического анализа» в оригинальных лекциях профессора С.М. Рубашева. Он, как и отец, участвовал в Первой Мировой войне, а также в Гражданской и Великой Отечественной войне. В Ленинграде он заведовал кафедрой общей хирургии, в Кишиневе создал и заведовал кафедрой факультетской хирургии, руководил кафедрой оперативной хирургии и топографической анатомии. Он был главным хирургом Молдавии и основателем Общества хирургов республики. Такие же звания по своей специальности имел и отец. Их что-то сближало, кроме работы в одном институте. Рубашев бывал у нас дома. Фронтовики отличали друг друга во все времена. Им было известно о жизни

и смерти то, что другие не знали.

Слева направо – будущий министр высшего образования МолдССР Василий Александрович Кердиваренко, Василий Петрович Чекурин, Александра Ивановна Чекурина (1952 г.)

Возможно, именно рецензия С.М. Рубашева и привлекла внимание к скромной, напечатанной на газетной бумаге книжке отца.

Премии отец не получил, но ему выплатили, видимо, в связи с указанными обстоятельствами, немалый гонорар – 30 тысяч рублей. Это было больше размера Сталинской премии III степени. В литературе мне

попались размеры этой премии: I, II и III степени - 100, 50, 25 тысяч рублей соответственно.

Странно, но тогда за научные издания авторы-ученые, в отличие от нашего времени, получали достойные гонорары. Может быть, дело в представлении книги на премию «высочайшего имени».

Отец к самому факту его выдвижения на Сталинскую премию никаких эмоций не проявлял. В.И. Воячек был «противником» его школы оториноларингологов и финал выдвижения на премию был, по мнению отца, предопределен. Может, поэтому он и никогда не говорил о достаточно важном факте его биографии. Может, считал это неудачей, а, может, был к этому факту искренне равнодушен. «Минуй нас, пуще всех печалей, и барский гнев, и барская любовь». Начнут заниматься твоей персоной, докопаются, что был офицером в царской армии, присягу императору давал, гимн «Боже, царя храни» пел, ордена царские получал.

Они, первые послереволюционные и послевоенные профессора, были очень скромными, преданными своему делу, большими тружениками. Отсюда и их влияние на студентов. На каждой странице книг, написанных, когда это стало возможно, их выпускниками, слова благодарности своим преподавателям иногда даже кажутся чрезмерными для вузовских преподавателей: «На учителей нам везло. По-моему, каждое поколение студентов с определенной долей нежности вспоминает своих наставников» (*Хроника одного выпуска. Кишинев, 2001. С. 348*).

Среди фотографий в семейном архиве есть студенческий кружок на кафедре ЛОР-болезней, часть из студентов продолжило профессию отца, есть фотография отца с коллегами в окружении студентов. Я почти всех помню по фамилиям и именам, столь часто называемых в нашей семье.

Не один раз в книгах о первых кишиневских выпусках врачей подчеркивается, что им повезло учиться у ленинградской профессуры. «Из профессуры грех выделить кого-то отдельно, мы можем гордиться и благодарить Бога за таких преподавателей, какие были у нас». Это пишут выпускники института, которые окончили институт 50 лет тому назад. Они многое знают о жизни, живут в разных странах, исповедуют разные религии. Им можно верить. Других, более объективных свидетелей, чем бывшие студенты, нет. Может быть, преподаватели эти высокие оценки и заслужили. Тем более, что в живых из них никого уже нет. Остались только добрая память и вот теперь напечатаны добрые слова о них. Тем профессорам, которые в очень сложных условиях, живя в разбомбленном городе, в годы, когда от голода в республике, по официальным данным, умерло более 200 тысяч человек, учили своей нелегкой специальностью полуголодных и плохо одетых студентов. Может быть, поэтому выпускники посчитали необходимым воздать должное своим преподавателям.

В Кишиневе и Филадельфии вышли книги о первых выпусках Кишиневского мединститута. Даня Хозина написала *«На практике я не раз вспоминала наших педагогов добрым словом ... Мы можем гордиться и благодарить Бога за таких преподавателей, какие были у нас. В*

повседневной врачебной практике и, работая в солидных учреждениях, я всегда убеждалась в мощи той профессиональной школы, которая нам была преподнесена на заре нашей жизни».

«Не приемлю преподавателей, исповедующих методiku репрессивной педагогики. С огромным уважением и глубоким почтением вспоминаю профессоров Б.З. Перлина, Ф.Е. Агейченко, Н.Т. Старостенко, Б.И. Шарапова, В.П. Чекурина» – пишет другой выпускник КМИ Аркадий Кириллович Цуркан.

Но все это – субъективные мнения, то комитета по премиям, то бывших студентов. Но есть вполне объективный показатель оценки специализированной кафедры. Кто, где и как продолжил профессиональную деятельность своих преподавателей.

Как автору-историку, мне удалось проанализировать по печатным источникам жизненные пути всего двух выпусков Кишиневского медицинского института. Среди них выпускники, которые не забыли свой институт и составили оригинальные книги о жизни своих однокашников. Издание 500-страничных фолиантов памяти и благодарности Alma Mater и его педагогам сам по себе факт очень значительный. Одна книга издана в США на русском языке, вторая издана в Кишиневе на двух языках – молдавском и русском.

Я прослежу судьбу первого выпуска Кишиневского медицинского института. Составитель этой уникальной книги - американская гражданка, выпускница Кишиневского института Г. Френкель. Она в Филадельфии в 2000 г. опубликовала книгу «История одного курса» с подзаголовком " Мы - выпускники КГМИ 1950 г.". Проживая в США, она связалась со многими выпускниками и опубликовала богатый материал о преподавателях и студентах, которые в 1945 г. начали обучать и обучаться в новом вузе.

Студенческий научный кружок на кафедре ЛОР болезней Кишиневского мед. ин-та. Первый ряд – в центре – проф. В.П. Чекурин, слева от него – участник войны, будущий оториноларинголог, доктор медицинских наук профессор М.Г. Сандул, во втором ряду 2-я справа Н.В. Чекурина (10 декабря 1950 г.)

С интересом можно прочесть книги о первых двух выпусках послевоенного медицинского вуза. Некоторые страницы нельзя читать без слез. Столь непроста, а порой трагична, была дорога многих студентов к своей специальности.

Среди выпускников были те, которые стали врачами, работали в разных странах оториноларингологами. Перечислению предварю несколько строк из этих книг об отцовской работе, как педагога и организатора.

Начиная «с 14 сентября 1945 г. В.П. Чекурин организовал лечебный процесс, заложил основы научной активности, лично занимаясь с больными ушными болезнями, реабилитацией функции равновесия после ранений и контузий». После войны глухих и с нарушенным равновесием было много. Именно эту преданность своей специальности восприняли студенты, и пошли за своим профессором в эту, казалось бы, узкую, но нелегкую специальность. Операции по воспалению среднего уха, чему они были свидетели, легкими не назовешь. О трепанации черепа я слышал в нашей семье не раз. В те времена для этого надо долотом пробить небольшое отверстие в кости черепа за ухом. Боль при воспалении среднего уха такая, что больной на стенку лезет и соглашается на такую операцию. Отец не один десяток раз предотвращал смерть от дифтерита. Очень простым способом. Он делал небольшой разрез ниже опухоли в горле. Опухоль вызывала удушье и, в конечном счете, смерть. Особенно страшна эта болезнь у детей. У отца была набор серебряных трубочек, которые он вставлял в этот разрез, и давал возможность ребенку дышать.

В.П. Чекурин на занятиях со слабослышащими детьми

Родители не отходят от умирающего ребенка. Появление врача со скальпелем в руке вселял ужас. Врач быстр и решителен. Времени на уговоры нет. В противном случае – близкая смерть ребенка. Операция короткая. Но операция прошла, посинение уходило, ребенок стал розоветь. Реакцию родителей, при ком отец делал эту привычную для него операцию, можно себе представить. Дальнейшее лечение сложное, но ребенка смерть уже миновала. На это нужны были секунды, точность руки хирурга и, конечно, смелость. Руки у отца были очень сильные, а характер решительный. Он шел в исполнении своего долга, как он его понимал, всегда до конца. К сожалению, для семьи эту медицинскую привычку он переносил на общественные обязанности, и за это не раз в своей жизни платил достаточно дорогую цену.

В 1949 г. В.П. Чекурин Указом Президиума Верховного Совета за выслугу лет и безупречную работу в высших учебных заведениях был награжден Орденом «Знак Почета». Это был самый хороший год в нашей жизни.

Члены его кафедры всегда отмечали, что за его спиной, работая с ним, чувствуют себя уверенными, и они всегда найдут в нем поддержку. В

медицине всякое случается, и уверенность в своем руководителе очень важна.

В личном архиве сохранилась страничка республиканской газеты о клинике профессора В.П. Чекурина. «Когда едешь трамваем до последней остановки по улице Ленина, первое что видишь – это старинное здание 1-й клинической больницы. В этих зданиях помещаются несколько клиник Кишиневского мединститута. В каждой из них профессора, аспиранты и врачи ежедневно делают операции, излечивая тяжелые болезни, восстанавливая, как строители здания, жизнь инвалидов Великой Отечественной войны. Среди этих клиник значительное место занимает клиника оториноларингологии, или, как называют в народе «клиника уха, горла и носа». Здесь профессор Василий Петрович Чекурин, который посвятил 25 лет своей жизни благородной работе, прилагает все усилия, практику и мастерство на лечение трудящихся. Свыше 10 тысяч операций сделал он в своей жизни, кроме более легкой помощи, которую он дает ежедневно советским людям. Он получает десятки писем от Общества глухонемых из всей России, от врачей и граждан. Врачи-специалисты обращаются к Василию Петровичу за советами, граждане, которые были им излечены, делились с ним своими жизненными удачами.

...Сейчас из печати Молдавского Госиздата вышла самая большая его работа «Восстановление равновесия при выпадении вестибулярного аппарата».

Сотни трудящихся Молдавии избавились при помощи профессора Чекурина и его ассистентов Владимира Васильевича Шестакова и Веры Дмитриевны Декуссар от тяжелых болезней, которыми они страдали десятки лет и не могли их излечить... В этой клинике лечится и ряд болезней, не имеющих прямой связи с ухом, горлом и носом».

Сохранилось описание своеобразного музея в клинике отца. Не знаю, говорил ли отец приведенные в статье журналисткой слова, но на нее музей явно произвел впечатление.

«Если вы хотите иметь представление о работе клиники, первым делом нужно познакомиться с ее музеем. Василий Петрович, как проводник туриста водит нас от экспоната к экспонату, показывает десятки фотографий, рисунки и рентгенографии. Экспонаты необыкновенные: куски костей широких и толстых разных размеров, от 3х2 сантиметров до размеров маленькой рыбьей кости, едва заметной глазу; открытая английская булавка с ржавыми концами; звездочка с майорского погона; 20-ти копеечная монета; кусок дерева; арбузные, подсолнечные семечки и разные другие предметы. Каждый предмет имеет свою историю и число, когда больной попал в клинику.

«Вот они лежат на столе» – рассказывает профессор, «а недавно еще каждая из них грозила человеческой жизни. Большое число из них изъяты из пищевода, трахеи и бронхов детей. Только начал жить, и вот тебе – проглотил копейку, и если ее вовремя не вынуть, то прервется жизнь. Они дороги мне, что я вовремя их изъял, и дети остались жить здоровыми.

Возможно, когда они вырастут и от родных узнают, что с ними произошло в детстве, придут, посмотрят, и не поверят, что эти вещи изъяты из их тела. Даже и нам не верится, что эта звездочка изъята из пищевода 10-месячного Сергея по фамилии Евгений из села Суслонь, или булавка, проглоченная Галиной Присекару в возрасте 1 года и 8 месяцев из г. Бельцы, а монету проглотила трехлетняя девочка Екатерина Цикл из села Пеулешть Каларашского района». Это засвидетельствовано рентгенографией и историями болезней.

Благородная работа у советского профессора. Василий Петрович занимается не только ухом, горлом и носом, но излечением других сложных заболеваний – абсцесс легкого, отравление пищевода каустической содой».

Занимался профессор и пластической хирургией. Чаще всего, он восстанавливал искореженные носы. На фотографиях обязательны изображения носа после тяжелой травмы и нос больного после операции. Были редкие удаления опухолей, от которых больной страдал долгие годы, и получивших излечение в клинике Кишиневского мединститута.

Следующий год 1950-й был не столь удачным не по врачебной, а по общественной линии. Будучи в ревизионной комиссии республиканского общества «Знание», он обнаружил факты использования денег общества «Знание» людьми, которые сами лекции не читали, но деньги за лекции получали. Это была небольшая группа людей (всего 6 человек), «аппаратчики» отдела агитации и пропаганды ЦК КП Молдавии. «Умные люди» говорили, чтобы он пропустил в своем докладе ревизионной комиссии эти факты. Тем более, что сумма, по нашим понятиям, была небольшой. Всего 60 тыс. рублей. Но он в докладе все это сказал, назвав «аппаратчиков» по фамилиям. «Я выступил на съезде с фактами в руках... Съезд закончился. Меня благодарили. Но после съезда отношение ко мне резко изменилось: меня не замечали и даже не здоровались». Сам он считал, что 1950 год был для него «трудным, но он этот год прожил с честью. Выдержал хороший экзамен как коммунист» (Из письма В.П. Чекурина первому секретарю Рязанского обкома Н.А. Ларионову). Копия письма сохранилась в семейном архиве. Было ли оно послано, мне не известно.

Я не могу сказать, что общественная работа и выступление на республиканском съезде общества «Знание» помогли в работе профессора В.П. Чекурина и его дальнейшей судьбе. В 1949 году его наградили орденом, а в следующем году прочитав на совете института какую-то жалобу на него, не избрали по конкурсу. Система работала безжалостно и безотказно. Не согласный с решением Совета, отец выехал в Москву. В Министерстве здравоохранения СССР ему сказали, чтобы он не обращал внимания, возвращался в Кишинев и продолжал спокойно работать, соответствующие указания будут даны. Но что-то не давало ему покоя, и он отказался от возвращения в Кишинев.

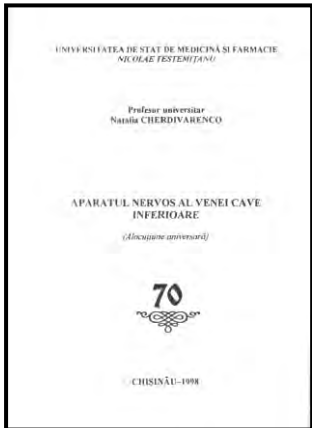
Следующий 1951-1952 учебный год наша семья начинала в Рязани. У отца был выбор. В Министерстве здравоохранения СССР ему предложили кафедру в Белоруссии. Вакантными были кафедры ЛОР-болезней в

Ярославле и в только что переведенном в Рязань 3-м Московском медицинском институте. В семье были за переезд в город на Волге Ярославль, но отец выбрал Рязань на Оке.

По воспоминаниям сотрудников кафедры, много лет спустя, когда отец уже уехал из Кишинева, в клинику продолжали приходить и обращаться за помощью больные по совету прежних отцовских пациентов. На кафедре ЛОР–болезней его сменил профессор Н.И. Михайлоец, а затем в 1953 г. – профессор А.А. Гладков. В 1950-е гг. защитили кандидатские, а затем и докторские диссертации сотрудник отцовской кафедры М.Г. Загарских и его ученик, активный член студенческого кружка отоларингологии А.М. Сандул. Специалисты первых двух отцовских выпусков продолжали его дело в лечебных заведениях Молдавии, в других республиках и странах.

В Кишиневском медицинском институте в зале заседаний Ученого Совета и сегодня висит портрет профессора В.П. Чекурина, который вместе с другими посланцами России в очень трудных условиях, создали медицинский институт в освобожденной от фашистов Молдавии.

В этом учебном заведении 60 лет преподает моя сестра Кердиваренко (Чекурина) Наталья Васильевна, доктор медицинских наук, профессор. В 2012 г. ее наградили высшим орденом Молдовы – «Ordinul Republicii» (Орден республики). На заседаниях Сената, так теперь называется Совет университета, она садится под портретом отца. Ей кажется, он помогает ей.

	
<p>Высший орден Молдовы – «Ordinul Republicii» (Орден республики)</p>	<p>К 70-летию Н.В. Кердиваренко</p>

УЧЕНИКИ И ПОСЛЕДОВАТЕЛИ КАФЕДРЫ ЛОР КГМИ

Так вот, специальностью оториноларингологией у отца овладели и потом доказали свою профессиональную пригодность почти на всех континентах следующие студенты первого выпуска. Одновременно сообщаю, что я о них знаю по их анкетам, опубликованных в разных книгах о выпускниках института. Выявленные их нравственные позиции – достойное продолжение их учителей.

Ливентинский Липа Ильич, 1921 г. рождения, спортсмен. Волейболист и баскетболист - ЛОР-врач в Братушанах Молдавской ССР, главный врач, зав. отделением. С 1990 г. работает в Израиле, где, как известно, медицина стоит на высоком уровне. Его кредо: никогда не терять надежды, помогать тем, кому хуже, чем тебе, и сохранять чувство юмора.

Лернер Фаня Овсеевна. Работала в Кишиневе. С 1990 г. живет в Израиле. Кредо: Вера, Надежда, Любовь.

Серебрянникова Марьяна Израилевна, 1928 г. рождения. Работала в 1951–1953 гг. в Дубоссарском районе Молдавской ССР ЛОР-врачом в республиканской больнице. Автор 11 печатных работ. С 1991 г. живет в Израиле. Кредо: в юности – любовь к родине, в зрелые годы – святость семьи, сейчас – здоровье родных и мир в Израиле.

Сержанту Василий Иванович, родившийся в Румынии в селе Реча Рышкановского района. После окончания института выбрал для специализации ЛОР-болезни, затем работал в РКБ г. Кишинева. Служил он и в Венгрии.

Тихомиров Л.И. – оториноларинголог, заслуженный врач Молдавской ССР. Похоронен в Кишиневе.

Урфшер (Грайсман) Евгения Наумовна, «наша мудрая Энни» почти 30 лет проработала в ЛОР-отделении 4-й городской больницы Кишинева. У нее есть опубликованные труды по специальности. Ко дню 50-летия со дня окончания института она уже 13 лет работала в Израиле. Ее кредо: бороться и побеждать – жизнь стоит этого. Она полна жизни, читает, вышивает гобелены, любит театр.

Шамхалова (Тытюк) Роза Амирджанова, оториноларинголог высшей категории. Родилась в Пятигорске, приехала в Кишинев вместе с институтом из Кисловодска. Работала в Молдавии в Камкенском районе с. Дерменжил. Отличник здравоохранения. Продолжает работать по специальности в Пятигорске. Кредо: порядочность, верность семье, преданность друзьям.

Янкелевич (Пекер) Фрида родилась в Румынии. 24 года работала во второй городской больнице Кишинева по ЛОР-врачом. В 1974–1993 гг. работала по специальности в Израиле. Живет в Канаде. Кредо: отсутствие несчастья – счастье. Вера в физические и духовные силы человека, красоту и величие природы.

Книга о первом выпуске КМИ издана в Филадельфии, ее автор **Г. Френкель** давно живет в США, лучше знает своих зарубежных однокашников. От случая к случаю, они даже имели возможность собираться вместе в разных странах. Переписывается с кишиневскими однокурсниками.

По материалам о втором выпуске Кишиневского медицинского института удалось собрать данные еще о 8 врачах, продолживших дело отца, то есть, ставших оториноларингологами. Судьбы у всех разные. Среди них – участники Великой Отечественной войны, сельские врачи, доктор медицинских наук, профессор и очень продвинутые в своей специальности врачи. Большинство из них работали и работают в Молдове и странах СНГ.

Сохранилась фотография кружковцев отца 1950 или начала 1951 года. Судьбу двоих из них – Р.И. Кодицы и М.Г. Сандул – в семье слышал неоднократно.

Роза Ивановна Кодица, молдованка по национальности, родилась в Тирасполе. В 1946 г. поступила в КМИ. Занималась в кружке профессора В.П. Чекурина. Выбрала специальность ЛОР–врача. Затем обучалась в клинической ординатуре Карагандинского мединститута, работала на той же кафедре. Причина переезда в Казахстан – место работы мужа. С 1960 г. работала в Московском онкологическом институте ЛОР–онкологом, радиологом. Врач высшей категории. Последнее место работы – институт онкологии.

Второй – на фотографии сидит рядом с отцом **Михаил Георгиевич Сандул**. В 1941 г. добровольцем ушел на фронт. Был дважды ранен, имел 10 правительственных наград, в том числе Орден Великой Отечественной войны. Специальность свою выбрал еще, будучи студентом, был активным членом кружка по ЛОР – болезням.

Все отмечали, что отец, очень немногословный и даже иногда жесткий человек, к участникам войны относился по-особому, как к больным-фронтавикам, так и к студентам-фронтавикам. Тех, кто прошел фронт, он выделял и не стеснялся это всегда показывать. Выделял их из остальных, и все.

Мне об этом рассказывал много лет спустя известный журналист и мой соавтор по одной важной газетной публикации о болгаро-русских связях Геннадий Карпушкин, лечившийся в клинике отца в Рязани. У него после войны был сильно поражен слух, отцу удалось смягчить фронттовую травму. Для фронтавиков в клинике он создавал особые условия, отнюдь не материальные, таких возможностей было мало, а отношением к ним.

В год окончания института его кружковцем М.Г. Сандулом, отец, переехав в другой город, уже не мог активно влиять на его судьбу. М.Г. Сандул закончил клиническую ординатуру, защитил кандидатскую диссертацию еще при жизни отца. Он стал первым кандидатом медицинских наук среди молдаван. О защите докторской диссертации своего выпускника В.П. Чекурин уже узнать не мог. В 1963 г. его не стало.

М.Г. Сандул, автор 90 работ, был замечательным хирургом и преподавателем. Его сын Александр увлекся специальностью отца. В истории кафедры читаем: «Большой вклад в развитие клиники внес покойный профессор М.Г. Сандул». Сын М.Г. Сандула, **Александр Михайлович** тоже оториноларинголог. Он – директор ЛОР–клиники, профессор, доктор медицинских наук. В его клинике «ведут прием врачи-отоларингологи, наделенные как высоким профессионализмом, так и человеческими качествами: сострадание и готовность помочь больному. Многие изменилось в Молдавии. На кафедре А.М. Сандула работает академик АНР Молдовы, два профессора, 4 доцента и 3 доктора медицины». В описании Республиканской клинической больницы и клиники оториноларингологии (ЛОР) есть страница истории: «ЛОР–клиника была

открыта при РКБ в сентябре 1945 года на 30 коек, а спустя месяц стала базой для кафедры медицинского института. Организатором и первым заведующим стал профессор В.П. Чекурин».

Никогда не знаешь, чем слово наше отзовется. Отец владел искусством гипноза, знал значение слова и считал, что им можно поддержать, а можно и убить. Своих учеников он поддерживал всемерно.

Врач-оториноларинголог **Б.Й. Бруфман** после окончания института работал в детской республиканской больнице г. Кишинева. Он иногда бывал у нас дома, я его помню. Высокий, красивый, улыбчивый.

Оториноларинголог, подполковник медицинской службы **А.В. Кочеткова** за свою работу награждена восемью медалями.

О.М. Красильщик 32 года работала ЛОР-врачом в с. Дурлешты, в детской больнице г. Кишинева. В 1995 г. эмигрировала в США.

Матусевич Матус Иосифович воевал еще в советско-финскую войну на Карельском перешейке. Был отправлен в долгосрочный отпуск. Видимо, по ранению или обморожению. Но с начала Великой Отечественной войны ушел добровольцем на фронт. Воевал на Центральном, I Прибалтийском, Калининском фронтах. Имеет Орден «Красной звезды» и медали «За оборону Москвы», «За победу над Германией». Работал оториноларингологом в г. Бельцы, преподавал в медицинском училище.

И.А. Пащенко, украинец, участник войны, служил в 160 авиационном полку военным фельдшером. После окончания института работал врачом оториноларингологом в больнице и поликлинике МВД.

Аделаида Пащенко – врач оториноларинголог первой категории. Работала в 6-й поликлинике г. Кишинева.

«Учителя открывают дверь, но войти в нее должен сам» - эту китайскую мудрость хорошо осознали самые искренние послевоенные выпускники медицинских вузов. Именно они оставили самые добрые слова о своих наставниках по жизни и специальности.

«Мы с почтением и благодарностью вспоминаем заведующих кафедрами детских болезней проф. В.Л. Стыриковича, глазных болезней проф. И.Н. Курлова, психиатрии А.М. Молохова, гигиены профессора Никогоняна, профессора ЛОР-кафедры В.П. Чекурина, патофизиологии проф. Л.Е. Ермолаева... зав библиотекой, которая ценой невероятных усилий ухитрялась в круговороте смен циклов обеспечивать группы учебниками».

Страны разные, а нравственные ценности – христианские. Это очень объяснимо. У нас был официальный атеизм. Одновременно совсем неплохо преподавали русскую классическую литературу. Русская классическая литература вся основана на христианских ценностях. Русскую литературу интеллигенция знала хорошо, поэтому переход к христианству в наши дни произошел естественно и незаметно.

Но продолжу цитировать студентов послевоенных лет.

«Мы преисполнены благодарностью, и память о них сохраним в самых заветных уголках своих сердец. Тогда на 32 кафедрах нашего лечебного факультета было 134 преподавателя, в том числе 20 докторов наук. Мы чтим их имена, сохраняем в нашей памяти лица и образы, запомнившиеся фразы, мысли. Они заложили в нас основы медицинских знаний, зажгли любопытство к происходящему, научили тому особому свойству, которое зовется врачебным мышлением. У жизни много учителей, но они были первыми и главными, а мы были усердными слушателями».

Мне кажется, что так может чувствовать только бескорыстный советский студент. Спасибо ему за искренность и глубину осознания смысла и значения жизни. «Чти отца и мать свою» – эта христианская заповедь относится и к нашим учителям. Забывать эту вечную заповедь нельзя. В любой компании бывших студентов всегда один из тостов – за учителей.

РЯЗАНСКИЙ МЕДИЦИНСКИЙ ИНСТИТУТ ИМ. АКАДЕМИКА И.П. ПАВЛОВА

Мы приехали в Рязань в самом начале послевоенного подъема Рязанской области, во главе которой стал талантливый руководитель А.Н. Ларионов. Один за другим возникают в Рязани новые крупные промышленные предприятия. В 1950 г. был открыт Рязанский медицинский институт им. академика И.П. Павлова, в следующем году первый набор студентов осуществил Рязанский радиотехнический институт. Большие изменения происходят в промышленности, сельском хозяйстве, культуре области.

В городе строится библиотека Рязанского Горкома КПСС, лекторий на Советской площади, в проекте – новое здание драматического театра и областной библиотеки, дощатый летний театр в городском парке за шесть месяцев превратился в современный, действующий и ныне, концертный зал им. С.А. Есенина. Открывается выставка народного хозяйства и сад юннатов, благоустраивается набережная реки Трубеж и облагораживаются берега исторической речки Лыбедь. Все это было выполнено в кратчайшие сроки. А первым в этой череде событий было открытие памятника И.П. Павлову в городском парке. Это стало большим событием. Такого количества ученых светил доселе в Рязани не было. Делегацию ученых возглавлял академик Л.А. Орбели. Наша семья любила гулять в парке напротив памятника. Там были традиционные для Рязани цветники и парковые посадки сирени, каштанов, елей, берез и лип. Не менее интересными были прогулки в Городской роще, с прудами и лодочными станциями. Мы любили сосновый бор в Солотче, лиственный Луковский лес и прогулки в цветущие луга после громадных окских разливов. После 12 лет жизни в республиках, где отец был востребован как специалист, наша семья вернулась на свою историческую родину.

В архиве медицинского института сохранен приказ об утверждении В.П. Чекурина членом Совета института. Вместе с ним в состав Совета

вошли Б.М. Соколов, М.А. Егоров, М.Н. Шишкин, Н.А. Троицкий. Б.П. Кириллов, А.Д. Чепелев. Приказ был подписан 20 ноября 1951 г. заместителем министра высшего образования СССР В. Елютиным. Почти все названные в приказе жили в доме 17^а на Советской площади.

Сохранилась фотография выпуска ординаторов апреля 1953 г. и преподавателей кафедры болезней уха, горло и носа – профессор В.П. Чекурин, доцент В.А. Никитин, доктора В.А. Приданцев, Г.И. Дроздов, ассистент А.М. Сыч, среди клинических ординаторов – Г.И. Егорова и З.С. Чуканова. З.С. Чуканова долгое время успешно работала на ЛОР-кафедре. Первая из ординаторов кафедры защитила кандидатскую диссертацию. Удивительно отзывчивый человек, она пользовалась любовью больных и коллег. Навещала Зинаида Сергеевна и нашу осиротевшую семью, всегда откликнулась на просьбы о медицинской помощи.

В газетах тех лет сообщалось о первых новостройках мединститута. На территории больницы им. Семашко строится аудитория на 300 мест с подсобными помещениями для практических и семинарских занятий, лабораторий. Это помещение было предназначено, главным образом, для шестикурсников, с которыми и работал отец. Предмет «оториноларингология» преподавался на выпускном и предвыпускном курсе. Был также заложен 24-квартирный дом для профессорско-преподавательского состава. Это второй дом профессоров в Рязани.

Последнее ... всегда печальное слово. Первая – перспектива, будущее. Последнее есть последнее. В жизни отца это пришлось на Рязанскую землю. Предки наши жили в Спасске на речке Студенец в Шацком уезде. А современный Шацкий район, правда, в других границах, входит в Рязанскую область. Сейчас город, где жили наши предки – в Пензенской губернии, там же и архивы этого города, лишь случайно часть метрических книг Спасска (Пензенского, Тамбовского) сохраняются в Рязанском архиве. Фактически наша семья вернулась к своим истокам. После Кишинева у отца был выбор – Ярославль или Рязань, и еще Минск в Белоруссии. Он выбрал Рязань.

Много знаковых событий было в биографии отца. Большую роль в его жизни сыграл Л.Е. Комендантов, в его жизни много значил Ленинград и ленинградцы, половину своей вузовской жизни В.П. Чекурин работал в институтах, носящих имя академика И.П. Павлова.

Навоевавшись за долгие четыре года, вместо фронтов Гражданской войны он в 1918 г. поступает на медицинский факультет. Хотя ему легче было двинуться по проторенной колее, продолжать привычное дело войны, но он выбрал другой путь. В годы, когда он учился в Перми, Пермский университет, то ли в шутку, то ли всерьез, называли филиалом Петербургского или Петроградского университета. Там работали многие петербургские профессора.

В дальнейшем так случилось, что отец начал научную карьеру в Первом Ленинградском медицинском институте, которому в 1936 году присвоили имя И.П. Павлова. В это время Чекурин был ассистентом на кафедре ЛОР-болезней, возглавляемой Л.Е. Комендантовым.

Последний медицинский институт в его жизни, где он стал заведовать кафедрой оториноларингологии, носил тоже имя академика И.П. Павлова. Трое Чекуриных окончили медицинский институт: дочь Наталья Васильевна Чекурина – в Кишиневе. Ныне она – доктор медицинских наук, профессор. Его внуки – Дмитрий Чекурин и Ольга Чекурина окончили РМИ. Мой дед – И.И. Петров окончил медицинский факультет университета, родная тетка – медицинский факультет Московского университета. Двоюродная сестра окончила 2-й Ленинградский медицинский институт. Наши близкие родственники: Ирина, Станислав Молостовы-Пуховы, Александр, Михаил и Александр Мартыновы окончили Рязанский медицинский институт.

*Во дворе клиники (справа – В.П. Чекурин)
(Рязань, 1955 г.)*

Всего Чекуриных и их родственников в Рязанском медицинском институте обучалось около десяти.

Поколение наших отцов, ничего не скопившее и не оставившее никакого «материального» наследства для своих семей, оставило, на мой взгляд, самое главное – свое доброе имя и систему образования, в том числе, систему медицинского образования. Может быть, это поколение было более счастливым – они, создавая вузы, создали своим трудом плацдарм для будущего и овеществовали в них память о себе. Они, может быть, не создали материального благополучия, но сумели создать духовный храм заботы о человеке и его здоровье. Хорошо бы новое поколение врачей поддержать и материально.

В Кишиневском медицинском институте в зале заседаний Ученого Совета и сегодня висит портрет профессора В.П. Чекурина, статьи о нем помещены в книгах о Кишиневском медицинском институте. В Ташкенте на вводной лекции по оториноларингологии обязательно, как этап развития специальности, называется кафедра ЛОР-болезней, которой в 1939–1945 гг. заведовал профессор В.П. Чекурин.

В литературе, в статье доктора В.А. Приданцева, есть некоторые статистические данные о ЛОР-кафедре и клинике, когда там работал В.П. Чекурин. Отмечены некоторые особенности работы ЛОР-врачей. Для ушных больных, например, обязательным являлось обследование вестибулярного и кохлеарного аппарата. Использовался опыт ленинградских и московских ЛОР-клиник. Послевоенное поколение, мягко говоря, было не очень здоровым, сказывались последствия войны, ранений и контузий. Находящихся на излечении в ЛОР-клинике достигало в отдельные годы 700 человек (580 больных в 1951 г.; 690 – в 1952 г.). Значительно снизилась смертность: в 1950-е годы по сравнению с первыми послевоенными годами в 3,7 раза. В стационаре проводилось ежегодно более 500 операций (в 1951 г. –

552, в 1952 г. – 530, в 1953 г. – 512). При амбулаторном лечении ЛОР–врачи проводили ежегодно свыше 200 операций. Кафедра и ЛОР–клиника вели большую работу по подготовке квалифицированных кадров врачей-оториноларингологов. На территории больницы им. Семашко имелись учебные аудитории, в которых проводились практические занятия со студентами старших курсов.

После ухода В.П. Чекурина на заслуженный отдых заведующей кафедрой была избрана профессор И.Г. Козлова, которая заведовала кафедрой до 1964 г. Недавно мне пришлось побывать на территории больницы им. Семашко. В реконструированном помещении современной кафедры оториноларингологии и глазных болезней, возглавляемой оториноларингологом профессором В.И. Паниным, очень многое изменилось к лучшему.

ПРОФЕССОРСКИЙ ДОМ НА СОВЕТСКОЙ ПЛОЩАДИ

Жилой дом, построенный в 1949–1950 гг. обувной фабрикой «Победа Октября», был передан Рязанским горсоветом переведенному в Рязань Московскому медицинскому институту для размещения преподавателей.

Этот четырехэтажный дом стал в те годы самым именитым зданием в Рязани не по архитектурным достоинствам, а по количеству ученых, живших в нем, числу написанных и изданных книг, защищенных диссертаций, прочитанных лекционных курсов, изобретений и патентов, объему личных библиотек.

Начну с нашей квартиры № 97 на третьем этаже дома 17^а на Советской площади. Первой насельницей этой квартиры, вернее одной из двух ее комнат, была знаменитая изобретательница «Круцина». Препарат «КР» назван по фамилиям супругов – микробиолога Н.Г. Ключевой и цитолога Г.О. Роскина. По мнению Нины Георгиевны Ключевой, это было верное средство против злокачественных раковых клеток. Г.О. Роскин был более осторожен в оценке препарата. Ключева обращалась по своим проблемам к главному идеологу партии А.А. Жданову, докладывала о результатах своей работы и своих идеях в Академии медицинских наук и даже на Политбюро в присутствии И.В. Сталина. Тот сказал, держа их книгу в руках, которую для этого случая издали ограниченным тиражом, что этот труд бесценный. Проект получил высочайшую поддержку.

К несчастью, ее идеями заинтересовался посол США в СССР Смит и американские ученые, которым она с разрешения Минздрава передала рукопись неизданной книги и несколько пробирок с новым препаратом в надежде на скорую публикацию книги и всемирную славу. Передала, конечно, не безвозмездно. Не для себя, для дела. В ответ на этот дар ученых принимающая сторона (США) обещала любую помощь для реализации планов ученых. Этого требовали от американского правительства большие этим страшным недугом. В то время это было расценено как антипатриотический поступок, нанесший урон государственным интересам.

Уже построенный лабораторный корпус для предполагаемого Института экспериментальной патологии и терапии рака Ключевой не достался, ей оставили лишь лабораторию в составе нового института. Ключева предпринимает новую попытку сохранить автономию своего дела и посылает в Совнарком проект организации «Социалистического Города», тысяч на 200 жителей где-то на Валдайской возвышенности, в местности, свободной от онкологических заболеваний. Проект был отвергнут, а 22 сентября 1951 г. было принято решение о закрытии ее лаборатории. Беспокойная профессор Н.Г. Ключева оказалась вместо собственного города, построенного вокруг ее научно-исследовательского института, на кафедре микробиологии в Рязани.

Неисповедимы пути господни. Мы с мамой почти 20 лет прожили в «ключевской комнате». В продолговатой комнате с одним окном было 14 квадратных метров, в ней жили три поколения моей семьи, родился внук Василия Петровича – Дмитрий.

Об истории с «Круцином» знали тогда все медики. В их среде читалось специальное письмо. Дело Ключевой и Роскина, и упоминаемого выше наркома Г.А. Метерева, разбирал общественный суд чести, на котором они были обвинены в антипатриотических и антиобщественных поступках. Это стало началом компании по борьбе с космополитизмом.

1952–1953 гг. были очень сложными в жизни нашей, и не только нашей, семьи. Это время продолжения борьбы с несуществующими ведьмами. Отца вдруг заподозрили и обвинили в Вейсманизме – Морганизме, в защите «лженауки» – генетики. Об этом даже написала областная газета «Сталинская знамя». В этой же газете критиковали крупного ученого П.К. Анохина, ректора института Е.Н. Ковалева и парторга В.М. Уткина. Упоминались и другие профессора. Мама очень испугалась этих нескольких строчек об отце в газете. Но этот легкий испуг отодвинули другие события, к которым не хочется возвращаться даже мысленно. Одно из критических замечаний в адрес отца (оно касалось общественной работы в областном обществе «Знание», где он возглавлял медицинскую секцию) было помещено в газете с публикуемым правительственным сообщением о «кремлевских врачах–убийцах». Рядом с этим материалом одно только упоминание фамилии профессора, возглавлявшего медицинскую секцию, звучало зловеще. Это могут понять только те, кто жил в то время.

Жители нашего дома на Советской площади пережили тяжкие дни. Репрессивные органы создали и раскручивали «дело врачей-убийц». Так или иначе, каждый из жителей нашего дома был знаком, лично, по работе, по научным интересам с ведущими медиками страны, обвиненными в страшных преступлениях. Наш дом словно вымер. В квартирах не зажигали свет. Никто ни с кем не разговаривал. Ужас объял обитателей дома. Для них очень многие фамилии были знакомы. Были среди арестованных уже упоминаемые оториноларингологи Яков Соломонович Темкин и Давид Иосифович Зимонт. В 1947 г. Темкин вместе с В.П. Чекуриным выдвигался в Сталинские лауреаты. Еще с одним обвиняемым он вместе работал на одной кафедре в Ростове и Ташкенте – это Давид Иосифович Зимонт.

В этот страшный для врачей год умерла наша бабушка Александра Павловна в Саратове. Отец в это время лежал после первого инфаркта в 8-м корпусе больницы им. Семашко. Нам с мамой нужно было решить вопрос о поездке на похороны. Забота об отце легла на меня, школьника. Отец разрешал его навещать два раза в неделю. В воскресенье и четверг я покупал кефир и еще что-то и отправлялся в 8-й корпус больницы им. Семашко. Отец очень тревожился и спрашивал о маме, почему ее так долго нет. Мы с врачами договорились не сообщать ему о смерти бабушки Александры Павловны, чтобы не волновать больного. Но вышло хуже, он добивался моего ответа, что с мамой. Маму по договоренности с врачами отпустили на похороны в Саратов. В конце концов, я сказал, что она в Саратове на похоронах. Он успокоился. Бабушке было больше 80 лет. Как больной, отец был абсолютно не капризным. Ел вареную свеклу и то, что я ему приносил. Ни на кого он не жаловался. В больнице к нему относились очень хорошо.

В нашем доме жили первые ректоры института.

Ефим Никифорович Ковалев - первый ректор (1950–1953 гг.) жил в двухкомнатной квартире на втором этаже. Он принимал отца, которого знал еще по службе в Ленинграде, на работу. Он, как мог, поддерживал отца, у которого обострились сердечно - сосудистые заболевания, окончившиеся уже при следующем ректоре инфарктом.

Лев Северьянович Сутулов – ректор в 1953–1961гг. жил на первом этаже в нашем же подъезде. Примерно, в одно и то же с нами время он жил в Ленинграде. Л.С. Сутулов учился и работал в Военно-медицинской академии. А в Рязань он приехал из Средней Азии из Сталинабада и был первым заведующим кафедрой гистологии. Там публично отрекался от «генетиков».

Может быть, поэтому для отца он был «не очень понятным и ясным человеком». Возможно, это субъективный взгляд. Я привел строчку из кратких биографических записок отца. Первое заседание Ученого Совета, на котором обсуждался отец и его одна «безыдейная» лекция о слуховой функции, ничем не закончилось. Директора института Е.Н. Ковалева на Совете не было. Недостаточно было «обвинительного» материала, и тогда именно Л.С. Сутулов предложил не завершать вопрос обсуждением на этом Совете, а перенести на следующий, чтобы подготовиться, как следует, и тогда вынести нужное (заказанное) решение. Заключительного слова обсуждаемого лишили. Эта же единственная лекция обсуждалась по инициативе парторга В.М. Уткина на партийном бюро и собраниях. В конце этого «марафона» у отца и случился инфаркт.

В 1954 г. к Л.С. Сутулову на защиту докторской диссертации приезжала в Рязань Ольга Борисовна Лепешинская. Ее, по тем временам роскошная машина ЗИМ много часов или даже дней, стояла у нашего дома на Советской площади. Отношение к ней в нашем доме было, мягко сказать, неоднозначно. Профессор В.А. Виленский назвал ее эксперименты грязными. Дело в том, что она из неживого вещества получала клеточное живое. Об этом эксперименте тогда знали даже школьники. Профессор В.А. Виленский

считал, что пробирки, в которых проводился опыты, были недостаточно чистыми. Он не верил, что таким простым способом (раздробив в ступке желток до уровня неклеточного) можно затем из этого «неклеточного» получить клеточное вещество.

О.Б. Лепешинская – фигура в биологических кругах одиозная. Она не так известна, как Т.Д. Лысенко, но ее роль в биологической науке Сталинского периода была одной из главных. Она боролась за торжество Сталинской биологии с «вейсманизмом-морганизмом», в поддержку которого обвиняли моего отца. В Рязани к О.Б. Лепешинской официальный институт отнесся с большим почтением. На страницах областной газеты был опубликован ее портрет на заседании Верховного Совета РСФСР, где она сидит рядом с профессором Г.Г. Щеголевым, который тоже был депутатом Верховного Совета РСФСР.

Что касается меня, я дружил с сыном Л.С. Сутулова Юрием Львовичем Сутуловым. Он был уже студентом мединститута, очень интересным и открытым в общении человеком. Он был старше нас. Он и сын профессора В.А. Виленского Герман были частью моей жизни. Мы общались постоянно, занимались фотографией, бывали друг у друга дома. Я много узнал от Юрия Сутулова интересного и полезного, и до сих пор очень сожалею, что он уехал из Рязани. С его первой женой Галей, в девичестве Самохиной, мы продолжаем иногда созваниваться. Ее отец – Герой Советского Союза А.Н. Самохин, а бабушка – родственница первой жены писателя К. Паустовского Е.С. Загорской. Г.А. Самохина – хороший глазной врач, мгновенно вылечила моего сына Дмитрия от многомесячного конъюнктивита и весьма простым способом, доходчиво объяснив несведущим молодым родителям, как правильно надо закапывать ребенку глазные капли.

Дом Самохиных – не единственная достопримечательность Советской – Соборной площади. Рядом с Домом профессоров было небольшое каменное здание дореволюционной женской тюрьмы. В 1950–е годы в ней жили люди, они даже населяли сырые подвалы дореволюционной тюрьмы. А во дворе этого густонаселенного дома стояли голубятни. Утеха тех лет и для детей и для взрослых. Я, вселившийся в квартиру в новом доме сразу по приезду, перед насельниками бывшей тюрьмы чувствовал себя виноватым. А ребята этого дома относились к нам вполне нормально, видимо, понимая значение наших родителей.

Напротив, через дорогу, располагалось небольшое, но архитектурно интересное здание гауптвахты. Далее, за бывшей женской тюрьмой, располагалась довоенная 4-я школа. В годы войны в ней был развернут госпиталь. Только в 1947 г. в это здание вновь вернулась школа. В актовом зале школы я вместе с одноклассниками слушал лекцию отца «Ангина и ее лечение». Отец свободно ходил по сцене, немного волнуясь в не очень привычной для него аудитории, объяснял старшеклассником, что происходит с организмом, когда болит горло. В школе было 8 девятых классов, поэтому зал был полон и слушали внимательно.

Дальше за школой был просторный и очень уютный деревянный дом. Собственно школа была построена на месте сада – усадьбы владельцев этого деревянного дома. Много лет в нем жили супруги Дрелинг. Сам Павел Павлович Дрелинг был первым и самым знаменитым рязанским врачом-оториноларингологом. Он вел частную практику по болезням уха, горла и носа, а также по глазным болезням. В доме был врачебный кабинет, где он принимал больных. В приемной, где больные ожидали врача, были журналы, книги, обязательные подшивки «Нивы», энциклопедии, собрания сочинений русских классиков. Доктор в своем доме организовал доступную для людей библиотеку. С доктором Дрелингом связаны еще два адреса. До своего деревянного дома он занимал второй этаж длинного каменного здания на Почтовой улице (современный дом № 16). В 1900-е годы он вел прием в платной лечебнице доктора Правдолюбова на Дворянской, ныне – улица Полонского. Именно там впоследствии были кафедры нормальной физиологии, которой несколько лет заведовал профессор П.К. Анохин, и нормальной анатомии, которой заведовал профессор Б.М. Соколов. К семье Дрелинг принадлежит известный телеведущий, известный всем по передачам «В мире животных» Николай Николаевич Дроздов. Он поддерживает связь со многими «московскими рязанцами» или «рязанскими москвичами», неоднократно бывал в рязанских весях, а в годы войны подолгу.

Напротив дома вкусно пахла лаком обувная фабрика «Победа Октября», а иногда не очень приятно – резиновым клеем, который варили на фабрике. На ней шили черные тапочки и солдатские сапоги. Она появилась здесь еще в годы Первой Мировой войны. В прошлом – это здание Присутственных мест, в котором до революции располагались все губернские учреждения. В это здание ходил или ездил на работу исполняющий обязанности председателя Казенной палаты великий русский сатирик Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин.

Но главное было то, что наш дом находился под сенью Рязанского Кремля. Из окна нашей квартиры был виден Кремлевский вал, основные храмы Кремля, разлив Оки. Мы находились в нескольких минутах ходьбы от исторического Трубежа и огромного Успенского собора XVII века, построенного крепостным архитектором Яковом Бухвостовым.

В жизни отца всегда присутствовал Петербург – Ленинград. Через этот город для В.П. Чекурина прошли все мыслимые и немыслимые границы – научные, архитектурно-строительные, духовные. В Рязанском кремле есть абсолютно петербургский силуэт – колокольня Успенского собора. Заключительный ярус колокольни и шпиль – творение одного из знаменитых архитекторов Ворониных – одновременно напоминает петербургские силуэты. С моста от Васильевского острова с Английской набережной виден шпиль Петропавловской крепости и адмиралтейская игла. Шпиль колокольни рязанского Успенского собора гармонично сочетается с петербургскими силуэтами. Больше нигде, кроме Петербурга и Рязани, нет такого шпиля, иглы и колокольни.

Возможно, эти подробности и не обязательны в биографическом очерке, но это та культурная среда, в которой жили сами профессора, и воспитывалось следующее поколение – поколение, участвующее в перестройке нашей жизни. Они, осознавая необходимость перестройки и всевозможных изменений, не отрицали заслуг и роли своих отцов. Среди них, детей тогдашних профессоров, только на моей памяти более десяти докторов и кандидатов наук.

Анатолий Александрович Никулин, ректор в 1961–1983 гг., жил в этой же холодной квартире на первом этаже. Под квартирой была котельная. К этой квартире прибавили четвертую комнату. Именно в ней всегда до поздней ночи горела зеленая настольная лампа. Все знали, что после трудного ректорского дня Анатолий Александрович работает над докторской диссертацией. Я был очень близок не лично, а по работе в Совете ректоров, с этим замечательным организатором медицинского института. Он за свои ректорские годы построил целый медицинский городок. Хотя это и противоречит правилам топонимики (наука не рекомендует давать имена людей улицам), я голосовал за присвоение одной из улиц Рязани имени профессора А.А. Никулина, когда этот вопрос обсуждали на комиссии по присвоению названий городских объектов (топонимическая комиссия) администрации г. Рязани.

Все руководители города и крупных предприятий и учреждений, вузов входили в ныне очень раскритикованную, а на самом деле очень практичную «номенклатуру». Лет двадцать я входил в рязанскую советско-партийную номенклатуру. Она, эта «номенклатура», обязательно собиралась на партийные пленумы и конференции, на сессии городского, районного и областного Советов. Это были «многочасовые посиделки». Иногда они нас не касались, обсуждали то химизацию, то механизацию сельского хозяйства. Но мы были в курсе всех дел города и области. В 1970-е годы чаще всего к выступлениям на отчетных конференциях от вузов, отдел школ Рязанского обкома КПСС для выступлений готовили А.А. Никулина, как ректора мединститута, и меня, как парторга пединститута. Я входил в ректорский резерв и в 1980 г. был переведен в Московский институт культуры для организации в Рязани крупного филиала. Заботы у ректоров сходные, то не хватает площадей для учебных занятий, то нет денег на доленое участие для строительства квартир для преподавателей, то деньги есть, а горисполком квартир не выделяет и т.д. А.А. Никулин строил учебные корпуса и общежития очень оригинальным и, конечно, никому, кроме него, недоступным способом. Он один использовал очень важный ресурс. В медицинском институте училась дочь первого секретаря Рязанского Обкома Н.С. Приезжева. Училась она хорошо, защитила кандидатскую диссертацию.

Благодаря своему уму, недюжинным дипломатическим, а, главное, организаторским способностям, А.А. Никулин строил огромные корпуса «в кредит». Строители начинали стройку и доводили ее до почти полной готовности. Дальше А.А. Никулин привозил самого крупного чиновника, ведавшего в Минздраве строительством, и показывал ему чуть-чуть

недостроенный корпус. Вузы тех лет почти не имели влияния на строителей и выделенные на строительство деньги, как правило, не осваивались. Этим и пользовался А.А. Никулин. Чиновник в изумлении взирал на очередной, почти достроенный корпус. Он сразу понимал, что «внеплановое» рязанское строительство, доведенное до конца, исправит невыполнение плана по строительству других объектов медицины, поправит общий показатель Минздрава и задним числом открывал финансирование для очередной рязанской стройки.

Наверное, у Анатолия Александровича были и другие секреты. Мы можем предполагать, что перед началом очередной стройки был визит ректора к первому секретарю Рязанского Обкома Н.С. Приезжеву с предложением начать строительство нового учебного корпуса, а у того – серьезный и суровый разговор со строителями об открытии еще одного внепланового объекта. Те начинали строить вполне законно, как задел на будущий год, а вопрос финансирования решался чуть позже. Часто внеплановые объекты перегоняли плановые. Так или иначе, Никулин сделал очень большое для Рязани и России дело, построил необходимую базу для медицинского института на родине И.П. Павлова. Вряд ли эти обстоятельства были опубликованы. Он мне рассказывал об этом лично. Я понимал его и думаю, что он очень правильно использовал возможности системы для развития российского здравоохранения. Роль личности в истории общепризнана, а в здравоохранении – тем более. В непростом деле строительства много секретов, ими и владел профессор А.А. Никулин. Но одно качество руководителя было просто необходимо – преданность своему делу.

Когда я сам стал заниматься организацией нового открытого в Рязани института культуры, А.А. Никулин находил возможность помочь нам лекционными аудиториями. Помогал он и советами, в том числе объяснял мне некоторые свои шаги по развитию материальной базы вуза.

Наши студенты занимались в помещении мединститута на улице Полонского. Как-то он предложил, то ли в шутку, то ли всерьез, для лекций небольшой зал в тогдашнем морге, размещавшимся на улице Либкнехта, в бывшей богодельне купца Мальшина. Но наши преподаватели и студенты идти в морг учиться и учить не захотели, говорили, что им туда еще рано, а в анатомическом театре или в соседних помещениях на улице Полонского спокойно занимались.

Я бы не рассказывал бы об этом, если бы не знал, как катастрофически обстояло дело с учебными помещениями в Рязанском медицинском институте, куда был избран по конкурсу мой отец. Эту горькую историю мне рассказал удивительный человек, заместитель председателя Рязанского Облисполкома Прокоп Васильевич Кочетков. Это было во времена легендарного А.Н. Ларионова. По Сталинской мысли юбилей И.П. Павлова решили отметить переводом в Рязань, на родину академика 3-го московского медицинского института. Воля вождя – закон. Но кроме воли нужны помещения для учебы, квартиры для преподавателей и общежития для

студентов. Все это решить должен был А.Н. Ларионов, а исполнить по долгу службы на посту – зам. председателя Рязанского Облисполкома П.В. Кочетков. Ему были даны большие полномочия. Высокая комиссия должна была принять материальную базу института. От начала XX века в Рязани остались здания Салтыковского лазарета, построенного в 1908-1914 гг. по проекту архитектора Д.Е. Виноградова в стиле неоклассики. Здания Салтыковского лазарета, где излечивались раненые в Первую Мировую войну, знаменито еще и тем, что их посетил последний император России Николай II.

В этих зданиях расположились впоследствии некоторые кафедры, в том числе и новая ЛОР-кафедра В.П. Чекурина. Ему первоначально был выделен кабинет «для профессора». Если помните, его кишиневская кафедра в полуразрушенном бомбежками Кишиневе располагалась в полуподвале. А в Рязани она располагалась на втором этаже двухэтажного здания красного

кирпича, построенного в самом начале XX века. Помещение для кафедры было пристроено позже.

*Осмотр больного проф. В.П. Чекуриным
(Рязань)*

Для комиссии были подготовлены, кроме Салтыковского лазарета (больница им. Семашко), и другие помещения, предполагаемые, но это не обязательно, что отданные, открывающемуся мединституту. В каждой точке, куда приезжала комиссия, были накрыты столы. По окончании «обследования» материальной части института помощник А.Н. Ларионова позвонил В.П. Кочеткову, приглашая его в обком партии доложить о вердикте высочайшей комиссии. В.П. Кочетков это сделать отказался, просил перенести доклад на утро. Звонков было несколько. В конце концов, позвонил Кочеткову сам Н.А. Ларионов. Тот твердо ответил: «Приду и доложу завтра утром». Он все сделал правильно. Комиссия требовала к себе повышенного внимания и формально с ней иметь дела было нельзя. В.П. Кочетков умел располагать к себе людей. Его речь была полна народного юмора. Знал огромное количество забавнейших и поучительных историй из жизни. В общем, он комиссию покорила своей незаурядной личностью и убедил, что в Рязани с материальной частью все в порядке для открытия нового института. Хороший обед и ужин при этом не исключался. Явиться пред светлые очи начальства и доложить о победе в этот вечер физически, понятно почему, не мог. Я, может быть, не обратил бы на эти детали внимания, но сам был причастен к визиту личного представителя министра на предмет осмотра материальной базы вновь открываемого в педагогическом институте факультета физического воспитания. Показ помещений был таким же, как описанный в мединституте. Я показывал все

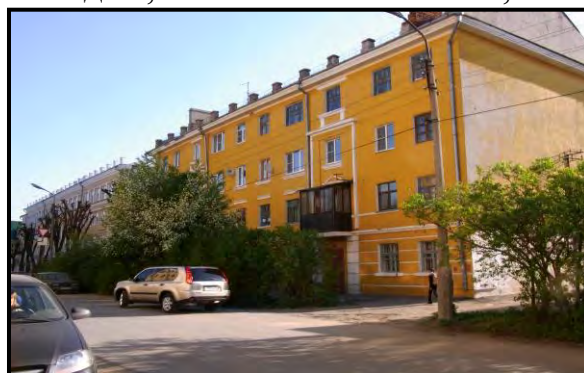
спортзалы, и даже бассейны города. Впечатления и вердикт комиссии были положительными.

Утром состоялся доклад. Материальная база института была принята комиссией. Оставался дом, где будут жить преподаватели института. Тот самый, о котором речь идет в этом разделе – Дом на Советской площади, в просторечье в Рязани он назывался «Дом профессоров». В каждой столице (Рязань ведь тоже «во времена оны» была столицей) есть такой знаменитый дом. В Ленинграде - это знаменитый «Дом академиков» на Васильевском острове. На нем 29 мемориальных досок. В этом доме и музей-квартира академика И.П. Павлова.

В Рязанских масштабах именно такой дом, ныне почти забытый, стоит на Советской площади.

Советская пл., д. 17 а

В год открытия института этот дом достроился и был сдан фабрикой «Победы Октября» для своих сотрудников. Других домов в этом году, по-видимому, в городе не сдавали. В.П. Кочетков своей властью у обувной фабрики дом отобрал и расселил там приехавших московских профессоров. Впоследствии жилье, отобранное у фабрики, было Рязанским горсоветом возвращено. В одной из этих квартир поселилась и наша семья. Кочетков вспоминал, что этим шагом прекратились всякие добрые отношения с Министром легкой или обувной промышленности. Эта была большая потеря для Рязани. Зато воля Сталина была выполнена и 3-й Московский институт прочно осел в Рязани и ныне здравствует, пережив уже свой 60-летний юбилей на Рязанской земле.

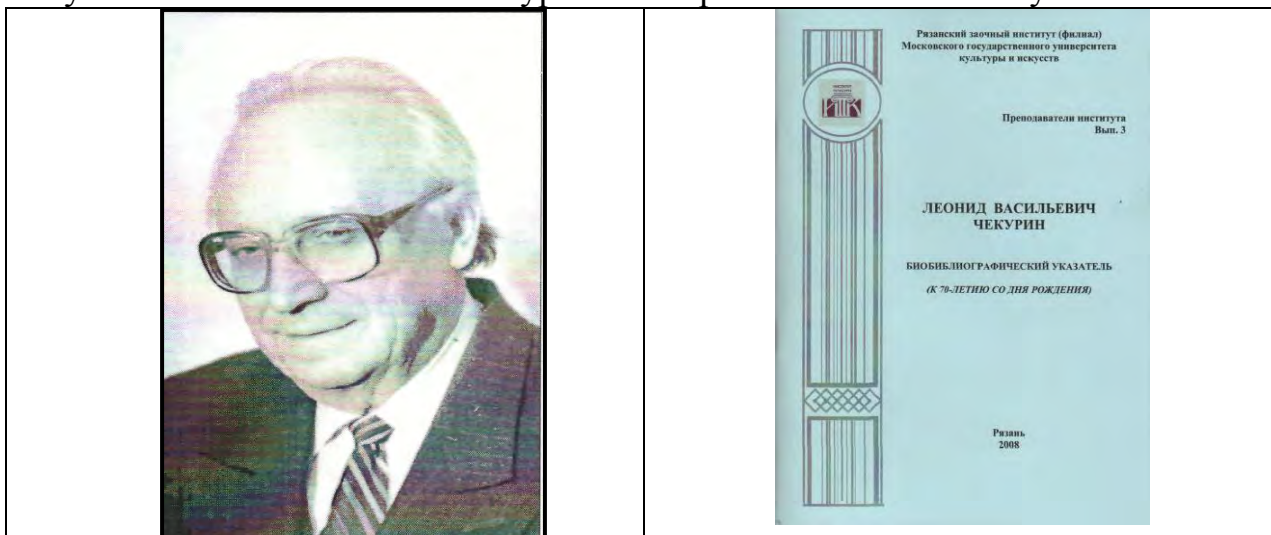
Рязанский мед. ин-т им. И.П. Павлова. Кафедра ЛОР болезней. Выпуск субординаторов 1953 г. В первом ряду в центре – проф. В.П. Чекурин. В верхнем ряду слева и справа клинические ординаторы Егорова и З.С.Чуканова

Нужны были еще общежития для студентов. Ведь с институтом приезжали московские студенты. Я знаю два не очень приспособленных помещения для общежития, где в старых и неблагоустроенных домах тогда жили студенты. Дом на Кольцова, где жили студентки, и дом на улице Фурманова, в котором хозяевами были студенты. Последние помещения когда-то принадлежали женскому монастырю, а затем в них был открыт первый концлагерь в Рязани. Молодость заменяет многие неудобства коммунальных и других условий.

Столовая для студентов была открыта на углу улиц Ленина и Маяковского, в доме, построенном еще в XIX веке торговцем мясом Рюминым. Но мясом в нем не пахло. Владелец дома студентов не особенно интересовал, а вот на свои обеды студенты жаловались. Кормили в столовой неважно. Страна только вставала после войны на ноги. Со студентами тех лет я общался мало, больше после того, как они стали сами профессорами. Один из них, глубоко почитаемый в Рязани, профессор Анатолий Федорович Белов. С ним и его дочерью Ольгой Анатольевной, ныне работающей над докторской диссертацией, мы провели немало часов, конструируя многотомную «Рязанскую энциклопедию», второе издание которой увидело свет в 1999–2002 гг. Со вторым профессором - Юрием Борисовичем, сыном знаменитого хирурга Б.П. Кириллова, я играл в баскетбол и сейчас при встрече мы искренне радуемся и обнимаемся. Один сезон мы студентами играли за общество «Буревестник» и выиграли чемпионат области. Все спортсмены нашего поколения безвозмездно пользуются вниманием Юрия Борисовича, его бескорыстной медицинской помощью и участием. Он стал очень значительной фигурой в современном медицинском мире.

Мы очень сердечно встречаемся с детьми профессора Г.А. Узбекова, ныне тоже профессорами, московским профессором Маратом Узбековым и рязанским профессором Лялей Узбековой. Мы знакомы с детства и поэтому зовем друг друга по имени. Высокие профессиональные качества и успехи, она соединила с занятиями историей науки, рязанским краеведением, многие годы мы совместно работали над томами «Рязанской энциклопедии».

С учеником профессора В.М. Уткина, недоброхота моего отца, парторга той эпохи, беспощадно критиковавшего отца за «вейсманнизм», профессором Игорем Михайловичем Мировым, нас связывает взаимный интерес к гуманитарным и медицинским наукам, многолетняя дружба и сотни километров байдарочных походов по речке Пра, что протекает в Окском заповеднике. Отношения наших старших профессоров нас не очень трогает. У нашего поколения есть свои ценности, нас не разделяет генетика или «социальные» заказы номенклатуры. Мы более свободны и независимы от утопий и лживых номенклатурных авторитетов. И слава Богу!

Краткие сведения о жителях дома на Советской площади:

Владимир Александрович Жмур (05.07.1899 – 1976) – зав. каф. факультетской хирургии в 1951 – 1956 гг.

Григорий Николаевич Смирнов (20.07.1889 – 06.03.1977) - зав. каф. акушерства и гинекологии в 1951 – 1964 гг.

Нина Георгиевна Ключева (1899 – 1971) - член- корреспондент АМН СССР (1945) - зав. каф. микробиологии в 1950 – 1953 гг.

Василий Петрович Чекурин (20.04.1891 – 13.07.1963, Рязань) - зав. каф. оториноларингологии в 1951 – 1956 гг.

Руфина Ароновна Патушинская (14.01.1898 – 08.01.1962) - зав. каф. педиатрии в 1951 - 1962 гг.

Борис Михайлович Соколов (03.01.1895 (н.ст.) – 13.06.1971) - заслуженный деятель науки, зав. каф. нормальной анатомии в 1951 – 1971 гг.

Гали Арсланович Узбеков (15.10.1904 – 01.05.1974, Рязань) - зав. каф. биохимии в 1952 – 1974 гг.

Василий Федорович Широкий (05.03.1903 – 05.11.1983)- член-корреспондент АМН, заслуженный деятель наук РСФСР, д-р биол. наук, зав. каф. нормальной физиологии в 1952 – 1975 гг.

Николай Алексеевич Ананьев (10.12.1901 – 15.9.1959) - зав. каф. организации здравоохранения и истории медицины в 1950 – 1959 гг.

Вениамин Аркадьевич Виленский (1899-1970) – д-р хим. наук, зав. каф. неорганической химии в 1950-1959 гг.

Григорий Григорьевич Щеголев (19.12.1882, Ницца, Франция – 19.12.1956, Рязань) - зав. каф. биологии в 1950 - 1956 гг.

Лев Наумович Карлик (11.06.1898 – 21.10.1975) - д-р мед. наук, зав. каф. патофизиологии в 1950 – 1968 гг.

Николай Алексеевич Троицкий (1896 – 15.10.1964, Рязань) - зав. каф. пропедевтики внутренних болезней, затем - госпитальной терапии в 1951 – 1964 гг.

Евгений Сергеевич Медведев (1899-1958) - участник Великой Отечественной войны, зав. каф. пропедевтики внутренних болезней в 1952-1958 гг.

На первом этаже жила семья доцента **М.Н. Шишкина**, зав. каф. политической экономии в 1951-1957 гг. Его дочери закончили РМИ: Лариса (несколько лет сотрудник Министерства здравоохранения РСФСР), Людмила (преподаватель медучилища), а сын Владимир - радиотехнический институт.

В последующие годы в доме на Советской площади жили:

- семья благородных и очень знающих терапевтов **Низовых**,

- энциклопедически образованный, интереснейший лектор и собеседник

Е.А. Шапошников,

- крупный и ныне здравствующий философ, профессор **Ю.И. Семенов**,

- Римма Николаевна Реброва - заслуженный деятель науки, зав. каф. микробиологии в 1966 – 1991 гг.,

- Анатолий Федорович Белов - зав. каф. нормальной физиологии в 1975-1999 гг.

Аббас Мехти Оглы Талышинский (1924 –2005) - зав. каф. ЛОР болезней в 1964 – 1989 гг.

О каждом из названных профессоров я могу написать не одну страницу, с ними я встречался и после смерти отца, и продолжаю дружить с их детьми.

С Р.Н. Ребровой я был соседом по этажу в «Доме профессоров» более десяти лет. Мы ездили с ней из Рязани на Украину на 100–летие Черновицкого университета как представители ученой российской вузовской общественности, и как представители города - побратима. Поездка в Прикарпатье была незабываемой. Были в деревне, где родилась София Ротару, в ущелье на речке Виженка. Памятники природы вполне конкурентны с уникальным зданием Черновицкого университета. Р.Н. Реброва была делегатом XXVI съезда КПСС. Мы приглашали ее для выступлений перед студентами. Она очень хорошо, просто зажигательно, говорила. Мы были участниками многих значительных рязанских событий, областных и городских партийных конференций. Она, как и другие профессора, принимала непосредственное участие в медицинском образовании моих детей, и я очень им благодарен. Я хорошо знаю ее дочь Елену – ныне московского профессора.

Дом на Советской площади заслуживает общественного внимания и должен быть отмечен мемориальной доской, и может быть, не одной. Там жили профессора- участники Великой Отечественной, Первой Мировой и других войн, первые организаторы самых важных структур нового вуза – ректоры, деканы, заведующие кафедрами. Участие в создании вуза, то есть важной предпосылки будущего страны, дело Богу угодное.

Мне осталось только написать о последнем годе или о нелегких последних годах жизни отца. Он много раз лежал в больнице. Первоначально эта был 8-й спецкорпус в больнице им. Семашко, затем - обычная многокочечная палата городской больницы. Он мужественно переносил больничные неудобства. Ни одного слова недовольства или жалобы я от него не слышал. Ровно в 65 лет его больше не избрали на должность заведующего кафедрой оториноларингологии. Ему унаследовала на кафедре московская профессор И.Г. Козлова.

Вдруг выяснилось, что все, что он умеет - лечить, оперировать больных, читать лекции по своей специальности студентам, больше не востребовано обществом. А больше он ничего делать не умел и не хотел. У него не было дачи, у него и хобби была та же работа. Осталась квартира с библиотекой, черно-белый телевизор и пишущая машинка, прогулка по рязанской набережной. Полное забвение со стороны коллег. О нем в его болезнях и немощах заботилась Александра Ивановна Чекурина,

разделившая с ним, как и полагается в русской семье, все тяготы последнего десятилетия его жизни. Сестра жила в другой республике. Я, как и отец в свое время, пропал на работе. А затем переехал на квартиру к жене, где реально мог помочь только что родившемуся сыну.

Возвращусь к приведенному в предыдущей главе письму отца, его мысли о константе, о восполнении жизненных утрат.

Лично его одолевали сердечные недуги. Инфаркт – это не болезнь, это часть биографии. Печально, но приближалась физическая немощь. Зато радовали первые успехи в науке детей. Его дочь Наталья Васильевна, по мужу Кердиваренко, преподавала в Кишиневском медицинском институте, работала над кандидатской диссертацией. Бывая в медицинских библиотеках в Москве, хоть на несколько дней она заезжала в Рязань с первым внуком Василия Петровича - Сергеем. Он тоже будет профессором, защитит докторскую диссертацию по искусствоведению, он - автор многих книг. Подошло время защиты диссертации дочери. Это произошло в 1961 г. Можно было радоваться. Важное дело - в надежных руках. Встреча дочери с академиком В.В. Куприяновым в качестве научного консультанта и заведующего кафедрой завершилась изданием солидной монографии «Иннервация нижней полой вены» (Кишинев, 1979). Успешно была защищена диссертация на степень доктора медицинских наук на тему «Нервный аппарат нижней полой вены как инструмент регионарной интеграции» (1977). В 1989 г. Н.В. Кердиваренко было присвоено почетное звание «Заслуженный работник народного образования Молдавской ССР». Н.В. Кердиваренко награждена высшими орденами республики «Gloria Vuncii, Ordinul Republicii», медалью «Meritul civis». Молдавский язык принадлежит к романским языкам. Знающие латынь медики в переводе не нуждаются.

Сын после общественной комсомольской работы, которая его увлекла, наконец, поступил в аспирантуру, первые научные статьи по истории он опубликовал еще в студенчестве. Жаль, что не медик. Но должен же хоть кто-нибудь разобраться в сложностях прошлого, перипетиях российской жизни. В студенчестве сам В.П. Чекурин знал и учился у великих русских гуманитариев Семена Франка, Александра Любищева, в Перми начинал свою педагогическую работу будущий академик историк Б.Д. Греков. Можно было завидовать их могучему интеллекту и оптимизму. Пусть один в семье будет не лечить, а учить понимать смысл жизни. Профессор, как знал, собирал книги не только по медицине, но и по истории, они теперь пригодятся сыну.

Мой отец дожил до второго внука Дмитрия Чекурина, который окончил, как и его младшая сестра Ольга, медицинский институт. Был хорошим детским рентгенологом в 6-й детской поликлинике, но потом бури нового времени изменили его судьбу. Он был избран первым заместителем председателя Рязанского городского Совета.

Его сестра Ольга Леонидовна Мартынова (Чекурина) продолжает работать врачом–терапевтом, имеет авторскую программу по гастроэнтерологии. Жаль, что часть событий произошла уже за пределами земной жизни профессора.

Ольга Леонидовна Мартынова (Чекурина) на 20-летию выпуска (2014)

Моя сестра, профессор Кердиваренко–Чекурина, ученица известного анатома В.В. Куприянова, летом обязательно приезжала в Рязань с сыном Сергеем и с мужем Василием Александровичем Кердиваренко, министром образования Молдавской ССР, профессором. Обычно удавалось найти дом в деревне и питание в оздоровительном студенческом лагере, где я учился в аспирантуре, а потом работал. В этот несчастный для нас год сестра повезла отца с верной ему мамой в деревню Лаптево Клепиковского района Рязанской области. Там был прекрасный лес и лесное озеро. Но сил дойти до озера у отца уже не было. Его терзали сердечные недуги. Таблетки ему уже не помогали, да их, кроме нитроглицерина, и не было тогда. При очередном сердечном приступе Наташа и ее муж Василий Александрович на машине отвезли его в Клепиковскую больницу. Там он и умер от четвертого инфаркта. Наташа была с ним до последнего часа. Врач ее отпустил к малолетнему сыну в деревню, но тут же позвал и вернул в палату к отцу. Отец уже ушел из жизни, когда ему было 72 года. После вскрытия врачи удивились, как он с такими сосудами мог дышать и жить. У отца была сильная воля. Он почти не лечился. Как врач, он прекрасно все осознавал. Он умер в здании старой, еще дореволюционной уездной земской больницы. В таком же уездном городе, где и родился. Про него нельзя сказать: родился в провинции, а умер в столице. Он начал свой жизненный путь в уездном городе, много лет жил и работал в столицах и завершил свою жизнь в русском районе центра, в русской глубинке. Малые русские города и есть Россия. В районной больнице его окружали заботой, вниманием и теплотой. Но сердце отказалось дальше служить.

Любой семье в этом случае нужна помощь. Врачи районной больницы оказали ее в полной мере. Мы помним эту чуткость и благодарны им. Врачи знали, что в их больнице умер профессор В.П. Чекурин. Машина больницы привезла тело в Рязань.

Я был в это время с двухлетним сыном Димой и женой Светой в лугах у Оки, под Рязанским кремлем. Нас отыскала Ирина, двоюродная сестра Светы, студентка мединститута, сказала, что с отцом плохо. Я бросился домой, застал уже процедуру замораживания. Два дня отец пролежал дома, пока все устроили. Мы с сестрой, слава Богу, что она была в Рязани, мотались по городу, утрясая вопросы похорон. В те времена это было сложно.

Я приехал на только что открытое Сысоевское кладбище. Простор, на границе горизонта синел лес. Хоронить на старых рязанских кладбищах мне уже приходилось. Все было очень тесно, разрушались соседние захоронения. Странно, мне пришелся по душе простор нового кладбища, как последней юдоли отца. Сейчас это кладбище уже переполнено и закрыто. Там могилы большинства отцовских коллег. Неподалеку могила Г.А. Узбекова. Мы оказались во втором квартале нового Сысоевского гражданского кладбища. В июле в институте никого, ни студентов, ни преподавателей не было. Отца вместе с нами провожала вдова самого знаменитого рязанского оториноларинголога Павла Павловича Дрелинга - Александра Владиславовна. Она трогательно несла горшочек с цветком. Ей было лет восемьдесят. Нам помогал ее зять - народный артист Белорусской ССР Л.В. Любимов с сыном Львом, моим сокурсником и близким другом, ныне крупном ученым-экономистом, наши соседи по дому Анна Ивановна и Иван Михайлович Костюковы. Иван Михайлович - инвалид войны, бывший председатель колхоза. Долгое время он вместе с сыновьями работал в котельной в «Доме профессоров». Венок от Мединститута привез председатель профкома на кладбище, когда уже формировали могильный холмик. Но на поминках доброе слово об отце от института было сказано. Спасибо!

Скромную могилу помогли обиходить его глуховатые пациенты. На обновленном памятнике Василию Петровичу Чекурину высечен солдатский георгиевский крест, а на памятнике Александры Ивановны Чекуриной - Петровой - православный крест. Каждый несет свой крест.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ, НАУЧНОЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В.П. ЧЕКУРИНА

1891 г., 7 (20) апреля	В.П. Чекурин родился в г. Петровске Саратовской губернии. Из крестьян Тамбовской губернии
1909 г.	Окончил реальное училище в г. Петровске Саратовской губернии
1908 г.	Начало трудовой деятельности в качестве репетитора. Выдержал испытание на вольноопределяющегося 2 разряда при 2-й Саратовской гимназии
1912 г., декабрь	Призван на действительную военную службу
1914 г., 12 декабря	Участвовал в боевых действиях против Австро-Германии. Ранен в боях под Варшавой. Награжден Георгиевским крестом
1915 г.	Находится на излечении в госпиталях Варшавы и Петрограда
1916 г., 7 апреля	Окончил Ораниенбаумскую школу прапорщиков Произведен в прапорщики приказом по Петроградскому военному округу
1917 г.	Командир роты 300 пехотного запасного полка Убыл в действующую армию. Младший командир пулеметной роты 30 – го полка 61 дивизии 6 Армии
1917 г .	За отличие в бою 29 июля награжден орденом Св. Анны; степени с надписью на холодном оружии «За храбрость» Член полкового комитета
1917, сентябрь	Председатель полковой комиссии по выборам в Учредительное собрание
1917, октябрь	Командирован а Армейскую комиссию по выборам в Учредительное собрание
1918,15/28 февраля	По приказу по 61-й пехотной дивизии назначен в состав комиссии для ликвидации и сдачи дел 30 стрелкового полка
1918, март	Самодемобилизация 30-го полка и возвращение на родину в распоряжение Петровского уездного воинского начальника, г. Петровск Саратовской губернии
1918, сентябрь	Поступил на медицинский факультет Саратовского

	университета
1920	Переехал в г. Пермь и продолжил обучение на медицинском факультете Пермского университета
1922–1923	Будучи студентом, работал на ЛОР кафедре проф. Л.Е. Комендантова
1923, 17 июня	Окончил медицинский факультет Пермского университета
1923, август-1924, июнь	Работал научным сотрудником клиники Донского университета, г. Ростов на - Дону
1924–1929	Заведующий Петровской рабочей амбулатории, врач уездной больницы
1926	Опубликована первая научная работа в «Вестнике Рино-ляринго-отиатрии»
1929, 25 декабря-1931, 1 января	Зав. ЛОР отделением, г. Новочеркасск
1930–1939 гг.	Работал в институте оздоровления детей и подростков и ассистентом в Первом Ленинградском медицинском институте
1932-1933 гг.	Организатор первых в стране слуховых классов при нормальных школах для тугоухих детей в целях восстановления слуха и освоения программного школьного материала
1933-1938 гг.	Опубликована серия статей и брошюр о лечении тугоухих детей Избран от профессорско-преподавательского состава, студентов и служащих 1–го Ленинградского Медицинского института заместителем председателя участковой избирательной комиссии по выборам в Верховный Совет СССР
1937, 31 октября	Выступает с докладом «Метод лечения тугоухих детей на опыте Ленинграда» на V съезде оториноларингологов
1938, 25 февраля	По сумме научных работ присвоена ученая степень кандидата медицинских наук
1938 г.	Начал читать лекции по ЛОР специальности
1939 г.	Защитил докторскую диссертацию
1939 г., 29 июня	Утвержден в степени доктора медицинских наук
1939 г., 1 августа–1945	Заведующий кафедрой болезней уха, горла и носа в Ташкентском медицинском институте им. В.М. Молотова
1940 г., 17 марта	Утвержден в звании профессора кафедры болезней уха, горла и носа
1940 г., 19 декабря	Указом Президиума Верховного Совета Узбекской ССР награжден значком «За активное участие в строительстве Большого Ферганского канала имени тов. Сталина»
1940 г.	Вступил в партию ВКП(б)
1940 г., 16 ноября-1941	Первый заместитель наркома здравоохранения Узбекской ССР

1941 г.	Доклад на Среднеазиатском съезде невропатологов и психиатров
1942–1943 гг.	Работа в клинике и на кафедре совмещалась с работой в госпиталях
1943 г., 7 января	Награжден Почетной Грамотой Верховного Совета Узбекской ССР «За активное участие в строительстве Северного ташкентского канала «За родину»
1943–1944 гг.	Зам. зав. отделом школ и вузов ЦК КП Узбекистана
1945 г., 14 сентября–1951 г., май	Зав кафедрой Кишиневского медицинского института
1945 г., 7 ноября	Благодарность за организацию Государственного Кишиневского медицинского института, за проявленную трудовую доблесть в организации научно-педагогического процесса и за обеспечение начала учебного года
1945 г., 6 июня	Указом Президиума Верховного Совета СССР награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.». Медаль вручена от имени Президиума Верховного Совета 29 июля 1946 г.
1946 г., 16 марта	За хорошую организацию проведения и участие в научно-исследовательской работе и первой научной сессии директором И.Х. Сарочан объявлена благодарность
1946 г., 30 апреля	За образцовую работу объявлена особая благодарность
1947 г.	Организует общество оториноларингологов Молдавии, первый председатель общества
1947 г., 1 мая	За отличную работу объявлена благодарность
1948 г., 1–10 июня	Принимает участие в научной сессии оториноларингологов в г. Москве
1947-1949 гг.	Избирается парторгом клинических кафедр КМИ, членом партбюро КМИ, членом Красноармейского РК КП Молдавии г. Кишинева
1948 г., 6 ноября	За большую проделанную работу и активное участие в общественной жизни объявлена благодарность
1949 г., май	За большую работу в деле оказания высококвалифицированной медицинской помощи населению МССР объявить благодарность
1949 г., май	Участие в научной сессии института оториноларингологии в г. Ленинграде
1950 г., февраль	Конференция оториноларингологов г. Москва
1949-1950 гг.	Председатель секции научных работников республиканского комитета профсоюза медработников
1949 г., 12 октября	За образцовую работу объявлена благодарность

1949 г., ноября	30	Награждается Верховным Советом СССР Орденом «Знак Почета»
1951 г., январь		Участствует в расширенном пленуме Всесоюзного общества отоларингологов в Москве
1951 г., 12 мая		На основании приказа зам. министра здравоохранения СССР от 12 апреля 1951 г зав. каф. В.П. Чекурина направлен в распоряжении Министерства Здравоохранения
1951 г., августа–1956 г., 1 сентября	1	Зав. кафедрой оториноларингологии в Рязанском медицинском институте им. акад. И.П. Павлова
1951 г., ноября	20	Утвержден членом Ученого Совета Рязанского медицинского института
1951 г. 1952 г.		Участствует в съезде оториноларингологии в г. Ленинграде Избирается зав медицинской секцией в областном обществе «Знание» Выступает с докладом на первой научной конференции, посвященной диспансеризации населения г. Рязани в Рязанском медицинском институте им. акад. И.П. Павлова
1953 г., 27 июня		1955 Завершает монографию «Роль коры головного мозга в функции вестибулярного аппарата при его раздражении»
1956 г., сентября	1	Пенсионер
1963 г., 13 июля		Скончался в г Спас-Клепики Рязанской области. Похоронен в Рязани на Новогражданском Сысоевском кладбище

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ ТРУДОВ В.П. ЧЕКУРИНА

*Мудрость – это не морщины,
а извилины и знания.
Изречение медиков*

О туберкулезе носовой перегородки (Доложено в Петровской научной конференции 29 октября 1926г.) // Вестник Рино-ляринго-отиатрии. - 1926.- № 6. - С. 11–13.

Физическое развитие и состояние здоровья слабозрячих детей (Состояние у них ЛОР органов) // Сборник института ОЗДиП. - Л., 1933.

К вопросу о взаимоотношениях верхних дыхательных путей и глаз у слабозрячих школьников // Сборник института ОЗДИП.- Л., 1933. – С.20–24.

Аккомодитивные движения барабанной перепонки // Сборник института ОЗД и П.- Л., 1933.

Опыт изучения физического развития и здоровья детей в связи с политехнизацией школы // Сборник института ОЗДиП «Политехнизация и здоровые кадры» - Л., 1933.

Влияние производственного шума на орган слуха рабочих подростков // Сборник института ОЗДиП «Рабочий подросток и борьба за здоровые кадры». - Л., 1933. – С. 139–146.

Отологические основы организации слуховых классов тугоухих детей при нормальных школах // Журнал Ленинградского Практического института уха, горла, носа и речи. – Л., 1933.

Основные отологические принципы организации классов для тугоухих детей при нормальных школах // Сборник ленинградского института по болезням уха, горла, носа и речи. – Л., 1933.

Тугоухие дети // Жизнь глухонемых. – Л., 1933. - № 9 и №10

Тугоухим детям специальных классов // Журнал глухонемых. – 1933. - № 10.

План развития ОРЛ в Ленинграде и Ленинградской области в Ленинграде во второй пятилетке// Сборник Научно-практического института уха, горла, носа и речи. – Л., 1933.

Задачи, принципы и методы врачебно-консультативного подбора в школы и на производства // Сборник института ОЗДИП. - Л., 1934. - (В соавторстве).

Методика работы ОРЛ кабинета в детской поликлинике // Сборник института ОЗДИП «Детская поликлиника». - Л., 1934.

Итоги двухлетней работы с тугоухими // Сборник института ОЗДИП.- Л., 1935. – С. 97–111.

Глухонемота, глухота и тугоухость // Сборник статей.- Л., 1936.

Метод лечения тугоухих детей по опыту Ленинграда // Сборник трудов V съезда оториноларингологов - Л., 1936.

Примерная программа бесед по гигиене ушей и верхних дыхательных путей с детьми первых трех классов при массовых школах. – Л., 1936.

О синергизме секреторной функции верхних дыхательных путей и желудка // Журнал болезней уха, горла и носа. - Харьков, 1937. – С. 419–421.

Оздоровление тугоухих детей при обучении в слуховых классах // Сборник ОРЛ клиники 1–го Ленинградского мединститута им. И.П. Павлова. – Л., 1937. - С. 153–173.

Значение состояния возбудимости коры головного мозга при раздражении периферических нервных окончаний носа // Журнал носовых, горловых и ушных болезней.– Харьков, 1937. – Вып 5.- С. 571–572.- (В соавторстве с С.Л. Левиным).

Вопросы компенсации статокINETической рецепторной системы при выпадении вестибулярного аппарата: дис. д-ра мед. наук. – Л., 1938. - 305 с.

1–й Ленинградский Медицинский Институт им. И.П.Павлова.
Вопросы компенсации статокINETической рецепторной системы при выпадении вестибулярного аппарата: тезисы к диссертации на соискание ученой степени доктора медицинских наук / В.П. Чекурин; оторинологическая клиника I ЛМИ (зав. - проф. Л.Е. Камендантов). - 9. II. 1939. – 4 с. Тираж 120 экз.

Компенсация статокINETической рецепторной системы при выпадении вестибулярного аппарата. Предварительное сообщение // Кафедра носовых, горловых и ушных болезней Ташкентского медицинского института. – Ташкент, 1940. - С. 101–104.

К вопросу о механизме нарушений слуховой функции и клиника тугоухости и глухоты после контузии: Тезисы доклада на Первой научной сессии Кишиневского медицинского института (1946 г.) // Сборник трудов Кишиневского медицинского института. – Кишинев, 1947. - С.340-341.

О восстановлении равновесия при выпадении вестибулярного аппарата. - Кишинев, 1947.- 158 с.

О комплексной статокINETической системе // Сборник трудов Кишиневского медицинского института. - Кишинев, 1947.

Участие зрения в сохранении равновесия (Доложено в Центральном научно-исследовательском институте оториноларингологии Министерства Здравоохранения РСФСР) // III сборник научных трудов Кишиневского мединститута. – Кишинев, 1951.

Значение состояния возбуждения коры больших полушарий при раздражении вестибулярного аппарата // Сборник Рязанского медицинского института им. акад. И.П. Павлова: тезисы.- Рязань, 1952.

О диспансеризации больных хроническим тонзиллитом // Тезисы докладов на первой научной конференции, посвященной диспансеризации населения г. Рязани (26 июня 1953 г.). - Рязань, 1953. - С. 41- 44.

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ РУКОПИСИ, ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ НА КОНФЕРЕНЦИЯХ, ЗАСЕДАНИЯХ ЛОР ОБЩЕСТВА:

О камнях слюной железы.

Отологические указания сурдопедагогам при обучении в классах тугоухих детей.

Рентгенография и заболевания придаточных полостей носа.

Аккомодативные движения барабанной перепонки

Как выбирать профессию в связи с болезнями уха, горла и носа.

О филогенетическом развитии вестибулярного аппарата (1937 г.).

К вопросу о роли коры больших полушарий в стато-кинетической системе (Доложено на научной конференции ЛОР клиники, 1937 г.)

О комплексной стато-кинетической системе (1938 г.).

Значение коры больших полушарий в стато-кинетической системе (Доложено на средне-азиатском съезде невропатологов и психиатров, 1941 г.).

К вопросу о стойких стенозах гортани и их лечение после трахеотомии у раненных в гортань бойцов (Доложено на заседании ОРЛ – общества, 1942 г.).

Значение коры больших полушарий в статокинетической системе (Доложено на Среднеазиатском съезде невропатологов и психиатров). - Ташкент, 1941.

Об инородных телах в трахее и бронхах по материалам Ташкентской ОРЛ клиники (Доложено на заседании ОРЛ общества).

Головные боли риногенного и отогенного происхождения (Доложено на заседании ОРЛ общества).

О ранении уха и их лечении.

О лечении симптомокомплекса Меньера.

Участие зрения при сохранении равновесия (Доложено в ЦНИИ оториноларингологии Министерства здравоохранения РСФСР).

Взаимоотношение между диффузной рецепцией и вестибулярном аппаратом (Доложено на клинической конференции).

О комплексной статокINETической системе (Б.д.).

Инородные тела у детей в верхних дыхательных путях и пищеводе (Доложено на педиатрической научной сессии в г. Кишиневе, 1946 г.).

О поражении вестибулярного аппарата при алиментарной дистрофии (Доложено на II научной сессии Кишиневского мединститута, 1948 г.).

Об исследовании слуха в условиях врачебного участка в Молдавии (Доложено на III научной сессии Кишиневского мединститута, 1950 г.).

К вопросу лечения больных хроническим тонзиллитом (Доложено на VII научной сессии Кишиневского медицинского института, 1948 г.).

О механизме действия при промывании ушей по Гартману (Доложено на заседании ОРЛ общества, 1949 г.).

К вопросу о перевязке яремной вены (Б.д.).

К вопросу о повреждениях и заболеваниях уха и лечения больных: пособие для участковых врачей (не ЛОР специалистов) (Б.д.).

Роль коры головного мозга в функции вестибулярного анализатора при его раздражении. - Рязань, 1955. - 102 с.

ВРАЧИ В СЕМЬЕ ЧЕКУРИНЫХ

От врачей, педагогов и ученых остаются выздоровевшие больные, ученики и книги. Продолжается человек в детях и внуках. Первый профессор в семье **Василий Петрович Чекурин** и земский врач **Иван Игнатьевич Петров** оказались счастливыми людьми, дело их в медицине продолжили дети и внуки, правнуки.

Более 130 лет, с 1880 - х годов и по сей день члены нашей фамилии служат людям на ниве медицины. От XIX века в нашей семье остался один университетский диплом нашего деда об окончании медицинского факультета и звания врача Ивана **Ильича** Петрова. Он проработал земским врачом 38 лет.

Его дочь Надежда окончила Саратовскую гимназию с серебряной медалью. 16 декабря 1914 г. Совет Императорского Московского университета после надлежащего испытания в Медицинском факультете утвердил мою тетку **Надежду Ивановну Перельгину** в степени провизора. На ее свидетельстве подпись последнего дореволюционного ректора Московского университета известного историка М.К. Любавского. Всю свою жизнь Н.И. Перельгина проработала в аптеке.

Ее сестра **А.И. Петрова** (в замужестве Чекурина) была рекомендована как блестяще закончившая школу II ступени в Саратовский университет, но 1920 г., в условиях голода в Поволжье и смерти отца «на сыпняке», учеба в университете для нее оказалась невозможной. 1925 г. окончила фармацевтические курсы в Пятигорске, получив звание фармацевта.

Перед войной в 1939 г. получен диплом 2 –го Ленинградского медицинского института о квалификации врача. Моя двоюродная сестра **Ольга Васильевна Перельгина** получила специальность врача санитарно-гигиенического дела и начала работать санитарным врачом на заводе Консервмолоко в г. Рудня (20 октября 1939 г. – по июль 1941 г.). Там ее застала война. Попутными машинами и пешком добралась до Москвы. В годы войны работала в госпиталях. С 25 июля 1941 г. по июль 1942 г. работала ординатором в эвакогоспитале №№ 2043, 2005. Два месяца была на территории, занятой немцами. С 26 января 1943 г. по 19 апреля 1943 г. работала в э/г № 5400. С августа по февраль работала начальником отделения э/г № 5409. С февраля 1943 г. по август 1945 г. состояла на службе в Сортировочном э/г. 5398 в должности начальника медицинского отдела. Работа в госпиталях была тяжелой. В небольшом архиве О.Д. Перельгиной сохранилась грамота Военного Совета Северо-Кавказского фронта «За самоотверженное служение Родине, доблесть и мужество, проявленные в борьбе с немецкими захватчиками и независимость Советского государства Военный Совет Северо-Кавказского фронта Вам – участнику Великой Отечественной войны объявляется благодарность и награждается Почетной грамотой». Грамота подписана 7 ноября 1943 г. командующим войсками фронта генералом армии Ив. Петровым и Членом Военного Совета фронта генерал-майором Баюковым. В 1946 г. она переводится в распоряжение

Курортного управления г. Кисловодска и затем долгое время работает диетологом в санаториях «Горняк» и «Нарзан» г. Кисловодска.

В 1945 г. в столицу Молдавии был переведен 2-й Ленинградский медицинский институт. **Наталья Васильевна Чекурина** (в замужестве **Кердиваренко**) в 1951 г. окончила этот институт и стала работать на кафедре анатомии. Защитила кандидатскую и докторскую диссертации. Она - ученица известного анатома профессора В.В. Куприянова. Автор 120 научных публикаций, монографий, атласов, учебных пособий. В 1978 г. избрана зав. кафедрой биологии, ныне - кафедра молекулярной биологии и генетики человека. Преподает в Кишиневском медицинском институте более 60 лет, в течение 20 лет заведовала кафедрой. 15 июня 2012 г. Президент республики Молдова наградила Кердиваренко Наталью Васильевну высшей государственной наградой «Орденом Республики».

Следующее, четвертое поколение Чекуриных училось в Рязанском государственном медицинском институте. В 1984 г. с работы медбрата в детской инфекционной больнице начал свой трудовой путь **Дмитрий Леонидович Чекурин**. Окончив институт и интернатуру в 1986 г., он работал врачом-рентгенологом, заведующим рентгенкабинетом в детской поликлинике № 6 г. Рязани. В 1990 – е годы молодого врача избрали депутатом Городского Совета, а затем - Первым заместителем Председателя Рязанского городского Совета. В соответствии с законом РФ «О статусе депутата» депутатские полномочия он выполнял по семейной традиции без увольнения с прежней работы. Государственная служба потребовала новых знаний. После окончания юридического факультета РГУ он около 20 лет работал в банковской системе Рязанской области в Главном управлении Центрального банка России по Рязанской области, Сбербанке, заместителем председателя правления – начальником службы внутреннего контроля ООО «Муниципальный коммерческий банк им С. Живаго». Д.Л. Чекурин убежден, что ему в новой работе помогает клиническое мышление. «Надо понаблюдать» – нормальная позиция для врача и грамотного управленца.

Судьба вернула его к первоначальному предназначению. Последние годы он посвятил организации и пропаганде здорового образа жизни. Он - организатор и менеджер Российских и областных теннисных турниров. Является председателем Совета ветеранов Федерации тенниса России, вице-президент федерации гольфа Рязанской области. Это новый для России вид спорта введен в число олимпийских видов.

Ольга Леонидовна Чекурина окончила Рязанский медицинский университет им. акад. И.П. Павлова в 1994 г. Работала врачом, зав. кабинетом физиотерапии в военном госпитале г. Рязани. Прошла специализацию по гастроэнтерологии. Врач I категории, терапевт, имеет авторские лечебно-оздоровительные программы. В настоящее время работает терапевтом, гастроэнтерологом в санатории «Сосновый бор».

Двоюродная сестра **Ирина Филипповна Пухова** и ее муж **Станислав Серафимович Молостов** окончили РМИ и долгое время работали в Рязанской области, в Якутии, в Рязани. Последние годы своей жизни С.

Молостов работал анестезиологом в Областной клинической больнице в г. Рязани.

Член нашей семьи, отец наших внуков – **Мартынов Михаил Михайлович**, окончил РМИ. Он - хирург, судмедэксперт. Его брат **Александр Михайлович** тоже окончил РМИ. Работает в районной больнице г. Зарайске. Его дочь **Екатерина** – студентка лечебного факультета РМИ.

Четыре поколения врачей семьи Петровых – Чекуриных проработали в медицине 250 лет и продолжают работать. А вместе с их близкими и дальними родственниками – в общей сложности более 400 лет. В нашей большой семье есть крестьяне, рабочие, геодезисты, строители, заводские технологи, химики, экономисты, психологи, искусствоведы, режиссеры, артисты, историки, топографы, физики, некоторые из них достигли высокой квалификации. В нашей большой семье 8 профессоров и докторов наук, некоторые из них занимали высокие посты в образовании и здравоохранении в ранге республиканских министров. Но наиболее значимым был и остается **вот уже третий век** в нашей семье труд врача.

ИЗ ПОКОЛЕННОЙ РОСПИСИ ЧЛЕНОВ «БОЛЬШОЙ СЕМЬИ» ЧЕКУРИНЫХ - ПЕТРОВЫХ, РОДСТВЕННИКОВ, ПОСВЯТИВШИХ СВОЮ ЖИЗНЬ МЕДИЦИНЕ

ПЕРВОЕ ПОКОЛЕНИЕ ВРАЧЕЙ

Порядковый номер		Мед. стаж
1	<i>Петров Иван Ильич (1864 (?) – 26 ноября 1919, г. Петровск)</i> Первый дипломированный врач в семье. Коллежский ассессор. 38 лет проработал земским врачом в Петровском уезде Саратовской губернии. Умер 26 ноября 1919 г. при исполнении служебных обязанностей, заразившись во время эпидемии сыпного тифа (медицинский стаж 38 лет).	

ВТОРОЕ ПОКОЛЕНИЕ ВРАЧЕЙ И АПТЕКАРЕЙ

2	<i>Петрова Надежда (7.07. 1888, г. Петровск – ?, г. Кисловодск)</i> В 1906 г. окончила с серебряной медалью Саратовскую женскую гимназию. Работала в аптеке. 16 декабря 1914 г. аптекарскому помощнику Надежде Петровой после надлежащего испытания в медицинском факультете, определением Университетского Совета присуждена степень Провизора. Свидетельство Императорского Московского университета № 5559. В аптеке № 1 г. Кисловодска проработала 50 лет.	50 лет
3	Муж Надежды Петровой - <i>Василий Перелыгин. Врач(?)</i> .	
4	<i>Петрова (Чекурина) Александра (22.08.1902,г. Петровск - 24.05. 1967, г. Рязань)</i> В 1920 г окончила с отличием школу II ступени в г. Петровске, рекомендована на учебу в Саратовский университет, как блестяще окончившая школу II ступени и проявившая особый интерес к естественно-математическим наукам. Работала в аптеке. После окончания Пятигорских ускоренных фармацевтических курсов аптечных работников присвоена квалификация «Фармацевт» «со всеми правами и преимуществами, присвоенными данной квалификации». В 1920 – 1931 гг. работала в аптеках Петровска, Новочеркаска (медицинский стаж 8 лет). Муж - Чекурин Василий Петрович.	8 лет
5	<i>Чекурин Василий Петрович (7(20).04.1891, г. Петровск – 13.07.1964, г. Рязань).</i> На действительной военной службе с декабря 1912 г. Участник Первой Мировой войны (август 1914 – март 1918). Георгиевский кавалер, орден Анны IV степени, оружие «За храбрость». Демобилизован в чине прапорщика. Начал работать на кафедре уха, горла и носа со 2-го курса. Окончил	36 лет

	<p>медицинский факультет Пермского государственного университета. 27 июня 1923 г. присвоено звание врача и право самостоятельной врачебной деятельности на всей территории РСФСР и Союзных Советских Республик. Кандидат медицинских наук (I ЛМИ, 25.02 1938 г.). Доктор медицинских наук (Решение ВАК 29 июня 1939 г. Диссертация защищена по месту работы в 1 – м Ленинградском медицинском институте), профессор по кафедре болезни уха, горла и носа. Организатор кафедр, клиник и подготовки специалистов своего профиля в Узбекистане, Молдавии и Рязани. Первый заместитель наркома здравоохранения Узбекистана. С 1920 – 2.08 1956. работал по специальности «оториноларинголог» 36 лет.</p>	
--	--	--

ТРЕТЬЕ ПОКОЛЕНИЕ ВРАЧЕЙ

6	<p><i>Перелыгина Ольга Васильевна</i> Окончила полный курс 2-го Ленинградского медицинского института (1934 – 1939) по специальности «санитарно-гигиеническое дело». 5 июля 1939 г. присвоена квалификация врача. Работала санитарным врачом на заводе Консервмолоко г. Рудня (с 20 октября 1939 г. по июль 1941 г.). Участник Великой Отечественной войны. С 25.07.1941г. по 12.07 1942 г. - врач – ординатор э/г №2043, э/г 2005, э/г5400, начальник медотдела эвакогоспиталей Сортировочного ЭГ № 5398 (18.02.43 – 1.08.1945). После войны более 30 лет работала диетврачом в санаториях г. Кисловодска «Горняк», «Нарзан» (медицинский стаж 30 лет).</p>	30 лет
7	<p><i>Кердиваренко (Чекурина) Наталья Васильевна (1928, г. Петровск)</i> В 1946 г. окончила школу с Золотой медалью в г. Кишиневе, затем - с отличием Кишиневский государственный медицинский институт. В этом институте работает более 60 лет. Долгое время заведовала кафедрой нормальной анатомии, генетики. Доктор медицинских наук, профессор. Отмечена высшим орденом Молдовы «Ordinul Republicii» (Орден республики).</p>	более 60 лет
8	<p><i>Чекурин Леонид Васильевич (15.03.1937, г. Ленинград).</i> Профессор кафедры истории. Энциклопедист. Занимается историей науки, культуры, регионоведением. Автор книг и статей об историках, военных, путешественниках и медиках.</p>	5

ЧЕТВЕРТОЕ ПОКОЛЕНИЕ ВРАЧЕЙ

9	<p><i>Чекурин Дмитрий Леонидович (12.07.1962. г. Рязань).</i> Окончил в 1986 г. Рязанский медицинский институт им. акад. И.П. Павлова по специальности «лечебное дело». Работал медбратом, врач-интерном по детской рентгенологии в областной больнице им. Семашко, врачом-рентгенологом, зав. рентгенкабинетом в детской поликлинике № 6 . Медицинский стаж с 1983 – 1993 гг. Избирался депутатом городского совета Рязани, первым заместителем председателя Горсовета. Второе</p>	10 лет
---	---	--------

	образование - юридический факультет РГУ (медицинский стаж 10 лет).	
10	<i>Чекурина (Мартынова) Ольга Леонидовна (9 июня 1971 г., г. Рязань)</i> Окончила в 1993 г. Рязанский государственный медицинский университет им. акад. И.П. Павлова по специальности «Лечебное дело». Сейчас - терапевт 1 – й категории. Работала в военном госпитале, санатории «Сосновый бор». Имеет авторские программы (медицинский стаж 20 лет).	20 лет
11	<i>Молостова Ирина Филипповна (16.06.1945, г. Ставрополь) (тетя Ольги Чекуриной)</i> Окончила РМИ в 1968 г. Врач-педиатр. Работала в железнодорожной поликлинике ст. Павелец, во 2-й детской поликлинике г. Рязани, в рабочем поселке Хандыга (Якутия).	20 лет
12	<i>Молостов Вячеслав Серафимович (7 декабря 1944 г. г. Касимов – 2007, г. Рязань) (муж Ирины Пуховой).</i> Работал врачом в Железнодорожной поликлинике ст. Павелец, в 8-й больнице г. Рязани, в рабочем поселке Хандыга (Якутия), анестезиологом в Рязанской областной клинической	39 лет
13	<i>Мартынов Михаил Михайлович (муж Ольги Чекуриной).</i> Окончил РязГМУ. Хирург в Рязанской областной клинической больнице, судмедэксперт Рязанской области	20 лет
14	<i>Мартынов Александр Михайлович (брат Михаила).</i> Окончил РязГМУ. Врач в районном центре Захарово Рязанской области, г. Зарайске Московской области.	22 года
15	<i>Молостова Галина Серафимовна (род. в 1934 г.)</i> Окончила медицинское училище в г. Касимов. Работала по распределению в г. Усть-Каменогорске, в кабинете ЭКГ-диагностики поликлиники 3-да «Центролит» в Рязани	20 лет
16	<i>Гоноскова (двоюродная сестра Вячеслава Молостова)</i> Окончила медицинской училище в г. Касимов. Медсестра.	20 лет

ПЯТОЕ ПОКОЛЕНИЕ

17	<i>Мартынова Екатерина</i> Студентка Рязанского государственного медицинского университета им. акад. И.П. Павлова.	
18	<i>Чекурина Александра Дмитриевна, 27 ноября 1985 г рождения, г. Рязань. Окончила факультет психологии Государственного университета «Высшая школа экономики» по специальности «психология» (организационный психолог). 16 июня 2010 г. присуждена степень магистра по направлению «Психология». Работает в Министерстве социального обеспечения Рязанской области.</i>	
19	<i>Мартынова Светлана Михайловна, 1995 г. рождения. Окончила 4-го лицей г. Рязани с Золотой медалью. Студентка МГУ.</i>	
20	<i>Мартынова Анна Михайловна, 2004 г. рождения. Ученица 4-го лицей г. Рязани</i>	

Литература о В.П. Чекурине

История кафедры болезней уха, горла и носа I Ленинградского медицинского института им. акад. И.П. Павлова // Вестник оториноларингологии. - М.: Медгиз, 1940.- № 1. - С. 7 – 10.

50 лет Первого Ленинградского медицинского института имени академика И.П. Павлова. - М.;Л.: Медгиз. Ленинградское отделение, 1947. - С. 395 – 396.

Кишиневский государственный медицинский институт. – Кишинев, 1984.

100 лет СПб.ГМУ им. акад. И.П. Павлова / под ред. Н.А. Яицкого. – СПб., 1997.

Френкель Г. История одного курса / Г. Френкель. - Филадельфия, 2000.

Gronica meditativa a unei promotii (Хроника. Размышления одного выпуска. – Кишинев, 2001. - С. 410.

Колодин Н.Н. Ярославские эскулапы. Т.2: Наследники. Этюды о былом / Н.Н. Колодин. – Ярославль, 2008. – С. 144 – 149.

Френкель Н.Г. (Мякушева). Книга о книге и еще немного о выпуске КМИ 1950 года (Обзор писем) / Н.Г. Френкель.- Филадельфия, 2002.

Grossu Ulian. Originea si itinerariile unei promotii. 1952 (Происхождение и пути одного выпуска 1952 г.) / Ulian Grossu. - Chisinau, 2002. - С. 160; 162.

Кердиваренко Н.В. Наследники по прямой: К 300–летию Санкт-Петербурга. О кишиневском медицинском институте / Н.В. Кердиваренко // Русское слово.- 2003.- № 8 (52).

Рязанская энциклопедия: справочные материалы.– Рязань, 1992.- Т.3, ч.2.- С. 174.

Рязанская энциклопедия.– Рязань: Александрия, 2002.- Т. 3.- С.507.

К 110–летию со дня рождения профессора В.П. Чекурина // 7 дней.- Рязань, 2001.

Календарь знаменательных дат. – Рязань: Изд-во Обл. библиотеки им. А.М. Горького, 2006.

Календарь знаменательных дат. – Рязань: Изд-во Обл. библиотеки им. А.М. Горького, 2010.

Новиков П. Памятник сибирским стрелкам / П. Новиков; ИрГТУ // Интернет – ресурсы. 12.10 2012 г.

Мухина-Петринская В.М. На ладони судьбы...Я рассказываю о своей жизни... / В.М. Мухина-Петринская. - Саратов: Приволжское кн. изд-во, 1990. - С. 194–197; 221 – 223.

Леонид Васильевич Чекурин: биобиблиографический указатель (К 70-летию со дня рождения).- Рязань, 2008. - 86 с.

Profesor universitar Natalia Cerdivareco. Aparatul nervos al venei cave inferioare (Alocutiune anivesara). 70 . – Chisinau, 1998.

Хакимов А.М. Современные достижения и задачи оториноларингологии: лекция для студентов 5 курса лечебного и медико-педагогического факультетов / А.М. Хакимов. - Ташкент, 2007.

Cherdivareco Natalia. Istoria fondarii si dezvoltarii USMF 1945 – 1955 / Natalia Cherdivareco.- (на молд. яз.).

Кердиваренко Н.В. Первое десятилетие Alma mater [Машинописная рукопись] / Н.В. Кердиваренко.- Кишинев, 2005с.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ, ПЕРЕПИСКА:

Личный фонд В.П. Чекурина.

Личный фонд Н.В. Кердиваренко.

Личный фонд Л.В. Чекурина.

Личное дело, заведенное кафедрой ЛОР, доктора медицинских наук, профессора В.П. Чекурина в архиве Кишиневского медицинского института. Начато 14 сентября 1945 г. - окончено 12 мая 1951 г.

Личное дело, заведенное кафедрой ЛОР, доктора медицинских наук, профессора В.П. Чекурина (1951 – 1956 гг.).

Личное дело Петрова Сергея Ивановича. Биография и др. документы.

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА) Ф. 409. Оп.1 Д. 181116 лл. 129, 131 - 134 об.; 182/28; 73706; 186 – 103.

Электронные ресурсы:

Clinica ORL. Республиканская Клиническая больница (ПМСУРКБ) Клиника Оториноларингологии (ЛОР).- URL: <http://lor.md.narod.ru/Clinica-orl-ru-ru.html> 09.04.2010. Стр. 1 – 4/

Новая литература Кыргызстана. Фейгин Г.А. Портрет оториноларинголога. 2009. 13.03 2010.

Uhogorlonosik/ru Кафедра оториноларингологии РОСТГМУ. История кафедры. 08.03.2010.

VIVOS VOXO: В.Я. Александров. Трудные годы советской биологии. Разгром. 11.042010.

Кафедра оториноларингологии Саратовского государственного медицинского университета.-URL: www.sgmru.ru/info/str/depst/orl/ 08/032010 10 с/

Кафедра оториноларингология. Ростов на-Дону. – URL: Lor-centr@ramler.ru 2013 Puzaev S/..

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Биографический очерк	4
Рядовой России. Владивостокская крепость	12
Первая Мировая война. Северо-Западный фронт	19
Школа прапорщиков	26
134-й пехотный запасной полк	32
Румынский фронт	33
Демобилизация 30-го полка	43
Медицинский факультет – мой путь к миру	48
Саратов–Пермь–Ростов-на-Дону	51
Возвращение в Петровск	56
Новочеркасск	63
Ленинград	65
Ташкент	69
Далекий и неведомый нам Узбекистан...	71
Молдавия	80
Ученики и последователи кафедры ЛОР КГМИ	97
Рязанский медицинский институт им. академика И.П. Павлова	101
Профессорский дом на Советской площади	104
Краткие сведения о жителях дома на Советской площади	114
Вместо заключения: врачи в семье Чекуриных	
Основные даты жизни, научной и общественной деятельности	
В.П. Чекурина	119
Хронологический указатель трудов В.П. Чекурина	122
Неопубликованные рукописи, доклады и сообщения на конференциях, заседаниях лор общества	125
Приложение	
Врачи в семье Чекуриных	127
Из поколенной росписи членов семьи Чекуриных - Петровых, родственников, посвятивших свою жизнь медицине	130
Литература о В.П. Чекурине	133
Архивные материалы, переписка	134